

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

Старостина Дарья Антоновна

**ВАРИАНТЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ТЕЛА В СОЦИОЛОГИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ**

Специальность 5.4.1 – Теория, методология и история социологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель –
доктор социологических наук
Нарбут Николай Петрович

Москва – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ ТЕЛА В КАЧЕСТВЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ	14
1.1. Антропологические исследования тела как основа возникновения социологии тела	14
1.2. Оформление социологии тела: основные представители и их концепции	25
ГЛАВА 2. КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕЛА В СОЦИОЛОГИИ	56
2.1. Тело как объект социального контроля: феномен биополитики и социология медицины.....	56
2.2. Изучение проблематики пола и гендера.....	71
2.3. Тело как объект потребления.....	91
2.4. Тело и технологии: развитие биотехнологий и селф-трекинга.....	105
ГЛАВА 3. ТЕХНИКИ ТЕЛА И ТЕЛЕСНЫЕ ПРАКТИКИ: ТЕЛО КАК ПРОЕКТ	118
3.1. Техники тела.....	118
3.2. Телесные практики	128
3.3. Тело как проект	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	147
БИБЛИОГРАФИЯ.....	150
ПРИЛОЖЕНИЕ	167

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблематики исследования

Тело – физическая основа существования человека и материальный фундамент его способности «встраиваться» в общество; один из базовых компонентов социальной коммуникации и идентичности. В современном обществе тело обретает новые функциональные и символические смыслы и, тем самым, все большее социальное значение. Происходящие в последние десятилетия трансформации – процессы глобализации, цифровизации, урбанизации и социальной сетевизации – «внедряют» тело во все новые контексты и системы отношений. Соответственно, формируется множество новых (по сравнению с прошлыми эпохами) дискурсов, в которых тело становится ключевым элементом (центром конструирования нарративов) и которые конституируют общество потребления, описывают влияние информационных технологий и новых общественных движений, связанных с гендерными практиками и/или принятием тела, объясняют новые виды телесных практик и «проектирование» тела.

Безусловно, тело всегда играло важную роль в социальном восприятии человека и формировании его социального статуса, но в современном обществе взаимосвязь телесного и социального значительно возрастает¹. От телесных характеристик, таких как наличие/отсутствие избыточного веса, осанка, подтянутость мышц, ухоженность кожи, волос и ногтей, а также от общих феминных и маскулинных идеалов во многом зависит социальная востребованность человека и его возможный успех (в заданных ролях и статусах) в самых разных системах отношений – любовных и деловых, профессионально-трудовых и досуговых, и т.д. Более того, телесные характеристики оказывают все большее влияние на положение и возможности индивида по мере становления общества потребления, в котором тело выступает, согласно

---

¹ Ильин В. И. Социальное конструирование тела // Потребление как дискурс. СПб., 2008. С. 64.

Ж. Бодрийяру, «самым прекрасным объектом потребления»², поэтому освоение и распространение многообразных техник заботы о теле становится одним из важнейших элементов современной потребительской культуры.

Не менее значимый процесс современности – формирование отношения к телу как к проекту, т.е. как объекту и результату преобразования «физиологической данности в процессе освоения культуры»³: тело не просто «присутствует» в жизни современного человека, а становится одной из ключевых целей его социальной биографии. Основанием телесно-проектного подхода стали телесные практики – спектр в той или иной степени санкционированных культурой способов обращения с телом, включая радикальные преобразования. Другой важный вектор трансформации практик «обращения с телом» – влияние цифровых технологий, которые не только все активнее используются, но и физически становятся «ближе к телу» (например, технологии селф-трекинга⁴ (self-tracking) фактически становятся частью человеческого тела). Все новые веяния дополняют исторически сложившуюся тенденцию неизбежного телесного встраивания человека в социально-политический контекст – тело было и остается объектом контроля и манипулирования, источником борьбы и инструментом отстаивания прав, в том числе с помощью создания общественных движений и организаций (например, сегодня это движение бодипозитива).

Таким образом, практики обращения с телом и его изменений (физически-социальных) – важная исследовательская область для современной социологии, что подтверждает все возрастающее число публикаций по социологии тела и признание учеными такого феномена, как «телесный поворот»⁵ (corporeal turn).

---

² Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006. С. 114.

³ Быховская И.М. Номо somatikos: аксиология человеческого тела. М.: Едиториал УРСС, 2000. С.107; Михель Д.В. Воплощенный человек: Западная культура, медицинский контроль и тело. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2000. С. 195.

⁴ Self-tracking – биометрические практики, направленные на регулирование, мониторинг, запись и измерение особенностей человеческого поведения и телесных функций.

⁵ Witz A. Whose body matters? Feminist sociology and the corporeal turn in sociology and feminism // Body and Society. 2000. Vol. 6. No. 2. P. 1.

Научная разработанность проблематики

Вопросы телесности имеют долгую традицию научного изучения в целом ряде областей социального познания, прежде всего, в философии, социальной и культурной антропологии и психологии. Для социологического анализа наиболее значим понятийно-категориальный аппарат и концептуальные построения, оформившиеся в русле антропологического изучения тела⁶. В философии исследования телесности с древнейших времен сводились в основном к размышлениям о дуальности «тело–дух» (Платон, Аристотель, Ибн Сина, Аль Фараби и др.), и впервые категория телесности была детально проработана представителем экзистенциальной феноменологии М. Мерло-Понти⁷. В психологии традиция обращения к телесности представлена не менее широко, но в значительно более сжатой исторической перспективе⁸.

---

⁶ См., напр.: Боас Ф. Ум первобытного человека / Пер. с англ. А.М. Водена. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926; Douglas M. *Natural Symbols: Explorations in Cosmology*. Harmondsworth: Penguin Books, 1973; Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу / Пер. с англ. Р. Громовой, под ред. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000; Леви-Стросс К. *Первобытное мышление*. М.: Республика, 1994; Леви-Стросс К. Предисловие к трудам Марселя Мосса // Мосс М. *Социальные функции священного*. СПб.: Евразия, 2000; Леви-Стросс К. *Структурная антропология* / Пер. с фр. В.В. Иванова. М., 2001; Leroi-Gourhan A. *Gesture and Speech*. Cambridge: MIT Press, 1993; Leroi-Gourhan A. *Prehistoric Man*. New York: Philosophical Library, 1957; Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в изменяющемся мире. М.: РОССПЭН, 2004; Мид М. *Культура и мир детства. Избранные произведения*. М.: Наука, 1988; Мосс М. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии* / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011; Мосс М. *Техники тела // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. М.: Восточная литература, 1996; Mauss M. *Techniques and technology // Techniques, Technology and Civilization*. New York-Oxford: Durkheim Press, 2006; Polhemus T. *Social Aspects of the Human Body*. Harmondsworth: Penguin, 1978; Тернер Б. *Современные направления развития теории тела // THESIS*. 1994. Вып. 6; Вигарелло Ж. *Искусство привлекательности. История телесной красоты от ренессанса до наших дней*. М.: НЛЮ, 2013; Гофман А. *Марсель Мосс: за единство наук о человеке // Человек*. 1993. № 2; Гофман А. *Социологические концепции Марселя Мосса // Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды*. М.: Наука, 1976; Ingold T. 'Tools for the hand, language for the face': An appreciation of Leroi-Gourhan's *Gesture and Speech* // *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. 1999. Vol. 30. No. 4; Кон И.С. Мужское тело в истории культуры. М.: Слово, 2003; *История тела: в 3 тт.* / Под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. Т. 1: *От Ренессанса до эпохи Просвещения* / Пер. с фр. М. Неклюдовой, А. Стоговой. М.: НЛЮ, 2012; Т. 2: *От Великой французской революции до Первой мировой войны* / Пер. с фр. О. Аверьянова. М.: НЛЮ, 2014; Круткин В.Л. *Техники тела и движения человека // Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. № 2; Островский А.Б. *Этнологический структурализм Клода Леви-Стросса // Леви-Стросс К. Первобытное мышление – Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1–2 / Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой*. М.: Прогресс – СПб.: Алетейя, 1997; Stocking G.W.Jr. *Franz Boas and the culture concept in historical perspective // American Anthropologist*. 1966. Vol. 68. No. 4 и др.

⁷ См., напр.: Мерло-Понти М. *Феноменология восприятия* / Пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999.

⁸ См., напр.: Лоуэн А. *Психология тела: биоэнергетический анализ тела*. М.: ИОИ, 2000; Тхостов А.Ш. *Психология телесности*. М.: Смысл, 2002; Бескова Д.А., Тхостов А.Ш. *Телесность как пространственная структура // Психология телесности между душой и телом / Ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви*. М.: АСТ, 2007; Бескова Д.А. *Клинико-психологические характеристики внешней и внутренней границ телесности: Дисс. к.психол.н. М.*, 2006; Рупчев Г.Е. *Психологическая структура внутреннего телесного опыта при соматизации: на модели соматоформных расстройств: Дисс. к.психол.н. М.*, 2001; Рамси Н., Харкорт Д. *Психология внешности*. СПб.: Питер, 2009; Райзман Е.М. «Забота о теле» как социокультурный феномен // *Психосома-*

В социологии концептуальные основания изучения тела заложили работы Г. Зиммеля⁹, И. Гофмана¹⁰, Дж.Г. Мида¹¹, Н. Элиаса¹², М. Фуко¹³ и др., позже эти основания были конкретизированы применительно к общей социологической теории и теории социального действия¹⁴. В современных социологических исследованиях тела можно выделить несколько условных направлений: изучение гендера (в контексте общей философско-антропологической традиции¹⁵; феминистский подход¹⁶; академическая ген-

---

тика: телесность и культура / Под ред. В.В. Николаевой. М.: Академический проект, 2009; Мешкова Т.А., Татаурова С.С. Актуальные проблемы исследования образа тела // Психологический вестник Уральского государственного университета. 2009. Вып. 8; Шишкова А.В. Теоретические представления об образе физического я в психологии // Северо-Кавказский психологический вестник. 2009. № 3; Taleporos G., McCabe M.P. Body image and physical disability-personal perspectives // *Social Science and Medicine*. 2002. Vol. 54. No. 6; Tylka T.L. Beyond “truly exceptional”: A tribute to Thomas F. Cash, an innovative leader in the body image field // *Body Image*. 2019. Vol. 31 и др.

⁹ См., напр.: Зиммель Г. Экскурсы о социологии чувств // *Ароматы и запахи в культуре*. М.: НЛО, 2010; Simmel G. *The sociology of space* // Frisly D., Featherstone M. (Eds.) *Simmel on Culture*. London: Sage Publications, 2000 и др.

¹⁰ См., напр.: Гофман И. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу / Пер. с англ. С.С. Степанова, Л.В. Трубицыной, под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009; Goffman E. *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings*. New York: The Free Press, 1963 и др.

¹¹ См., напр.: Мид Дж.Г. *Философия настоящего* / Пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузминова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014 и др.

¹² См., напр.: Элиас Н. *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*. М.–СПб.: Университетская книга, 2001 и др.

¹³ См., напр.: Фуко М. *Археология знания* / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: Гуманитарная академия; Университетская книга, 2004; Фуко М. *История безумия в классическую эпоху*. М., 2010; Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы* / Пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999; Фуко М. *Рождение клиники* / Пер. с фр. А.Ш. Тхостова. М.: Смысл, 1998; Фуко М. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук* / Вступ. ст. Н.С. Автономовой. СПб.: Талисман, 1994 и др.

¹⁴ См., напр.: Йоас Х. *Креативность действия* / Гл. ред. И.А. Савкин. СПб.: Алетейя, 2005; Бурдые П. *Социальное пространство: поля и практики* / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005; Shilling C. *Sociology and the body: Classical traditions and new agendas* // *Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects* / Ed. by C. Shilling. Oxford: Blackwell, 2007; Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. *Модерн и процесс индивидуализации: Исторические судьбы индивида модерна*. М.: Праксис, 2017; Полякова Н.Л. *Идентичность в современной социологической теории* // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. 2016. № 4; Филиппов А.Ф. *Социология пространства*. СПб.: Владимир Даль, 2008 и др.

¹⁵ См., напр.: Butler J. *Bodies That Matter. On the Discursive Limits of “Sex”*. New York–London: Routledge, 1993; Butler J. *Undoing Gender*. New York–London: Routledge, 2004; Oudshoorn N. *Beyond the Natural Body: An Archaeology of Sex Hormones*. London: Routledge, 1994; Laqueur T. *Making Sex: Body and Gender from the Greeks to Freud*. Cambridge: Harvard University Press, 1990 и др.

¹⁶ См., напр.: Бовуар С. де. *Второй пол*. Т. 1–2 / Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997; Gatens M. *A critique of the sex/gender distinction* // *A Reader in Feminist Knowledge*. London: Routledge, 1991; Grosz E. *Notes towards a corporeal feminism* // *Australian Feminist Studies*. 1987. Vol.2. No. 5; Уэст К., Зиммерманн Д. *Создание гендера* // *Хрестоматия феминистских текстов* / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000; Кристева Ю. *Избранные труды: Разрушение поэтики*. М.: РОССПЭН, 2004; Roberts C. *A matter of embodied fact: Sex hormones and the history of bodies* // *Feminist Theory*. 2002. Vol. 3. No. 1; Ушакин С.А. *Культура пола* // *Социо-культурный анализ гендерных отношений* / Под ред. Е.Р. Ярской Смирновой. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1998; Braidotti R. *Patterns of Dissonance: A Study of Women in Contemporary Philosophy*. New York: Routledge, 1991; Уэст К., Зиммерманн Д. *Создание гендера* // *Хрестоматия феминистских текстов* / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000; Schilt K., Westbrook L. *Doing gender, doing heter-*

дерная теория¹⁷); тело как объект потребления в обществе потребления¹⁸; виды техник тела и телесных практик¹⁹; тело в медицине²⁰; разные аспекты взаимодействия тела и технологий²¹.

---

onormativity: 'Gender normals', 'transgender people, and the social maintenance of heterosexuality // *Gender & Society*. 2009. August и др.

¹⁷ См., напр.: Айвазова С.Г. Симона де Бовуар: этика подлинного существования // *Женщина в российском обществе*. 2014; Силласте Г.Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2016; Белова А.В. Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // *Женщина в российском обществе*. 2014; Schilt K., Lagos Da. The development of transgender studies in sociology // *Annual Review of Sociology*. 2017; Fausto-Sterling A. Sexing the Body: Gender Politics and the Construction of Sexuality. New York: Basic Books, 2000; Гербут Н.А., Гербут И. А. Недопредставленность женщин в названиях улиц: гендерные нарративы городских пространств // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 4; Клименкова Т. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М., 1996; Станковская Е.Б. «Мое чужое тело»: современные формы отношения женщины к себе в аспекте телесности // *Мир психологии*. 2011. № 4; Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // *Хрестоматия феминистских текстов* / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000; Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб: Изд-во ЕУСПб, 2007; Тартаковская И.Н. Публичная сфера и гендерное разделение труда. М.: Московский центр гендерных исследований, 2012 и др.

¹⁸ См., напр.: Bauman Z. Survival as a social construct // *Theory, Culture & Society*. 1992. Vol. 9; Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006; Giddens A. Modernity and Self-Identity. Cambridge: Polity Press, 1991; Crawford R. Cultural influences on prevention and the emergence of a new health consciousness // *Taking Care: Understanding and Encouraging Self-Protective Behavior* / Ed. by N.D. Weinstein. Cambridge: Cambridge University Press, 1987; Featherstone M., Hepworth M., Turner B.S. The Body. Social Process and Cultural Theory. London: Sage. 1991 и др.

¹⁹ См., напр.: Aalten A. Performing the body, creating culture // *European Journal of Women's Studies*. 1997. Vol. 4. No. 2; Быховская И.М. Homo somatikos: аксиология человеческого тела. М.: Едиториал УРСС, 2000; Кляйнеберг М. Болезнь и здоровье в эпоху велнеса, селф-трекинга и самооптимизации – на пути к обществу здоровья? // *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*. 2018. № 1; Crossley N. Mapping reflexive body techniques: On body modification and maintenance // *Body & Society*. 2005. Vol. 11. No. 1; Круткин В.Л. Техники тела и движения человека // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. № 2; Lupton D. Data Selves: More-than-Human Perspectives. John Wiley & Sons, 2019; Lupton D. Self-tracking modes: Reflexive self-monitoring and data practices // *Imminent Citizenships: Personhood and Identity Politics in the Informatic Age Workshop*. Canberra: University of Canberra, 2014; Lupton D. The Quantified Self: A Sociology of Self-tracking. Malden: Polity, 2016; Richardson S., Mackinnon D. Becoming your own device: Self-tracking challenges in the workplace // *Canadian Journal of Sociology*. 2018. Vol. 43. No. 3; McFall L. Personalizing solidarity? The role of self-tracking in health insurance pricing // *Economy and Society*. 2019. Vol. 48. No. 1; Ним Е.Г. Селф-трекинг как практика квантификации телесности: концептуальные контуры // *Антропологический форум*. 2018. № 38; Rettberg W.J. Seeing ourselves through technology // *How We Use Selfies, Blogs and Wearable Devices to See and Shape Ourselves* / Ed. by H.G. Corneliussen. Bergen: University of Bergen, Palgrave Macmillan, 2014; Richardson S., Mackinnon D. Becoming your own device: Self-tracking challenges in the workplace // *Canadian Journal of Sociology*. 2018. Vol. 43. No. 3; Соколов А.Б. История тела. Предпосылки становления нового направления в историографии // *Диалог со временем*. 2009. № 26; Фуко М. Технологии себя // *Логос*. 2008. № 2; Shilling C. Sociology and the body: Classical traditions and new agendas // *Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects* / Ed. by C. Shilling. Oxford: Blackwell, 2007; Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. М.: Университетская книга, 2001 и др.

²⁰ См., напр.: Blackwell E. Essays in Medical Sociology. London, 1902; Cockerham W.C. Health sociology in a globalizing world // *Política y Sociedad*. 2011. Vol. 48. No. 2; Bloom S.W. Institutional trends in medical sociology // *Journal of Health and Social Behavior*. 1986. Vol. 27. No. 3; Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с фр. А.В. Дьякова. СПб.: Наука, 2010; Осипова Н.Г. Здравоохранение и российское общество в XXI веке: парадоксальные эффекты социального взаимодействия // *Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН. Сердечно-сосудистые заболевания*. 2020. Т. 21. № 6; Решетников А.В. Социология медицины: становление, идеи, задачи // *Вестник РАН*. 2001. Т. 71. № 12; Лядова А.В. Особенности становления социологии медицины как междисциплинарного научного направления // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. 2019. № 1; Семина Т.В. Медицина и общество: микроуровень социального взаимодействия // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. 2020. Т. 26. № 3; Новоселова Е.Н. Здоровье как ценность и

Объект исследования – варианты концептуализации тела как социального феномена. **Предмет** – теоретические истоки социологических концептуализаций тела и категориальный аппарат социологического анализа тела.

Цель исследования – реконструировать логику становления социологии тела как самостоятельного исследовательского направления, обозначив специфику ее предметного поля.

Для достижения поставленной цели в диссертации были решены следующие **задачи**:

- проанализировать истоки и категориальный аппарат первых исследований тела в социальных науках (прежде всего, в антропологии), раскрыв их значение для оформления социологии тела в самостоятельное исследовательское направление;
- выделить ключевые социологические концептуализации тела;
- реконструировать историческую логику изменения предметного поля социологии тела;
- охарактеризовать специфику концепций тела как объекта контроля (прежде всего, в рамках биополитики и социологии медицины);
- определить соотношение телесной и гендерной проблематики в социологическом анализе;
- систематизировать категориальный аппарат трактовки тела как объекта потребления и объекта проектирования;
- развести понятия техник тела и телесных практик;

практика: общество, семья, личность. М., 2021; Завьялов А.Е. Формирование здорового образа жизни молодежи в современной России: Автореф. дисс. к.с.н. М., 2013 и др.

²¹ См., напр.: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: Изд-во АСТ, 2004; Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016; Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000; Вершинина И.А., Лядова А.В. Данные в цифровом мире: новые возможности или дополнительные риски? // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4; Lupton D. Data mattering and self-tracking: What can personal data do? // Continuum. 2020. Vol. 34. No. 1; Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Цифровой разрыв в России: Особенности и тенденции // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перспективы. 2019. № 5; McFall L. Personalizing solidarity? The role of self-tracking in health insurance pricing // Economy and Society. 2019. Vol. 48. No. 1 и др.

- оценить эвристический потенциал «технологизации» в социологическом анализе телесных практик.

Теоретико-методологические основания исследования

Диссертационное исследование опирается на сравнительный и историографический анализ концептуальных ресурсов социологического анализа телесности, акцентируя внимание на формировании его категориального аппарата и ключевых концептуализаций. Отчасти можно говорить об использовании ресурсов интерпретационного (герменевтического) метода и неформализованного контент-анализа социологических дискурсов в рамках социально-феноменологической трактовки тела как одновременно объективной, физической данности и в то же время символически нагруженной, искусственно трансформированной телесности, которая сегодня все чаще функционирует по собственным самопрезентационным и технологически-цифровым правилам. Поскольку в диссертации речь идет о теле и как о проекте, то в методологической части исследование опирается и на символический интеракционизм в том смысле, в каком он подчеркивает принципиальное значение визуального в конструировании, (вос)производстве и понимании социальных практик. Также теоретико-методологическую базу диссертации составили философские, антропологические и психологические работы, посвященные трактовкам тела в целом и изменению отношения к телу в обществе потребления и современном цифровом мире, а также специфике восприятия тела через исследовательские вопросы гендерных теорий и социологии медицины. Эмпирическая часть диссертации носит преимущественно иллюстративный характер – представлена подборкой данных количественных социологических и маркетинговых исследований.

Научная новизна диссертации состоит в прочерчивании границ предметного поля социологии тела как самостоятельной научной дисциплины (теории среднего уровня в мертоновской терминологии) – это тело во всем

многообразии социальных проявлений и выражений (компонент социальной структуры и социального действия, основа идентичности и телесного проекта), подвергаемых воздействию процессов урбанизации, глобализации, цифровизации, сетевизации и т.д.). Для этого в работе были:

1. реконструированы теоретические истоки социологического анализа тела, наиболее значимые для оформления предметного поля социологии тела как самостоятельной научной дисциплины;
2. разработана типология основных исследовательских направлений в современной социологии тела;
3. предложены социологически релевантные определения телесных практик и телесного проекта, которые можно подвергнуть дальнейшей интерпретации в интересах эмпирического анализа;
4. разработана классификация телесных практик.

Основные положения, выносимые на защиту

1. В становление социологии тела основной вклад внесли три исследовательских направления:
  - социальная и культурная антропология (Ф. Боасс, М. Мид, М. Дуглас, М. Мосс, А. Леруа-Гуран, К. Леви-Стросс и др.) с такими понятиями, как «телесная структура», «переживание собственного тела», «границы тела», «техники тела» и т.д.;
  - концептуализации тела в социологии культуры Г. Зиммеля, фигуративной социологии Н. Элиаса, теориях М. Фуко, Дж.Г. Мида и И. Гоффмана, которые ввели в категориальный аппарат социологического анализа тела такие категории, как «чувственно-телесное восприятие», «самопринуждение», «власть над телом», «дисциплинарное общество», «роль тела», «уязвимость тела», «телесно-воплощенная и бестелесная информация», «наблюдаемость» и т.д.;
  - общесоциологические теории общества и социального действия (прежде всего, П. Бурдьё и Х. Йоас), дополнившие перечисленные выше ка-

теории такими понятиями, как «контроль через тело», «габитус», «креативное действие», «телесная схема», «образ тела».

2. В современных социологических исследованиях тела можно выделить четыре основных тематических направления:

- тело как объект социального контроля: в основе направления лежит концепция биополитики М. Фуко, согласно которой тело – один из инструментов социального контроля, осуществляемого государством посредством «социальной медицины» или медикализированной/институционализированной биополитики;
- тело как ключевая категория гендерных исследований (концепции телесной репрезентации и идентичности; практические следствия этих концепций в формате общественных движений, связанных с телом, таких как бодипозитив или феминизм);
- тело как объект потребления: направление основано на трактовках тела как объекта нарциссического культа и красоты как формы капитала, на концепциях Ж. Бодрийера и М. Фезерстоуна, согласно которым общество потребления порождает культ тела и фетишизирует символические практики потребления, связанные с телом (стандарты красоты);
- тело как объект технологических новшеств (биотехнологии и технологии селф-трекинга): в основе направления лежит концепция Ф. Фукуямы о возможностях изменения биологической природы человека с помощью новейших научно-технологических средств, согласно которой чем стремительнее развиваются технологии, тем глубже они «проникают» в человеческое тело.

3. «Техники тела» и «телесные практики» – две самостоятельные категории, которые могут переплетаться/пересекаться и/или осуществляться параллельно. Техники тела связаны с конкретными обществами и культурами, рутинным образом встроены в повседневность, укоренены в традициях и воспроизводятся на уровне привычки. Телесные практики – осознанный набор действий в рамках реализации индивидуального телесного проекта,

т.е. социально обусловленные, ценностно нагруженные действия в отношении тела в рамках индивидуального телесного проектирования. Соответственно, телесный проект – это набор телесных практик, сформированный на основании социальных, культурных, политических, этических и других критериев создания целостного образа «Я».

4. Поскольку в необходимых для такого проектирования телесных практиках постепенно возрастает элемент самостоятельности, можно предложить следующую классификацию телесных практик, по сути, конституирующей предметное поле эмпирических исследований в социологии тела:

- практики контроля и самоконтроля (медицинских показателей, питания, лечения, восстановления и расслабления, спортивные и пр.);
- практики формирования «потребляемого» тела (фитнес, эстетическое изменение тела с помощью косметологии и пластической хирургии, корректировка внешнего образа, подбор гардероба и т.д.);
- гендерные и половые практики (изменения пола и гендера – операционные, гормональные, внешне-визуальные, а также репродуктивные);
- практики внедрения технологий «в тело» (селф-трекинга, сокращения нагрузок, погружения в виртуальную реальность, кибернизации, телесной репрезентации в социальных сетях и пр.).

Представленная классификация не претендует на полный и исчерпывающий охват всех типов и видов телесных практик, но позволяет систематизировать и структурировать предметное поле социологии тела.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертационного исследования изложены в 7 опубликованных автором работах, в том числе в 1 журнале из Перечня ВАК (приравнен к МБЦ) и в 2 изданиях, включенных в Перечень РУДН. Выводы и материалы диссертации докладывались и обсуждались на международных и российских конференциях, в том числе на ежегодной международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»

(МГУ, 2020, 2021, 2022) и всероссийской научной конференции XV Ковалевские чтения «Социолог: образование и профессиональные траектории».

Теоретическая и практическая значимость исследования

Результаты диссертации позволяют систематизировать уже сложившиеся и только формирующиеся направления изучения социальной «жизни» тела в социологии, а также обозначить теоретико-методологические подходы к интерпретации телесных практик. Концептуальные определения, представленные в диссертационном исследовании, могут лечь в основу последующих теоретических разработок в рамках социологии тела и использоваться в программной части эмпирического изучения телесных практик и их трансформаций в современном обществе. Материалы диссертационного исследования обозначают направления эмпирического изучения тела как социокультурного феномена и как ценностно и технологически нагруженного проекта. Выводы и наработки диссертации могут быть использованы для разработки специальных учебных курсов по социологии тела и социологии медицины, а также для дополнения отдельных тематических блоков таких учебных дисциплин, как общая социология, история социологии, современные социологические теории и др. в магистратуре и аспирантуре.

Структура диссертации подчинена достижению цели и задач исследования: работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения. Библиография диссертации насчитывает 221 источник. Объем диссертационной работы – 7,5 п.л. (без приложения и библиографии).

ГЛАВА 1

Становление социологии тела

в качестве самостоятельного исследовательского направления сферы

1.1. Антропологические исследования тела как основа возникновения социологии тела

Тело в качестве значимого объекта исследования долгое время игнорировалось различными социальными и гуманитарными дисциплинами, в том числе и социологией. Причины данного явления будут рассмотрены ниже. Антропология становится одной из первых гуманитарных дисциплин, не просто включившей тело в область своих исследований, но и установившей его в качестве полноценного и самостоятельного объекта изучения. В данной части работы будет рассматриваться, как выстраивались исследования тела в антропологии, как они способствовали выходу данной категории на междисциплинарный уровень и как они повлияли на формирование социологии тела как самостоятельной научной дисциплины. В данном параграфе предметом рассмотрения станут исследования и систематизация идей антропологов и культурантропологов, посвященные проблематике тела.

В своей работе «Современные направления развития теории тела»²² британский социолог Брайан Тернер показывает, что зарождение научного изучения тела возникает именно в рамках антропологии. Также Б. Тернер демонстрирует последующую преемственность этой проблематики социологией и формирование нового направления: социологии тела. Как уже было отмечено ранее, антропологи начинают исследование тела раньше других социально-гуманитарных дисциплин и уже начиная с XIX века отводят ему ключевую роль в своих исследованиях. Рассуждая о причинах этого, можно указать на то, что в досовременных обществах, являющихся объектом изучения антропологов, тело является самым очевидным и наглядным способом

---

²² Тернер Б. Современные направления развития теории тела // THESIS. 1994. Вып. 6.

демонстрации важных социальных идентификаторов: возраст, пол, племенная и религиозная принадлежность, главенство, которые могли быть выражены по средствам татуировок, шрамов и украшений²³.

Исследователи отмечают: несмотря на то, что в современных обществах конца XX века внешний вид, включающий одежду, аксессуары, осанку и т.д., выступал существенным показателем стиля жизни и благосостояния, тем не менее, в досовременных обществах «тело являлось еще более важным и повсеместно распространенным объектом общественно значимой символики»²⁴. Кроме того, современные общества дают возможность дополнительно выражения различий через объекты потребления. Изучая тело в первобытных обществах, антропология, таким образом, разрабатывала теорию тела и стимулировала значительный исследовательский интерес к нему.

Значимой фигурой выступает американский антрополог и этнолог Франц Боас. Идеи Ф. Боаса будут рассмотрены в качестве основы изучения тела в культурной антропологии; это связано с тем, что он не формулирует самостоятельную теорию тела, но при этом, в его концепции оно часто появляется и описывается в рамках первобытного общества в контексте преодоления расовых стереотипов. Основные идеи по данной проблематике отражены в работе «Ум первобытного человека»²⁵. Ф. Боас развивает аргумент против расово обусловленных различий, показывая, что поведение всех людей, независимо от расы или культурной стадии развития, определяется традиционной совокупностью привычных поведенческих паттернов²⁶. Представление о превосходстве европейских наций и их потомков, по мнению антрополога, сформировалось благодаря трансляции цивилизационных успехов, из которых в последствие формулируется вывод о более высокой способности самих индивидов к этой цивилизации. Из этой логической цепочки возникает точка зрения о том, что раз способность к цивилизации зависит от

---

²³ Polhemus T. *Social Aspects of the Human Body*. Harmondsworth: Penguin, 1978.

²⁴ Тернер Б. Современные направления развития теории тела // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 141.

²⁵ Боас Ф. Ум первобытного человека / Пер. с англ. А.М. Водена. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926.

²⁶ Stocking G.W.Jr, Franz Boas and the culture concept in historical perspective // *American Anthropologist*. 1966. Vol. 68. No. 4. P. 867.

совершенства телесного и духовного аппарата, выводится заключение, что белая раса представляет высший тип совершенства²⁷.

Для опровержения этой идеи Боас обращается к первобытным обществам, утверждая, что первобытные люди обладают всеми характерными человеческими умственными способностями, но во всех культурах это было обусловлено совокупностью обычаев и традиционного материала, которые передавались от одного поколения к другому. Рассматривая первобытного человека, а конкретнее классы идей его атрибутов, мы можем увидеть, что они признаются независимыми объектами. В этот момент тело появляется в теоретических размышлениях. Примером может служить болезнь и ее изначальная независимость от тела: «между тем как мы считаем болезнью состоянием организма, по мнению первобытного человека и даже многих членов нашего общества, она является объектом, который может входить в тело и который может быть удален из него»²⁸. Даже такие телесные ощущения как голод, истощение и тому подобные рассматриваются известными первобытными племенами как независимые объекты, действующие на тело. Сама жизнь принимается за независимый материальный объект, который может отделяться от тела. Первобытной мысли свойственен антропоморфизм.

Боас стремился показать, что поведение людей определялось традиционной совокупностью привычных паттернов поведения и не зависит от расы или культурного уровня. Он демонстрирует, что разум темнокожих первобытных людей разделяют с разумом белокожих европейцев способности абстракции, действия и выбора. Мысль, действие и выбор, будь то в примитивных или цивилизованных обществах, в значительной степени определялись конкретной совокупностью традиций и обычаев, «которые контролировали все наши действия с момента нашего рождения»²⁹. Фундаментальная трудность, по мнению Боаса заключается в отделении того, что внутренне закладывается в телесной структуре индивида, от приобретенного под влиянием

---

²⁷ Боас Ф. Ум первобытного человека / Пер. с англ. А.М. Водена. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. С.6-7.

²⁸ Там же. С. 112.

²⁹ Stocking G.W.Jr, Franz Boas and the culture concept in historical perspective // American Anthropologist. 1966. Vol. 68. No. 4. P. 878.

культуры, в которую включен каждый индивид; или, «если выразить это в биологических терминах, что определено наследственностью и что - условиями среды, что эндогенно и что экзогенно»³⁰. Размышления Боаса закладывают основу представления о культуре как первичной детерминанте поведения и находят отражение в трудах последователей, уже более тесно работающих с категорией тела.

Одной из таких последовательниц является американский антрополог Маргарет Мид, начинавшая свою исследовательскую деятельность под научным руководством Боаса. Антропологические исследования М. Мид представили богатейший материал для изучения и обоснования культурной детерминированности гендерно-половой идентичности человека и отражены в двух основных трудах: «Мужское и женское. Исследование полового вопроса в изменяющемся мире»³¹ и «Культура и мир детства»³². Тело играет особую роль в процессе формирования этой идентичности, а точнее, процесс освоения собственного тела, его устройства и процессов (таких как кормление, выделение, рождение, смерть, половой акт и так далее). Оно становится основной категорией в ее исследованиях. Культура в этом контексте выступает в качестве посредника для организации восприятия собственного тела. Тем не менее, всегда остается непосредственное переживание собственного тела. Культура хоть и влияет на наше отношение к телу, на интерпретацию получаемых ощущений, но не устраняет непосредственное физиологическое ощущение своего тела.

Мид утверждает, что в основе всех представлений о взаимоотношении полов лежат различия и сходства строения человеческого тела. Своего рода табуированность тела, сложность разговоров о нем напрямую, замена названий физиологических особенностей и процессов организма переносными выражениями, все это влияет на общий контекст рассуждения: «разговор о теле

---

³⁰ Boas F. The question of racial purity // American Mercury. 1924. Vol. 3. P. 124.

³¹ Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в изменяющемся мире. М.: РОССПЭН, 2004.

³² Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения // URL: https://lib.uni-dubna.ru/search/files/ps_mid_kult/ps_mid_kult_2.htm#5(дата обращения:07.11.2021).

и его строении — дело непростое»³³. Поэтому, в привычной для антропологов традиции, Мид обращается к племенной культуре, чтобы продемонстрировать обретаемый телом опыт, в результате которого индивиды становятся мужчинами и женщинами. В своей работе она основывается на так называемых семи племенах Южных морей (самоанцы, манус с островов Адмиралтейства, горные арапешы, каннибалы мундугуморы с реки Юат, озерные чамбули, охотники за головами ятмул с реки Большой Сепик, балийцы). Каждое из семи племен, включая их жесты и повадки, вырабатываемые веками, по мнению Мид, оказало свое влияние на человеческое существование.

В экзотических племенах с жарким климатом и отличным от нашего образом жизни нагота является не просто частью повседневности, но и способом приспособления к имеющимся климатическим условиям. Члены этих племен могут легко наблюдать, как меняется тело человека при взрослении. По словам Мид, восприятие простой телесности человеческих взаимоотношений в Америке второй половины XX века затруднена, так как находится в периоде «очередного сдвига маятника; вспоминая урывками о встречах и ограниченной половой распущенности военных лет, ныне мы погружаемся во всеобщее господство неприличия в речи и рекламе»³⁴. Урбанизация играет здесь свою значительную роль. Преобразование естественной среды в городскую сопровождалось, например, адаптацией человеческого организма и его тела к искусственно увеличенной продолжительности дня. Социальными последствиями городской жизни стали одиночество и разрушение социальных связей³⁵. Это привело и к отчужденному ощущению своего тела. Но изображением раскованности и сексуальности в виде «идеальных» обнаженных тел на плакатах и другими, нельзя добиться того, чтобы человек ощущал себя свободнее по отношению к собственному телу. Общество выстраивает отно-

---

³³ Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в изменяющемся мире. М.: РОССПЭН, 2004. С. 26.

³⁴ Там же. С. 85.

³⁵ Мартыненко Т.С. Болезни образа жизни: Здоровье человека в современном городе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. №1. С. 20.

шения индивида с телом через отстранение, оно приучило нас, не говорить о теле открыто.

В контексте этих ограничений восприятие детьми собственного тела и гендера и других индивидов сильно усложняется. Чем больше общество скрывает человеческое тело и естественные процессы, связанные с ним (соитие, беременность, грудное вскармливание, процессы выделения отходов из организма и т.д.), тем «необычнее и непредсказуемее будут попытки ребенка понять, составить воедино свое понимание жизни обоих полов и той степени, до которой его растущий организм, его тело вписывается в этот процесс»³⁶. Это работает не только в обществах, где индивид «укрыт слоями одежды», но и в тех, где ребенок может свободно наблюдать за физиологическими процессами других: как человек рождается, как меняется его тело и что происходит с ним после смерти. Это связано с тем, что значительную роль в процессе формирования отношений с телом и выстраиванием гендерных рамок играет родительское приятие или отторжение половой роли. Разница между полами в нашем мире воспринимается детьми не в чистом виде, а в сочетании с различием занятий, одежды, социальных привилегий, которые подкрепляют и укореняют ее. Мид проводит аналогию между неизбежностью принятия своего пола в современных западных обществах и аналогичным принятием в кастовых обществах детьми невозможности выбора своего социального положения. Как и представители различных каст, представители каждого пола усваивают поведение другого в качестве отрицательной модели и отвергают ее³⁷. Это ярко выражается, например, при выборе профессии и рода занятий, которые в обществе традиционно принято относить к женским или мужскими. Поэтому необходимо рассматривать детей в свете постоянной реинтерпретации ими собственного телесного опыта и других тел, формирующей осознание основных биологических закономерностей двуполого мира.

---

³⁶ Мартыненко Т.С. Болезни образа жизни: Здоровье человека в современном городе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. №1. С. 143.

³⁷ См.: Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения // URL: https://lib.unidubna.ru/search/files/ps_mid_kult/ps_mid_kult_2.htm#5 (дата обращения: 07.11.2021).

Подобные рассуждения о формировании двуполого мира в контексте идентичности встречаются у немецко-американского исследователя Э. Эриксона. Он утверждает, что становление социальной идентичности начинается с факта изначальной включенности человека в групповые практики и опыт. Базируясь на материалах социально-антропологических исследований, Эриксон наглядно показывает, что обучение ребенка интегрировано в четко определенную социальную систему и в некоторую устойчивую систему образцов³⁸. Данный процесс обучения представляет собой метод, посредством которого «групповые способы организации опыта (групповая идентичность как мы это называем) передается телесному опыту ребенка, а через него его становящемуся ego»³⁹. Возвращаясь к концепции Мид, стоит указать, что в современных ей обществах осуществлять указанную реинтерпретацию все сложнее. Индустриальное общество, рассматривая человеческое тело как фабрику, порождает отчуждение индивида от собственного тела. Продукты жизнедеятельности перестают соотноситься с человеком.

Вырваться из устойчивого «порочного круга», где мужчины реинтерпретируют женские роли, а женщины реинтерпретируют роли мужчин, является очень непростой задачей, однако очень важной. И женщины, и мужчины должны вносить свой полноценный вклад в каждую из необходимых областей цивилизации: в медицину, юриспруденцию, воспитание, религию, искусство и науку; потому что, пока где-то некая профессия или искусство определяются как женские, мужчины, которые хотят реализовать себя в данной сфере, уже страдают или пострадают в будущем, если будут пытаться заниматься этим делом. Согласно Мид, от этого «порочного круга» нельзя избавиться моментально, но осознав его и уделив ему должное внимание, мы сможем указать правильный путь для будущих поколений: «Только признав, что изменения в обществе могут совершить только те, кто каждой клеточкой своего тела чувствуют и сознают, почему эти изменения необходимы, смо-

---

³⁸ Полякова Н.Л. «Идентичность» в современной социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 4. С. 24.

³⁹ Erikson E. Identity and Life Cycle. New York–London, 1980. P. 20.

жем мы вышколить свои сердца, научить их терпению, чтобы строить верно, и прочно, зная, что цивилизацию создают живые люди»⁴⁰.

В своей теории тела Мид отражает такие важные явления как принятие или отторжение половой роли, непосредственное переживание собственного тела, сложность разговора о теле и его процессах в связи с общественной табуированностью и как следствие замена понятий, восприятие индустриальным обществом человеческого тела как «фабрику по производству новых людей». Исследования Мид выводят тело на новый уровень в антропологической науке, показывая необходимость обращения к нему как к базовой категории не только в построении концепции гендера, но и в общем контексте человеческого существования. Мид осуществляет переход от классических антропологических исследований племен к интерпретации тела в современных обществах.

Несмотря внимание к телу в ранее рассмотренных работах, только в 1960-х и 1970-х годах само тело становится предметом систематических теоретических исследований. основополагающей фигурой в этом развитии становится британский антрополог Мэри Дуглас. Она вводит понятие тела как системы «естественных символов», метафорически воспроизводящих социальные категории и проблемы – «образ общества»⁴¹. Главной темой ее исследований становится реакция человека на неупорядоченность, неопределенность, риск и противоречивость. Реакция на это: построение систематической классификации, т.е. создание упорядочивающих категорий, которые объясняют неупорядоченность и восстанавливают порядок. Именно тело являлось основным средством классификации на протяжении всей истории⁴². Символизм, основывающийся на человеческом теле непосредственен. Тело может выступать моделью любой ограниченной системы, а его границы могут презентировать любые границы, которым что-то угрожает или которые могут быть нарушены. Тело — это сложная структура и функции его различных ча-

---

⁴⁰ Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в изменяющемся мире. М.: РОССПЭН, 2004. С. 350.

⁴¹ Douglas M. *Natural Symbols: Explorations in Cosmology*. Harmondsworth: Penguin Books, 1973. P. 98.

⁴² Тернер Б. Современные направления развития теории тела // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 140.

стей и их взаимосвязь — это источник символов для отображения других сложных структур. Сама идея тела как основы социального порядка встречалась и до этого, но именно М. Дуглас удалось использовать данную идею границ для объяснения широкого круга культурных образцов: от ветхозаветных предписаний относительно пищи до поведения в современной организации.

В основе использования тела в качестве социальной метафоры, по мнению Дуглас, лежит общечеловеческая потребность в порядке, которая достигается путем культурной классификации и систематизации объектов (людей, событий и действий), а также путем установления определенного распорядка. Так, например, когда общества подвергаются нападению извне, соблюдение правил, регулирующих то, что принадлежит телу и за его пределами, становится особенно строгим. Следовательно, важные социальные мероприятия требуют, чтобы тело держалось жестко, а его конечности — под тщательным контролем. Манеры и этикет требуют сознательного отказа от телесных выделений: невежливо плевать, пукать, отрывивать, громко смеяться или прерывать разговор такими произвольными вставками как чихание, кашель и насморк.

Установив эти классификации и распорядки, люди избегают всех неоднозначных или аномальных объектов, состояний, событий и действий, потому что они интерпретируют их как беспорядочные и загрязняющие. Дуглас утверждает, что повсюду границы тела пронизаны повышенной метафорической мощью — люди интенсивно на них реагируют; они «загружены». Сюда включены волосы, внутренняя оболочка тела, кожа, а также все отверстия тела — рот, нос, слезные каналы, анус, влагалище и все телесные отходы, которые проходят через эти границы тела, например пот, слезы, слюна, менструальная кровь и сперма.

В качестве примера Дуглас приводит ритуальную жизнь кургов (Srinivas — народа, проживающего в южной Индии), демонстрирующую яркое впечатление, что этими людьми владеет страх перед опасной нечистотой,

проникающей в их систему. Тело для них ассоциируется с осажденным городом, все входы и выходы которого охраняются от возможных шпионов и предателей. Продукты человеческого тела, то есть все, что исходит из него, никогда не должны употребляться повторно и соприкасаться с ними также нельзя⁴³. Касты идеальным образом отражают данную систему: самые низшие касты, являясь наиболее нечистыми, оказывают услугу высшим кастам не соприкасаться с телесной нечистотой. Они стирают одежду, стригут волосы, облачают умерших и т.д. В ритуальном смысле прикоснуться к экскрементам значит оскверниться, и поэтому, уборщики туалетов стоят в самом низу кастовой иерархии. Данная социальная система репрезентирует тело, в котором, в результате разделения труда, голова занята размышлениями и молитвами, а наиболее презренные части занимаются устранением отходов тела. Грязь Дуглас определяет как «побочный продукт систематического упорядочивания и классификации материи, — в той мере, в какой это упорядочивание включает отвержение неподходящих элементов»⁴⁴. Таким образом, то, что любая человеческая культура считает грязью, является функцией конкретной системы этой культуры и того, что считается находящимся вне и внутри ее установленных границ.

В своих ранних работах Дуглас указывала на то, что все подобные телесные пограничные явления универсально интерпретируются как оскверняющие. Позже в «Natural Symbols: Explorations in Cosmology»⁴⁵ (1970) она приходит к более нейтральной позиции, утверждая, что они содержат повышенный метафорический потенциал, но, в зависимости от социокультурного контекста, они либо повышаются до священной оценки, либо очерняются как загрязняющие. Именно эта последняя разносторонняя позиция оказалась наиболее привлекательной для поздних антропологов. Например, позже феминистки указали, что широко распространенные табу, разделяющие жен-

---

⁴³ Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу / Пер. с англ. Р. Громовой, под ред. С. Баньковской; вст. ст. и комм. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. М., 2000. С. 184.

⁴⁴ Там же. С. 65.

⁴⁵ Douglas M. Natural Symbols: Explorations in Cosmology. Harmondsworth: Penguin Books, 1973.

щин во время менструации, могут в некоторых культурах быть связаны с интерпретацией менструальной крови как символа силы плодородия, а не загрязняющего вещества. Проводя аналогию человеческого тела с садом, становится понятно, что если вырвать всю траву и сорняки, почва станет неплодородной; также работает и с телом. В некоторых религиях существуют специальные процедуры, применяющиеся к аномальным и скверным вещам для того, чтобы придать им полезную силу⁴⁶. Это общая схема ответа на вопрос о том, почему нечистое часто используется в обрядах обновления. Если на нашу жизнь накладывается жесткая модель абсолютной чистоты, это либо оказывается очень неудобно, либо возникают противоречия и лицемерие, потому что отвергнуть не значит устранить.

Дуглас ставит тело и его процессы в центр своего изучения. Ее теория привносит в теорию тела понимание следующих важных моментов:

- тело — это «система естественных символов»;
- к существованию данной системы приводит необходимость в упорядоченности;
- границы тела формируют метафорическое восприятие его и процессов, связанных с ним;
- побочным продуктом данной систематической упорядоченности является «грязь»; она возникает ввиду того, что тот или иной физиологический процесс не вписывается в рамки установленного телесного порядка.

Отдельной нитью в антропологическом изучении тела проходит не менее важная французская традиция изучения техник тела, представленная именами М. Мосса, А. Леруа-Гурана и К. Леви-Стросса и рассмотренная подробно в параграфе 3.1.

В целом от антропологической традиции изучения телесности социология перенимает следующие положения:

---

⁴⁶ Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу / Пер. с англ. Р. Громовой, под ред. С. Баньковской; вст. ст. и комм. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. М., 2000. С. 240.

- первое из них связано с определенным комплексом телесных ограничений (например, репродуктивные проблемы, связанные с генетическими ограничениями на механизм наследственности у млекопитающих), и с имеющимся при этом скрытым потенциалом, который может быть реализован в ходе социокультурного развития, поэтому тело выступает одновременно и как ограничение, и как потенциал;
- второе положение содержит мысль о противоречии между сексуальными влечениями человека и существующими в обществе социокультурными требованиями;
- заключительное третье положение обусловлено гендерной проблематикой и мыслью о том, что «естественные» факты переживаются совершенно по-разному в зависимости от пола субъекта.

В определенный момент развития социологии тело становится базовым и полноценным ее объектом. Возникает необходимость анализа социального контекста и глубоких социальных изменений, которые придали телу особую значимость для социальных исследований. К таким изменениям можно отнести бурные темпы развития потребительской культуры в послевоенный период, формирование постмодернистских тенденций в искусстве и науке, феминистское движение и то, что М. Фуко называет «биополитикой»⁴⁷.

1.2. Оформление социологии тела: основные представители и их концепции

Ключевым моментом для продолжения дальнейшего анализа становится разграничение понятий «телесность» и «тело». Основание данного деления формируется в рамках междисциплинарной матрицы философия телесности/ социология тела. Названия направлений уже указывают на соотнесение понятия телесности с философией, а тела с социологией. Телесность – это наиболее общая философская категория, способная выполнять функцию

---

⁴⁷ Тернер Б. Современные направления развития теории тела // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 152–153.

общего определения человеческого существа как телесного существа. Телесность описывает феномен наличия у человека тела, и вводится по аналогии с духовностью и духом.

Социология тела, в свою очередь, работает напрямую с категорией «тела» и в качестве своей основной задачи устанавливает определение параметров междисциплинарной сферы, получившей обозначение «научное изучение тела». Тело, обладает собственными свойствами качествами и способностями. Тело больше не нечто, играющее подчиненную или инструментальную роль. Оно имеет большое значение в процессе формирования индивидуальной идентичности. Тело – это не инструмент, а индивидуальный проект. Тем не менее, смысловая важность разделения двух указанных понятий ограничивается возможностью стилистического использования. Прилагательное «телесные» выступает также в качестве описания чего-либо, относящегося к телу, ввиду чего будет использоваться в дальнейшем в работе.

Концепция тела в социологии культуры Георга Зиммеля

В классический период социологи-классики специальным образом не занимались разработкой категории тела. Социология данного периода не сформировала фундаментальные взгляды относительно проблематики тела и телесности, исключение составляет концепция тела, разработанная в рамках социологии культуры немецкого социолога Георга Зиммеля. Исследование тела в его концепции берет начало с изучения социального пространства, описанного им в одноименной статье «Социальное пространство»⁴⁸ (1903) и впоследствии в труде «Социология: Исследование форм обобществления»⁴⁹ (1908).

Г. Зиммель определяет социальное пространство как «пространство тел, в котором существуют территориальная близость и удаленность людей по отношению друг к другу, способность людей воспринимать телесное при-

---

⁴⁸ Simmel G. The sociology of space // Frisly D., Featherstone M. (Eds.). Simmel on Culture. London: Sage Publication, 2000. P. 137–174.

⁴⁹ Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig: Dunket und Humbolt, 1908.

существование других и самих себя при помощи органов чувств»⁵⁰. Дистанция и восприятие индивидами телесности друг друга не могут не играть основополагающей роли в формировании социального пространства. Таким образом, конструируется следующая схема: социология невозможна без учета социального пространства, которое, в свою очередь, лишено смысла без учета телесности.

В рамках концепции Зиммеля телесность предстает как нечто константное и неотъемлемое от индивида, а исследование начинается с формирования представлений о человеческой телесности и чувственности. Об этом упоминается в сочинении «Экскурс о социологии чувств»⁵¹. В процессе чувственно-телесного восприятия индивидами друг друга Зиммель выделяет четыре базовых способа этого восприятия: зрение, слух, обоняние и половое чувство.

Зрение, наряду с другими чувствами восприятия, является очень важным. Глаза — это не просто физическая возможность видеть окружающий мир и других людей, но также и способ выражения внутренних чувств, эмоций и переживаний. Зиммель утверждает, что лицо, хоть и «не действует как рука и нога, оно есть существенный объект межиндивидуального видения». С этим утверждением можно согласиться лишь частично. Вопрос вызывает первая часть формулировки. Если мы рассматриваем не глаза в частности, а лицо в целом, то почему не можем говорить о нем как о чем-то действующем. Процесс употребления пищи, начинающийся со рта, выражение эмоций, таких как, например, демонстрация языка, поднятые или нахмуренные брови являются прямыми подтверждениями возможности действия. Тем не менее, этот факт не только не опровергает, но и в очередной раз доказывает значимость данного способа восприятия.

Следующим немаловажным путем чувственного восприятия является *слух*. Это связано, прежде всего, с тем, что способность памяти относительно

---

⁵⁰ Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 67.

⁵¹ Зиммель Г. Экскурсы о социологии чувств // Ароматы и запахи в культуре. М.: НЛО, 2010.

сказанного, гораздо выше, чем увиденного. Социолог проводит четкую двойственность между зрением и слухом. Одним из таких проявлений различия является феномен взаимности. Глаз, не только воспринимает и берет извне, он «отдает» (контакт «глаза в глаза»), в то время как ухо, в этом смысле, очень эгоистично. Но и такое его «существование» имеет определенные минусы. Ухо без постороннего участия не может выбирать, слышать то, что ему предлагают или нет, тогда как глаз может отвернуться или закрыться.

Еще одним интересным отличием, отмеченным в работе Зиммеля, является право на собственность. Согласно социологу, «только зримым предметом можно владеть, а то, что можно лишь слышать, исчезает вслед за моментом своего появления и не допускает обладания собою как собственностью»⁵². В качестве исключения из этого правила теоретик говорит о XVII и XVIII веках, когда знатные семьи стремились владеть музыкальными композициями, с целью подтверждения своего статуса и престижа и приводит в пример тот факт, что несколько концертов Баха были организованы именно по такому случаю одним из принцев. Тем не менее, в современных реалиях данное утверждением работает лишь частично. В настоящее время музыканты накладывают право собственности на свои композиции. Возможно, это связано, скорее, с правом владения конечным продуктом творческой деятельности, но при этом, право на обладание и самого звучания композиции, также имеет место быть. Возвращаясь к вопросу двойственности, Зиммель утверждает, что хотя обе категории не закрыты полностью для восприятий, в целом они созданы дополнять друг друга так, что глаз фиксирует неизменно-пластическую сущность человека, а ухо — его появляющиеся и исчезающие выражения.

Следующее важное средство восприятия – обоняние. Запах определяется как особая атмосфера, окружающая людей и имеющая свою специфику и интенсивность. Больше всего, по мнению Зиммеля, специфика запахов находит свое отражение в классах, расах и культурах, причем чаще всего, это

---

⁵² Зиммель Г. Эскурс о социологии чувств // Ароматы и запахи в культуре. М.: НЛЮ, 2010.

различие отталкивает, а не притягивает. В этом случае парфюм становится искусственным средством замены «личной» атмосферы на «фиктивную». Социолог пишет: «духи увеличивают сферу человека, как сияние золота и брильянта: тот, кто находится поблизости, погружается в их аромат и таким образом как бы вовлекается в сферу этой личности»⁵³.

Заключительным этапом данного рассмотрения является половое чувство, в котором важнейшим фактором становится пространственная близость. Фактически все та же пространственная близость тел. Согласно Зиммелю, именно она пробуждает и активизирует половое чувство. Поэтому социолог призывает к формулированию четких правил, создающих барьеры и разграничивающих тех индивидов, чье пространственное положение достаточно близко.

Четыре перечисленных выше способа формируют целостную картину чувственно-телесного восприятия в концепции социального пространства немецкого социолога. Однако рассмотрением тела как «формирующей» пространства не ограничивается интерпретация телесности Зиммеля. Теоретик обращается также к художественной трактовке данной проблематики. В работе «Философия культуры»⁵⁴ (1911), включающей раздел, посвященный творчеству Микеланджело, описываются две основные составляющие его образов – телесность и духовность. Это связано с тем, что, согласно Зиммелю, их постоянно меняющийся дуализм и создает фундаментальную основу классического искусства. «Наше тело является полем брани, на котором обе силы – тело и душа встречаются друг друга, борются друг с другом и принуждают друг друга к компромиссам»⁵⁵. Эту борьбу не стоит рассматривать как нечто негативное или чуждое. Наоборот, она естественна и помимо прочего создает почву для самооправдания и творчества души. Человек сам помещает себя в этот мир, где созерцает себя как форму, расколотую на природу и дух.

---

⁵³ Зиммель Г. Экскурсы о социологии чувств // Ароматы и запахи в культуре. М.: НЛО, 2010. С. 36.

⁵⁴ Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996.

⁵⁵ Там же. С. 412.

Необходимо отметить, что важность изучения упомянутой выше работы обусловлена возможностью исследовать не просто художественную сторону телесности, но и трансформацию взглядов на тело в различных в исторических периодах. Данная трансформация касается и дуализма «тело-дух».

В своей работе Зиммель рассматривает три временных эпохи: Античность, Средневековье и Возрождение (в котором выделяет два периода: раннее и позднее). Благодаря данной периодизации мы можем исследовать трансформацию не только эстетического взгляда на тело, но и на его социально-культурную значимость в жизни отдельных индивидов и общества в целом. В античности искусство рассматривает человека исключительно как творение природы. Он растворяется в ней и подчиняется ее законам⁵⁶. Другими словами, базовой чертой античного искусства является телесность. Она выражается через категории числа, меры, симметрии и пропорции. Составляющие должны быть гармоничны относительно друг друга и образа в целом. На помощь приходят числа и математика, то есть, точные расчеты. Это и является каноном античных представлений о красоте. В качестве примера может быть приведена известная скульптура Поликлета «Дорифор», которая является идеалом благодаря своей анатомической пропорциональности, что свойственно представлениям того периода. Тело в данной эпохе занимает важное место, так как является частью природы и связующим звеном между обществом и окружающей средой.

В эпоху Средневековья на Западе формируется совершенно иная ситуация. Фактически происходит переворот: телесность и духовность меняются местами. Теперь вторая признается главной. Это связано в первую очередь с тем, что определяющую позицию в жизни общества начинает играть религия. Ввиду этого телесность не просто отходит на второй план, но и изображается как нечто низменное. Дух, наоборот, возвышается, а природа становится ему враждебна. Телесность служит лишь символическим и аллегорическим выражением «небесного». Ярким примером является картина Андрея Рублева

---

⁵⁶ Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. С. 411.

«Троица», в которой отражена сущность религиозно-философского сознания древнерусского человека, периода расцвета религиозной культуры средневековой Руси. Так, тело временно исключается из сферы социального и культурного познания, а внимание переходит к исследованию духа.

В эпоху Возрождения тело рассматривается как продукт природы. В художественную основу закладываются античные принципы изображения человека, но в усовершенствованной форме. Идеалом становится максимальное приближение к реалистичности. Что происходит с дуальностью «тело-дух»? Эпоха Возрождения, с особым, присущим именно ей типом культуры, устанавливает для нее новые рамки, а ключевым в процессе этой трансформации становится понятие «индивидуальности», которого не было ни в античности, ни в Средневековье: «Тем, что душа определенно принадлежит этому совсем особому телу, а тело столь же определенно от этой, от всех иных душ отличной душе, они являются не только связанными друг с другом, но и внедренными друг в друга, индивидуальность же возносится как над тем, так и над другой как третье в высшей степени единство, единство в себе самой замкнутой личности. Они, эти два начала, объединились в этой индивидуальности и не знают двойственности и междуособной борьбы»⁵⁷.

В качестве представителя этого периода социолог выделяет итальянского художника Сандро Боттичелли, который смог придать подлинную телесность в изображениях не только лица, но и обнаженного тела. Но даже, несмотря на это, «в конце концов, души Боттичелли бродят по бездорожью и витают в неисцелимой дали от всего земного, от субстанциальности всех явлений»⁵⁸. И только в период позднего Возрождения, к которому относится творчество итальянского скульптора Буонарроти Микеланджело, проблематика телесности и духа находит свое истинное воплощение. Зиммель пишет: «...перед нами потолок Сикстинской капеллы и ее стены. Громадные жизненные противоречия успокоены здесь в удивительном зрительном противо-

---

⁵⁷ Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. С. 412.

⁵⁸ Там же. С. 413.

речии и зрительном единстве. Происходит уничтожение всякой внутренней отчужденности и случайности в отношении друг к другу тела и духа, субстанции и движения, и это заставляет постоянно ощущать образы Микеланджело исполненными совершенного бытия»⁵⁹. Именно в этот период решается проблема дуальности тела и духа. Называя Микеланджело гением и восхищаясь его творчеством, Зиммель присуждает ему решение этого длительного противостояния.

Несмотря на эстетический и описательный характер, рассматриваемая периодизация позволяет понять общий контекст восприятия тела в разные эпохи и исследовательский интерес к нему. Так, в рамках искусства, находит свой вариант решения важная социальная проблема. Именно поэтому, интерес немецкого социолога к живописи не случаен. Сквозь призму искусства мы приобретаем важный исследовательский материал для понимания и интерпретации социальной реальности.

Исследование тела в американской социологии:

Джордж Герберт Мид, Ирвинг Гофман

Одним из ярких представителей американской традиции исследования тела является американский социолог, философ и психолог, основатель символического интеракционизма Дж.Г. Мид. Разработка категории «тела» главным образом отражена в его работе 1917 года «Философия настоящего»⁶⁰ в главе «Физическая вещь». Анализ телесности с вопроса о формировании социального порядка, сопряженного с индивидуальной свободой. Решение он находит в материальности человеческого тела. Вещи обладают определенными пространственными и физическими измерениями. Тело, помещенное в пространство, становится опредмеченным. Оно обладает формой, которая предоставляет возможность воздействия на другие вещи. Тело определяется как физическая вещь только в связи с другими физическими телами. Мид

---

⁵⁹ Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. С. 415.

⁶⁰ Мид Дж.Г. Философия настоящего / Пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузминова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.

пишет: «если мы используем давление поверхностей собственных тел друг на друга...то это происходит лишь постольку, поскольку тело и другие объекты организованы в общем поле физических вещей»⁶¹. Таким методом и осуществляется процесс осознания собственной телесности у детей. Сначала ребенок усваивает форменность и наличие определенных физических характеристик окружающих объектов, через воздействие этих объектов на него. Так ребенок обретает чувство своей материальности и телесности. Происходит это через формирование объектного взгляда на себя: начиная с момента ее осознания и в дальнейшем, телесность играет огромную роль в жизни индивида. Благодаря ей, он осуществляет свою ориентацию в пространстве: определяет ближнее и дальнее, внутреннее и внешнее.

Вещь и тело, таким образом, закреплены в пространстве и для снятия этого предметно-пространственного ограничения, необходим временной анализ поведения, а в частности его самой первичной формы – жеста. Мид обращается к своему учителю, немецкому врачу и психологу В. Вундту. Жест, как самая простая форма фиксации поведения, позволяет отказаться от сложно анализируемых форм. Он является не самим поведением, а его знаком. Когда человек, например, грозит кулаком, он не осуществляет сам процесс, не делает удар, он лишь предупреждает и выражает интенцию.

Мид указывает на особый интерес к поиску жестов, оказывающих одинаковое воздействие, как на реализующего их индивида, так и на других индивидов. Один из таких примеров – голосовой жест, который достигает слуха воспроизводящего индивида, таким же физиологическим способом, каким достигает слуха других. Мид приходит к выводу, что голосовой жест стал первоочередным средством социальной организации в человеческом обществе.

В концепции социолога «Я» («I») представляет собой импульсивное, творческое движущее начало личности. Индивид становится «Я», когда

---

⁶¹ Мид Дж.Г. Философия настоящего / Пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузминова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С.162.

начинает использовать публичные знаки в частном порядке и начинает обращаться к себе так, как к нему обращаются другие. Именно публичный контекст и социальное признание превращают простой импульс в жест, а жест в символ. Данный символ только в производной форме принадлежит тому, кто его использует. Например, непосредственная и инстинктивная жестикуляция, осуществляемая ребенком, приобретает намеренное значение только потому, что его мать или другие взрослые придают этому значение. Так это становится коммуникативным жестом; и именно социальный контекст превращает чистый рефлекс в указательный знак, а затем в лингвистический символ, имеющий одинаковое значение «для всех».

Согласно Миду, «жесты – это ответы, а не размышления, это действия, которые поддаются эмпирическому наблюдению и прагматической оценке; действия, повторяющиеся и, в конечном итоге, привычные, которые структурируют себя в разные и постепенно более сложные формы жизни»⁶². Переход от жеста к символу осуществляется быстро. Когда жест становится носителем осознанной коммуникации, фундаментально институционализированной, появляется символический аппарат с источником значений. Но специфическая природа символического опыта заключается в том процессе, который социолог определяет как принятие позиций других или взятие на себя роли другого.

Соотношение «Я» и жеста в данной концепции вызывает вопрос о соотношении на более общем уровне «Я» и тела. Мид утверждает, что между телом и «Я» можно провести четкое разграничение. Даже если «Я» не включено в опыт, тело может полноценно осуществлять разумную деятельность. «Я» в отличие от тела, может являться объектом для самого себя. Тело не способно воссоздать свой целостный образ: глаз человека не может без вспомогательных приборов увидеть, например, свою спину. Части тела индивида также отделимы от «Я»: потеря ноги или руки не означают прекращение су-

---

⁶² Fabbrichesi R. The social structure of language and consciousness in George Herbert Mead // Философский журнал. 2018. №1. С. 51.

ществования «Я». Мид пишет «Я не является физиологическим организмом. Физиологический организм существенно важен для него, но мы, по меньшей мере, способны помыслить Я и без него. Люди, верящие в бессмертие, духов или способность Я покидать тело, предполагают существование Я, совершенно отличного от тела. Насколько успешно можно придерживаться таких представлений - вопрос открытый, но мы и в самом деле разделяем Я и организм»⁶³.

Тело индивида составляет часть среды. Он может ощущать свое тело, переживать телесные ощущения, не осознавая при этом самого себя, т. е. не осуществляя при этом принятие установки другого к самому себе. До тех пор, пока самосознание не сформируется в процессе социального опыта, индивид переживает свое тело: его чувства и ощущения – просто часть его среды. Первоначально возникают «Я» и самосознание и дают возможность «переживанию телесности». «Благодаря самосознанию индивидуальный организм становится, в некотором смысле, частью своей внешней среды; его собственное тело становится частью той совокупности внешних стимулов, на которую он отвечает, или реагирует»⁶⁴. Индивид, освобождаясь от доминирования природно-животного инстинкта, тем не менее, остается в плену пространственного порядка, который сконструирован телесностью других объектов и его самого.

В новейшей социальной теории происходит существенная переоценка значимости категории тела, в рамках обширного анализа классов, культуры, потребления и социального взаимодействия в целом. В рамках социологии тела был разработан подход, сформулированный через такие понятия, как: роль тела, уязвимость тела, самообладание, телесная сторона, телесно-воплощенная и бестелесная информация, идиома тела и наблюдаемость. Это подход американского социолога канадского происхождения Ирвинга Гофмана, представителя «второго поколения» Чикагской школы в социологии и

---

⁶³ Николаева В.Г.: Дж.Г. Мид. Разум, я и общество (главы из книги) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология: Реферативный журнал. 1997. №4. С. 165.

⁶⁴ Там же. С. 179.

73-го президента Американской социологической ассоциации. В его работах «Поведение в публичных местах»⁶⁵ (1963) и «Ритуал взаимодействия»⁶⁶ (1967) особое внимание уделено роли тела в конструировании социальной личности и социального взаимодействия через призму драматургического действия⁶⁷.

В попытке доказать, что некоторая степень судьбоносности всегда присутствует в жизни индивида, И. Гофман обращается к телу. Он утверждает, что насколько бы индивид ни был уверен в своей свободе, изолированности и безопасности при совершении определенных действий и вытекающих из них последствий, он всегда находится «во плоти», несет ее с собой и таким образом зависит от нее. «Как бы индивид ни был осторожен, целостность его тела всегда в какой-то степени под угрозой. Читая, он может упасть со стула на пол и получить повреждения. И хотя это не так уж вероятно, но если бы он ... зарабатывал на жизнь, работая на токарном станке, в шахте или на строительстве, возможность повреждения была бы значительно более вероятной, как показывает статистика»⁶⁸. Это показывает, что тело и подстерегающая его физическая опасность связывает все моменты жизни индивида. Оно уязвимо для различных видов повреждения: отравления, падения, утопления, ожога, удара током, выстрела, пореза, крушения, болезни, удушья и так далее. Тело является частью снаряжения индивида, которым он готов рисковать, и, несмотря на возможность использования других средств, тело – единственное, что присуще ему без выбора и что он никогда не сможет оставить в стороне.

Важным понятием в его концепции становится «самообладание». Гофман утверждает, что из всех качеств характера, связанных с управлением

---

⁶⁵ Гофман И. Поведение в публичных местах / Пер. с англ. А. Корбута; под науч. ред. М. Соколова. М.: Элементарные формы, 2017.

⁶⁶ Гофман И. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу / Пер. с англ. С.С. Степанова, Л.В. Трубицыной, под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009.

⁶⁷ Драматургическое действие – целенаправленное социальное действие, ориентированное на формирование образа и впечатлений, что подразумевает прежде всего контроль своих действий и использование общепринятых образцов.

⁶⁸ Гофман И. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу / Пер. с англ. С.С. Степанова, Л.В. Трубицыной, под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009. С 198–199.

судьбоносностью, описанной выше, наибольший интерес представляет именно «самообладание». Помимо прочих сторон, присущих ему: способности контролировать эмоции и «сценической уверенности»⁶⁹, оно содержит также телесную сторону. Эту сторону социолог называет «достоинством» и подразумевают под ним «способность поддерживать телесную благопристойность перед лицом расходов, трудностей и настоятельных потребностей». Гофман приводит в пример спортсменов-серфингистов, которые благодаря физическому самоконтролю способны удерживаться вертикально на поверхности воды, справляясь с силами природы.

Осуществим переход с уровня индивидуального соотношения с телом на более общий уровень взаимодействия между индивидами. Вступая в социальные отношения, люди вовлекают в них и свои тела. Необходимо уточнить, что любую информацию, которую предоставляет или получает индивид в процессе взаимодействия, Гофман делит на два типа: телесно-воплощенную и бестелесную. Примерами первого типа являются кивок, взгляд, произнесенное слово. Это сообщения, которые отправитель передает посредством своей текущей телесной активности, причем передача происходит только в то время, когда его тело присутствует для поддержания этой активности. Ко второму типу относятся сообщения, которые «мы получаем из писем и отправленных по почте подарков, или те, которые охотники получают от следа теперь уже далеко находящегося животного»⁷⁰.

Физическое расстояние, на котором один человек может воспринимать другого с помощью своих органов чувств, зависит от многих факторов: задействованной среды восприятия, наличия препятствий и даже температуры воздуха. И наоборот, когда индивид говорит шепотом или меняет выражение лица, его тело действует как фокусирующий барьер, эффективно ограничи-

---

⁶⁹ Гофман И. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу / Пер. с англ. С.С. Степанова, Л.В. Трубицыной, под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009. С. 264.

⁷⁰ Goffman E. Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. New York: The Free Press, 1963. P. 14.

вая обычную сферу распространения чувственных стимулов на тех, кто находится очень близко к нему или прямо перед ним⁷¹.

Развивая ситуацию телесного взаимодействия, Гофман вводит термин «идиома тела». Когда происходит ситуация непосредственного присутствия индивидов в тех обстоятельствах, где не требуется устное общение, они, тем не менее, неизбежно вовлекают друг друга в общение определенного рода. Оно включает в себя внешний вид и индивидуальные действия: одежду, осанку, движение и положение тела, физические жесты, украшения и эмоциональное выражение. Социолог полагает, что в каждом обществе данные возможности коммуникации институционализированы и имеют общее значение. «Наполовину осознавая, что определенный аспект его деятельности доступен для восприятия всеми присутствующими, индивид имеет тенденцию изменять эту деятельность, используя ее с учетом общественного характера»⁷². Фактически иногда он использует эти знаки только потому, что их можно увидеть. Так формируется телесный символизм, идиома отдельных проявлений и жестов, которая имеет тенденцию вызывать в акторе то, что он вызывает в других (только присутствующих непосредственно).

Телесная идиома — это условный дискурс, а также нормативный. Гофман полагает, что обычно существует согласие не только о значении наблюдаемого поведения, но и о том, какое поведение следует демонстрировать в той или иной ситуации. Человек может перестать говорить, но он не может перестать общаться телесными идиомами. «Несмотря на отсутствие четко зафиксированных правил, каждый индивид обладает некоторыми знаниями одного и того же словаря символов тела. Действительно, понимание общей идиомы тела - одна из причин, по которой совокупность людей называется обществом»⁷³.

Необходимым условием интеракции в модели Гофмана становится наблюдаемость. Поскольку каждый индивид осознает, что является объектом

---

⁷¹ Goffman E. Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. New York: The Free Press, 1963. P. 17.

⁷² Там же. P. 33.

⁷³ Там же. P. 35.

наблюдения, он выстраивает свои действия в соответствии с видением его окружающими. При этом люди руководствуются двумя видами стремлений: во-первых, не выглядеть нелепо, неряшливо или непристойно и, во-вторых, выглядеть достойно и производить приятное впечатление.

В первом случае постоянная забота направлена на то, чтобы не оказаться в неловкой ситуации. Гофман приводит в пример попытки женщин, выбрать позу для того, чтобы сесть, таким образом, чтобы не было заметно их нижнее белье. Во втором случае значительные усилия тратятся на то, чтобы создавать желаемый образ в глазах окружающих. Классическим примером служит постоянный контроль внешнего вида. Гофман приводит интересное наблюдение относительно лица, которое заключается в том, что «в нашем обществе простота поддержания внешнего вида лица снижается с возрастом; особенно это касается тех женщин, которые стремятся сохранить акцент на сексуальной привлекательности; с возрастом им необходимо все больше времени после утреннего пробуждения, для приведения лица в форму»⁷⁴. По мнению социолога, дисциплинированное управление личным фронтом – один из способов, с помощью которого индивид обязан выразить свою живость окружающим. Другое средство — это готовность, с которой он реагирует на новые стимулы в какой-либо ситуации, и быстрота, с которой он реагирует на них движениями тела.

В концепции Гофмана стремление к сохранению лица является обязательной чертой социального взаимодействия, а способом достижения приемлемости ситуации является взаимное принятие и поддержание действий друг друга. Такую систему взаимного поддержания действий друг друга ради сохранения лица социолог называет экспрессивным порядком⁷⁵.

Исследования телесного взаимодействия, таким образом, основаны на двух принципах: во-первых, социальное взаимодействие предполагает непосредственное физическое соприкосновение участников; во-вторых, социологи-

---

⁷⁴ Goffman E. Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. New York: The Free Press, 1963. P. 28.

⁷⁵ Гофман И. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу / Пер. с англ. С.С. Степанова, Л.В. Трубицыной, под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009. С. 34.

ческий анализ телесного взаимодействия возможен только при возможности наблюдения для исследователя (так как различные телесные взаимодействия, например обмен взглядами, могут быть увидены).

Традиция, заложенная Гофманом, вписывает категорию тела в язык социологической теории в качестве объекта двойного наблюдения. С одной стороны, видимость тела для участников интеракции позволяет осуществить само событие социального взаимодействия. С другой стороны, наблюдаемость тела и возможность его описания в визуальных терминах предоставляет возможность встроить его в язык социологии. Изначальная неопределенность тела в качестве объекта социальных наук⁷⁶ подвергала сомнению саму связку «тело-социальное». В указанной традиции социологическое изучение тела стало возможным благодаря включению в эту связку третьего элемента: «взгляд». Социальное взаимодействие имеет место быть благодаря телесному соприсутствию.

В концепции Гофмана тело является имплицитным основанием стигмы, работы лица, стеснительности и социального «Я». Б. Тернер пишет: «хотя его работы тематически можно отнести к области этнографии социальной жизни, примечательно, что в них так и не была разработана специальная теория телесности. Вместе с тем влияние работ Гофмана совершенно отчетливо прослеживается в современной версии символического интеракционизма, сторонники которого в большей степени, чем их коллеги, работающие в русле других теоретических традиций, постоянно указывают на важность социологического понимания символики тела в процессе интеракции»⁷⁷.

Теория Гофмана обогащает социологическую теорию такими важнейшими категориями, как: роль тела, уязвимость тела, самообладание, телесная сторона, телесно-воплощенная и бестелесная информация, идиома тела и наблюдаемость.

---

⁷⁶ Shilling C. *Sociology and the body: Classical traditions and new agendas* // *Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects* / Ed. by. C. Shilling. Oxford: Blackwell, 2007. P. 9.

⁷⁷ Тернер Б. *Современные направления развития теории тела* // *THESIS*. 1994. Вып. 6. С. 146.

Тело в фигуративной социологии Норберта Элиаса

Включение Г. Зиммелем тела в социологию стало основой для построения теории тела его коллегой, немецким социологом Норбертом Элиасом. Он является значимой фигурой в ряду основоположников социологии тела. На его творчество значительное влияние оказали происходящие в мире события: он был свидетелем двух мировых войн и участником фронтовых действий. Его еврейское происхождение еще сильнее отягощало это обстоятельство. Его мать умерла в Освенциме. Увиденное и пережитое не могло не сказаться на его научном пути.

Социолог предпринял амбициозный исторический анализ того, что он называет «цивилизационным процессом». Опубликованную в 1939 году работу «О процессе цивилизаций»⁷⁸ сам Н. Элиас по праву считал одной из своих самых значимых и важных трудов. В данном труде он описывает изменения в развитии личности и социальных норм с пятнадцатого века и до наших дней. Основываясь на различных руководствах по этикету, Элиас анализирует, как нормы поведения, которые мы теперь считаем самоочевидными, такие как, например, привычки в еде, нормы, касающиеся функций тела или сдерживания открытой агрессии, постепенно развивались, начиная со Средневековья и со временем трансформировались в поведение, которое в настоящее время рассматривается как «цивилизованное», т.е. характеризующееся повышенной самоограниченностью.

Свой научный подход Элиас определяет как фигуративный, т.е. как фокусирующийся на долгосрочных процессах общественного развития, анализирующий индивидов всегда в отношениях с другими и воспринимающий общество как состоящее из совокупности «фигураций», формирующих людей. Поле его изучения составляли нравы и «техники тела», которые он рассматривал сквозь временную призму Средних веков и эпохи Возрождения. Через существующие и претерпевающие трансформацию техники тела, он

---

⁷⁸ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.–СПб.: Университетская книга, 2001.

стремился понять и объяснить, как устроен «процесс цивилизации». Размышления приводят социолога к мысли о том, что данный процесс основан на контроле человека за импульсами собственной агрессии и своих эмоций.

Элиас полагает, что такие стандартные техники, как например техники употребления пищи или ее приготовления лишь на первый взгляд не претерпели существенной трансформации, однако если исследовать проблему глубже, эти изменения будут выявлены. Он пишет: «Основа того, что в цивилизованном обществе требуется от людей и что находится под запретом — стандартная техника еды, способ обращения с ножом, вилкой, ложкой, тарелкой, салфеткой и прочими приборами, — все это по существу осталось прежним....Лишь очень внимательное наблюдение позволяет заметить признаки идущего далее развития»⁷⁹. Еда руками сменяется использованием приборов, создаются новые стандарты, правила и запреты.

Категория «стыда» занимает особое место в теории Элиаса. Он придавал равное значение как процессам рационализации, так и эмоциональным изменениям, особенно изменениям порога стыда: «для процесса цивилизации своеобразное моделирование влечений, называемое нами «стыдом» и «чувством неприятного», не менее характерно, чем рационализация поведения»⁸⁰. Изучая советы, касающиеся этикета, особенно правил поведения за столом, функций тела, сексуальности и гнева, он предполагает, что ключевым аспектом современности является настоящий взрыв стыда. Элиас определяет чувство стыда как «специфическое возбуждение, род страха, в определенных обстоятельствах воспроизводимый у индивида автоматически и привычно»⁸¹. Социолог наглядно показывает, что в начале изучаемого им периода у индивида было гораздо меньше стыда за свои манеры и эмоции. В XVIII веке в советы по манерам начали трансформироваться. То, о чем раньше говорилось открыто и прямо, приобретает форму намеков или вовсе не озвучивается. Один индивид ведет себя вежливо, потому что это правильный поступок, а

---

⁷⁹ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.—СПб.: Университетская книга, 2001. Т.1. С. 4.

⁸⁰ Там же. Т. 2. С. 292.

⁸¹ Там же. Т. 2. С. 292.

другой, потому что считает, что любой порядочный человек будет вежлив. Изменения, которые зафиксировал Элиас, постепенны, но необратимы.

Книги по этикету, по мнению Элиаса, умалчивают о зависимости манер, стиля и индивидуальности от уважения, чести и гордости, а также о том, как избежать чувство стыда и смущения. К концу восемнадцатого века социальная основа приличия становится практически невыразимой. К девятнадцатому веку, как предполагает Элиас, нравы больше не прививаются посредством словесного дискурса между взрослыми, в котором предлагаются оправдания. Социализация переходит от медленных и сознательных изменений взрослых на протяжении столетий к быстрой и молчаливой идеологической обработке детей в их самые ранние годы. Большинству детей не предлагается никакого выбора или обоснования; вежливость для них становится абсолютной и необходимой; любому действительно порядочному человеку не пришлось бы об этом говорить. В современных обществах социализация, таким образом, автоматически прививает нормы приличия.

Манеры, зарождающиеся в XVII веке, обладают четкой отличительной чертой, в отличие от манер демократического индустриального общества: они носят избирательный характер. Манеры в то время используются только в ситуациях взаимодействия с равностоящими или вышестоящими в социальной иерархии⁸². И только со временем данная избирательность пропадает, а манеры становятся всеобщими. Наглядным примером является процесс обнажения тела. Изначально, обнажить свое тело считалось неприличным только перед высшим или равным себе; в общении с нижестоящими это могло, наоборот, являться знаком особого расположения. Относительное социальное равенство приводит к тому, что обнажение постепенно начинает рассматриваться как проступок всегда. Постепенно стираются воспоминания о социальном происхождении чувств постыдного и неприятного. То, что обнажение и отправление естественных нужд прилюдно является постыдным, для

---

⁸² Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.–СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1. С. 208.

взрослых кажется неотъемлемой частью их внутренних поведенческих установок, а у детей начинает откладываться в сознании уже с раннего возраста. Итогом становится более или менее тотальное и автоматическое самопринуждение.

Нагота тела является не только показательной в случае изменения избирательного характера отношения к ней, но и в целом иллюстрирует трансформацию манер относительного «голого тела» в процессе становления цивилизации. Изначально, до XVI века, спать нагим было абсолютно нормально. Обратное, осуждалось наличие одежды в процессе сна: «если кто-то ложился спать в дневной рубахе, то это бросалось в глаза, вызывало подозрения в том, что он хочет скрыть какое-то телесное уродство»⁸³. Других причин прикрывать тело не было. Специальное белье для сна появляется примерно в то же время, что и вилка или носовой платок. Сейчас, в XXI веке, мы наблюдаем, как ночное белье стало настолько неотъемлемой частью нашего гардероба, что существует множество специализированных брендов и магазинов, представляющих отдельно данную категорию.

Уникальность теории Элиаса, таким образом, состоит в том, что он не просто констатирует итоговый факт подавления эмоций, а шаг за шагом документирует последовательность событий, которые привели к данному подавлению в современной цивилизации. Стигматизация тела и обращения с ним сыграла ключевую в этом процессе.

Социология тела Мишеля Фуко

Теоретик, по праву считающимся основоположником социологии тела, является французский социолог, философ и историк М. Фуко, который внес огромный вклад в развитие проблематики тела. Он выводит исследование тела на новый междисциплинарный уровень, по праву считаясь основоположником социологии тела. Рассмотрим важные моменты в биографии, которые

---

⁸³ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.–СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1. С. 237.

предстают в качестве факторов, оказавших наибольшее влияние на направленность исследовательской мысли Фуко.

Ученый родился в семье потомственных врачей в провинциальном городке Пуатье на юго-западе Франции. В 1940 году город Пуатье оккупировали фашисты; за неповинность они убили двух школьных учителей Фуко, что не могло не стать для него сильной психологической травмой. Осознание своей гомосексуальной ориентации также оказало на него сильное влияние: во многих интервью он утверждал, что в этот момент ему казалось, что он не может быть счастлив и его ожидает жизнь полная страданий. После двух попыток самоубийств в 1948 году отец Фуко поместил его в психиатрическую клинику Святой Анны. Сеансы психиатрии способствовали тому, что Фуко увлекся психологией и психиатрией. И впоследствии получил степень лиценциата по философии, через год – такую же степень по психологии и диплом Парижского психологического института, а в 1952 в этом же институте Фуко получил диплом по психопатологии. Так начался и в дальнейшем активно развивался его научный путь. За полтора года до кончины французского социолога начали одолевать болезненные симптомы на фоне заражения СПИДом (хотя официально данный диагноз в то время не был озвучен), а в 1984 году он скончался. Такая богатая биография не могла не наложить отпечаток на творчество мыслителя, и, несмотря на относительно недолгую жизнь (57 лет), Фуко оставил после себя огромное научное наследие.

Все творчество французского теоретика принято условно разделять на три периода. Первый этап научного творчества Фуко (1960-е годы) связан с исследованием клиники и безумия. Благодаря его докторской диссертации на тему «История безумия в классическую эпоху»⁸⁴, феномен безумия обретает оформленный научный дискурс. Фуко утверждает, что в эпоху ренессанса, фигура безумца являлась мощным образом конца эпохи, а сам безумец представлялся носителем определенного логоса, наделенным знанием извне. Ключевой проблемой первого этапа, таким образом, становится размышление об

---

⁸⁴ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010.

истине, а сам период именуется «археологическим». Базисными работами данного этапа научного творчества Фуко становятся: «Рождение клиники»⁸⁵, «Слова и вещи»⁸⁶, «Археология знания»⁸⁷.

Второй этап творчества Фуко условно обозначается временными рамками с 1969 года до начала 1980 года и имеет название «генеалогический». Главной темой данного периода становится феномен власти, а конкретнее: индивиды, обладающие властью, воздействие индивидов друг на друга, выстраивание властных отношений и так далее. Фундаментальный труд, демонстрирующий исследовательскую направленность Фуко на этом этапе, – «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы»⁸⁸.

Начало 1980-х годов ознаменует третий период научной деятельности Фуко – этический. Труды, наиболее полно отражающие данный этап, – второй и третий том «Истории сексуальности»: «Использование удовольствий»⁸⁹ и «Забота о себе»⁹⁰. Основной вопрос: как индивид конституируется в качестве этического индивида.

Все три этапа научного творчества французского социолога имеют огромное значение для современной социологической науки. Его критика социальных институтов, а конкретно медицинского, психиатрического и пенитенциарного наряду с его идеями о сексуальности, силе, знании и власти внесли огромный вклад в развитие социальной мысли. Изучая тело как объект власти, Фуко уходит от этнографического описания конкретных техник, изучаемых его французскими предшественниками антропологами (М. Мосс, А. Леруа-Гуран, К. Леви-Стросс). Он акцентирует внимание на том, что историки уже задолго до него начали писать историю тела. По мнению французского социолога, историки показали степень важности вовлечения биоло-

---

⁸⁵ Фуко М. Рождение клиники / Пер. с фр. А.Ш. Тхостова. М.: Смысл, 1998.

⁸⁶ Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук: Пер. с фр., вступ. ст. Н.С. Автономовой. СПб.: АОЗТ «Талисман», 1994.

⁸⁷ Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.

⁸⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: «Ad Marginem», 1999.

⁸⁹ Фуко М. История сексуальности-II: Использование удовольствий. СПб.: Академический проект, 2004.

⁹⁰ Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998.

гических основ, связанных с микробами или продолжительностью жизни, в историю, но упускали из внимания важную деталь: «тело непосредственно погружено и в область политического...его захватывают, клеймят, муштруют, пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки»⁹¹.

Власть над телом претерпевает определенную историческую трансформацию своих форм, но аспекты подчинения и манипулирования остаются неизменными. До XVIII века наказание было направлено напрямую на человеческое тело. Жестокие пытки, изувечивание тел осужденных и казни были публичным зрелищем, призванным преподать урок и удержать других от совершения подобных преступлений. Страдания преступников рассматривались как доказательство абсолютной власти государя над каждым гражданином. В XVIII веке французские реформисты начали сомневаться в пенитенциарной системе и призывали к менее зрелищным и жестоким наказаниям. Однако их заботило не благополучие преступников, а общественный контроль. Зрелище пыток часто провоцировало непредвиденные последствия: становясь свидетелями крайнего насилия, граждане иногда вставали на сторону истязаемого осужденного, что приводило к беспорядкам.

Размышляя о публичных казнях в прошлые века, Фуко отказывается от каких-либо оправданий, апеллирующих к врожденному человеческому стремлению к карающему правосудию. Он утверждает, что наказания изначально служили своего рода интерактивным публичным зрелищем, которое приводило к активному подрыву государства, а не повышению его притязаний на рациональную легитимность. Сформированные таким образом общественная привязанность, жалость и сочувствие к казненному преступнику, вынуждают отказаться от публичных наказаний и уйти в подземные глубины тюремно-промышленного комплекса.

---

⁹¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: «Ad Marginem», 1999. С. 40.

Понимая, что публичные наказания подрывают авторитет властных кругов, их заменяют. Исключив «казнимое тело»⁹² имеющее место в прошлом, правосудию по-прежнему приходится затрагивать тела осужденных, контролировать и манипулировать ими, но делать это более искусно, в соответствии с определенными правилами и ссылаясь при этом на «возвышенную» цель. Место палача в профессиональном сдерживании тела, согласно Фуко, занимают теперь надзиратели, врачи, тюремные священники, психиатры, психологи, воспитатели и другие лица, наделенные такого рода полномочиями.

Необходимо отметить то, что процесс становления общества модерна Фуко связывает с переходом от «зрелищного общества» к «дисциплинарному обществу»⁹³. Он пишет: «наше общество – общество надзора, а не зрелища. Под поверхностным прикрытием надзора оно внедряется в глубину тел»⁹⁴. Являясь субъектом наказания, тело не обязательно становится элементом зрелища, и упразднение публичных казней служит одним из доказательств. Фуко отмечает, что еще в классический век произошло открытие тела как объекта и мишени власти, это доказывает великая книга о Человеке-машине, начало которой положил Р. Декарт⁹⁵. Человек-машина демонстрирует, что тело можно подчинить, использовать, преобразовать и усовершенствовать техники послушания. Тем не менее, преодолев определенную историческую трансформацию, техники послушания обрели три существенные новые черты: масштаб контроля (тело исследуется не в массе, а в деталях); объект контроля (рассматриваются не элементы поведения или язык тела, а эффективность движений и их внутренняя организация); модальность (непрерывное, постоянное принуждение, где процесс становится важнее результата). Три указанные характеристики делают техники контроля абсолютными и всеобъ-

---

⁹² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: «Ad Marginem», 1999. С. 22.

⁹³ Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: Исторические судьбы индивида модерна. М.: Практикс, 2017. С. 104.

⁹⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: «Ad Marginem», 1999. С. 318.

⁹⁵ Там же. С. 198.

емлющими, формируя определенного рода дисциплину. Она производит «послушные» тела посредством социальных институтов и учреждений: армии, монастырей, образовательных учреждений и так далее. «Она распределяет и организует пространство, распределяет время, детализирует действия во времени, коррелирует тело и жест, осуществляет связь тела с объектом – в целом дисциплина осуществляет контроль над деятельностью и над жизнью в целом»⁹⁶. В теории Фуко «техники тела» становятся скорее «техниками принуждения тела» или «техниками контроля тела», формируемыми внешней силой власти. Так зарождается его концепция биополитики, которая будет рассмотрена ниже в параграфе 2.1.

Социология тела как часть общей социологической теории

Развитие общества и социальных наук приводит к присутствию социологии тела в общей социологической теории общества и социального действия. Значительный вклад в разработку категории тела внес французский социолог Пьер Бурдьё. В работе «Социальное пространство: поля и практики»⁹⁷ проблематика телесности обретает глубокую разработанность. В главе «Мужское господство» социолог обращается к вопросу разделения полов. Деление вещей и практик в соответствии с оппозицией мужского и женского, связано с телесностью, ее формой и местом в пространстве. Изначально воспринимаясь как произвольное, это разделение получает свою объективную и субъективную необходимость, «поскольку встроено в систему гомологичных оппозиций: высокий/низкий, сверху/снизу, впереди/сзади, правый/левый, прямой/согнутый и так далее»⁹⁸. Данная схема мышления является универсальной и кажется, даже отражает реально существующую природу и порядок вещей. Эти схемы доказывают себя постоянным повторением и согласием всех, кто в них участвует. Так, женщины неизбежно воспроизводят

---

⁹⁶ Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: Исторические судьбы индивида модерна. М.: Праксис, 2017. С. 105.

⁹⁷ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

⁹⁸ Там же. С. 294.

образ, который приписывают им мужчинами, и «таким образом создают видимость природного основания для социально навязываемой им идентичности». Это и есть проявление того, что П. Бурдьё называет «контролем через тело». Социолог утверждает, что мужское господство настолько глубоко укоренено в нашей общественной системе и «гарантировано настолько надежно, что нет необходимости искать оправдания. Доминирующая позиция в разделении полов выражается «в речевых практиках разного рода... а также во всех техниках тела, позах, манерах и умении себя держать»⁹⁹.

Для последующего анализа необходимо вспомнить одну из важнейших категорий концепции Бурдьё – «габитус», которую сам теоретик определяет как «систему схем восприятия и оценивания, как когнитивные и развивающиеся структуры, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире»¹⁰⁰. Габитус производит структуры мира и тела, имеющие определенную половую принадлежность. Данные структуры хоть и не рациональны, тем не менее, не являются менее действительными в сравнении с другими. В процессе воспитания социальный мир конструирует тело в двух проявлениях¹⁰¹: как вещь, имеющую определенные половые характеристики; как хранилище категорий восприятия и оценивания через половые характеристики (с биологической точки зрения).

Тело для социального мира является неким запоминающим устройством, которое фиксирует все социальные принципы, систему ценностей и предпочтений. Так осуществляется процесс «социализации животного и окультуривания природы» посредством безусловного подчинения тела приказам социального порядка, которые часто не осознаются. Главной целью социального мира, таким образом, становится загрузка в тело каждого отдельного индивида определенной программы восприятия, оценивания и действий. В данной программе и закреплено различие половых характеристик,

---

⁹⁹ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С 292.

¹⁰⁰ Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 75.

¹⁰¹ Бурдьё П. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С 303.

которые, как утверждает Бурдьё, «являются продуктом произвольного отношения доминирования мужчин над женщинами, которое вписано в реальность мира как его фундаментальная структура, но фактически, лишь отражает мифическое видение мира»¹⁰².

Программы, загружаемые в тела, конструируются в ходе длительного процесса социализации и охватывают все сферы. Бурдьё приводит в качестве примера аристократическое положение. Будучи вписанным в тело аристократа в виде набора диспозиций, таких как посадка головы, осанка, походка, воспринимаемых как нечто естественное, данное положение управляет аристократом без какого-либо внешнего принуждения. Аристократизм, таким образом, есть частный пример продукта социальной работы по номинации и внушению, в ходе которой социальная идентичность вписывается в биологическую природу и впоследствии становится габитусом.

В общем виде рассуждения о телесности Бурдьё можно представить следующим образом:

- в социуме тело индивида представляет собой записывающее устройство, в котором ценности, нормы, предпочтения и, в более глобальном масштабе – мировоззрение, сохранены не только в стилях мышления, но и в способах использования своего тела;
- в свою очередь, габитус является инструментом, формирующим и структурирующим практики и, в то же время, ограничивающим диапазон их разнообразия рамками диспозиций, занимаемых индивидом;
- с помощью телесных практик индивид входит в социальный мир и организует свое положение в социальном пространстве;
- в своем теле индивид отражает свои социальные диспозиции и место в иерархии.

Тело наделено символическим капиталом, благодаря чему оно является телесным выражением иерархий социальной власти. Тело постоянно культи-

---

¹⁰² Бурдьё П. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 304–305.

вируется и репрезентируется эстетическими предпочтениями различных социальных классов, в соответствии с чем во французской культуре альпинизм и теннис требуют гибких, стройных и податливых тел среднего и высшего классов, в то время как спортивные состязания рабочего класса, такие как борьба, производят полностью разное телосложение и габитус. Работа Бурдьё оказала влияние на изучение габитуса в различных видах человеческой деятельности, от бокса до классического балета.

Отличный от концепции Бурдьё взгляд предлагает немецкий социолог и философ Х. Йоас, рассматривая категорию тела в рамках своей теории креативного действия. Согласно его взглядам, большинство предшествующих теорий действия воспринимают тело как объект, контролируемый действующим субъектом. В данных теориях телесность понимается исключительно с инструментальной точки зрения, как необходимое условие для достижения определенных целей. Тем не менее, в них, пусть и не совсем в полном объеме, но тело находит свое место, в отличие от большинства теорий действия, где оно не тематизируется вообще. По мнению Йоаса на социологической теории в целом это отражается следующим образом: тело рассматривается как основа действия субъекта, либо полностью остается без внимания. Но даже в первом случае к использованию антропологических предпосылок прибегают лишь тогда, когда необходимо отстоять идентичность социальных наук от попыток биологического или психологического редукционизма. Однако кроме этого «...исследование роли тела в отношении действия остается делом второстепенной важности»¹⁰³. Йоас утверждает, что данная позиция является неправильной и доказывает это двумя тезисами.

Во-первых, для избавления от активистского отношения к миру, предполагающего непрерывную активность, действие необходимо наделить такими чертами как пассивность, восприимчивость, чувствительность, невозмутимость. Это подразумевает включение отношений между организмом «человек» и его окружающей средой. Поэтому, согласно Йоасу «чтобы изба-

---

¹⁰³ Йоас Х. Креативность действия / Гл. ред. И.А. Савкин, пер. с нем. СПб: Алетейя, 2005. С. 185.

виться от активистских коннотаций, теория действия вынуждена учитывать телесность»¹⁰⁴.

Второй тезис заложен в проблематике инструменталистского ограничения роли тела. Йоас приводит проекты телесности Н. Элиаса и М. Фуко, утверждая, что, несмотря на их склонность рассматривать историю как линейный процесс усиления дисциплинирования тела, их работы являются важным шагом в направлении «истории культуры рационального актора». «Масштабные историкоантропологические проекты, в частности Н. Элиаса или М. Фуко, можно рассматривать как попытки проанализировать историю возникновения инструменталистского отношения к собственному телу. При этом они совершенно правы в том, что не просто исследуют влияние культурных ценностей на индивидуальные установки, а выводят на первый план формирование и осуществление практик по дисциплинированию тела»¹⁰⁵.

Вывод, к которому приходит Йоас, размышляя о неустойчивом равновесии инструментализации тела и других, неинструментальных способов отношения к телу, предполагает что «теория действия должна изучать как установление контроля над телом, так и развитие способности к его ослаблению, т. е. интенциональную редукцию инструментализации тела»¹⁰⁶. Социолог встраивает категорию тела в свою теорию креативного действия, так как тело является базовым условием формирования креативности как таковой. По его мнению, теория действия обязательно должна учитывать допущение, что дорефлексивная интенциональность человеческого тела — это типичная для человека структура отношения между организмом и окружающей средой. Для объяснения этих отношений Йоас использует понятие «телесная схема» или, как еще он ее называет «образ тела». Это подразумевает, что тело дано субъекту не непосредственно, а лишь в виде телесной схемы, которая является результатом интерсубъективного конструирования в процессе социализации и развития субъекта: «тело — это вещь среди вещей в окружающем

---

¹⁰⁴ Йоас Х. Креативность действия / Гл. ред. И.А. Савкин, пер. с нем. СПб: Алетейя, 2005. С. 186.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. С. 187.

мире, но все же одновременно с этим оно, будучи собственным телом человека, радикально отличается от всех других вещей»¹⁰⁷.

В развитии категории телесной схемы и ее трансформации Йоас выделяет три этапа. Первый связан с работками «нейропсихологов рубежа веков»¹⁰⁸: Боннье описал три различных частичных изменения структуры тела – гиперщемление (завышение размеров тела), гипощемление (недооценка размеров тела) и парашемление (смещение частей тела, включая внутренние органы). Хед и Холмс в 1911 году расширили концепцию схемы тела, введя понятия схемы положения тела и схемы поверхности. Они описали пациентку, которая могла определить местонахождение раздражителей, применяемых к ее телу, но не могла определить местоположение своей руки в пространстве. Ими была выдвинута концепция целостного восприятия собственного тела, но и она имела недостаток, так как по-прежнему игнорировала функции сознания. Второй этап связан с именем немецко-австрийского психолога П. Шильдера. Он трактует тело как единое целое и при этом отвергает тенденцию старой эмпирической психологии обозначать данность тела как суммирование ощущений. Ограниченность его концепции, по мнению Йоаса, заключалась в том, что была сформулирована как реконструкция отдельных случаев из материалов терапевтических сеансов. Третий этап включает переход от отдельных единичных наблюдений к более фундаментальным общепсихологическим вопросам. Этот значимый переход связан с именем французского философа М. Мерло-Понти (его концепция телесной схемы была рассмотрена выше). Он продолжает разрабатывать заложенную П. Шильдером теорию и углубляет ее в философском аспекте.

По мнению Йоаса, к данной схеме необходимо добавление еще одного этапа, базирующегося на разработках Г. Мида. Как было указано ранее, Мид исследует вопросы телесности, возникающие уже в период детства. Он последовательно связывает проблему конституирования телесной схемы с раз-

---

¹⁰⁷ Йоас Х. Креативность действия / Гл. ред. И.А. Савкин, пер. с нем. СПб: Алетейя, 2005. С. 195.

¹⁰⁸ Там же.

вити́ем коммуникативных способностей маленького ребенка. Йоас подходит к вопросу допущения первичной социальности, которая не возникает вследствие осознанной интенциональности, а предшествует ей. Первичная социальность является «такой структурой коллективного действия, которая вначале не заключается ни в чем другом, как в интеракции наших тел»¹⁰⁹. Через критику инструментального подхода к телу (куда он относит Н. Элиаса, М. Фуко и др.), Йоас предлагает собственный взгляд на тело в рамках концепции креативного действия, формулируя новую категорию «телесной схемы».

Таким образом, в первой главе было выделено три базовых направления в становлении социологии тела. Во-первых, это изучения тела в социальной и культурной антропологии (Ф. Боас, М. Мид, М. Дуглас, М. Мосс, А. Леруа-Гуран и К. Леви-Стросс), ключевыми понятиями которого являются: телесная структура, половая роль, переживание собственного тела, границы тела, телесная грязь, техники тела и т.д. Во-вторых, это рассуждения о месте тела в социологии культуры Г. Зиммеля, в фигуративной социологии Н. Элиас, социология тела в версии ее основоположника М. Фуко и в теориях Дж.Г. Мида и И. Гофмана. В социологию тела были включены следующие категории: чувственно-телесное восприятие, сексуальность, стыд, самопринуждение, цивилизационный процесс, власть над телом, дисциплинарное общество, роль тела, уязвимость тела, телесная сторона, телесно-воплощенная и бестелесная информация, идиома тела, наблюдаемость. В-третьих, тело стало объектом общей социологической теории в трудах П. Бурдьё и Х. Йоаса, и ключевыми понятиями становятся: контроль через тело, габитус, креативное действие, телесная схема и образ тела.

---

¹⁰⁹ Йоас Х. Креативность действия / Гл. ред. И.А. Савкин, пер. с нем. СПб: Алетейя, 2005. С. 203.

ГЛАВА 2

Ключевые направления изучения тела в социологии

Трансформация общества под влиянием процессов урбанизации, глобализации, цифровизации и сетевизации «внедряет» тело в новые контексты и отношения. Формируется множество дискурсов, в которых оно становится ключевым компонентом. Так развитие общества потребления, информационных технологий, создание общественных движений, связанных с гендером или принятием тела, появление новых видов телесных практик и восприятие тела как проекта существенно расширяют направления исследования современной социологии тела.

2.1. Тело как объект социального контроля: феномен биополитики и социология медицины

Современные исследования по социологии тела в области биополитики и социологии медицины имеют свою специфику, определенную современным состоянием научного знания. Оно укоренено в ведущих разработках социологов XX века и, прежде всего, огромное влияние на формирование современной повестки оказал М. Фуко.

Один из спектров рассмотрения тела включает в себя анализ его как объекта власти и контроля. Проблематика контроля набирает все большую актуальность и масштабы в связи с развитием технологической базы современного общества и как следствие, появлением новых методов управления телами. Возникает феномен, напрямую связанный с телесностью – это биополитика; тело становится ее объектом. Рассмотрение данного явления в его исторической ретроспективе с опорой на исследование инструментов и институтов осуществления биовласти является важным не только для области социологии тела, но и для социологической науки в целом. Тело и власть

тесно связаны между собой: «тело — биополитическая реальность; медицина — биополитическая стратегия»¹¹⁰.

Термин «биополитика» Фуко вводит в научный оборот во второй половине XX века. Он не просто становится родоначальником изучения данной проблематики, но и формирует глубинное понимание биополитики: ее историю возникновения, каналы реализации, восприятие тела и область применения биовласти в различные временные периоды. Данная разработка становится базовым фундаментом для понимания современной биополитики.

Рассуждения о биополитике Фуко закладывает в лекционном курсе «Рождение биополитики»¹¹¹, а также в работе «Рождение социальной медицины»¹¹², прочитанном в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году. Данное направление мысли отражает второй период деятельности французского мыслителя, интересы которого к этому времени смещаются от исследований клиники и безумия к анализу власти¹¹³, но при этом является своеобразным мостом перехода к третьему этапу.

Понятие «биополитика» возникает в связи определенными событиями в биографии Фуко. В сентябре 1975 года в Испании он вместе с другими протестующими выражает несогласие с установленной казнью одиннадцати противников франкистского режима. Вскоре скончался сам Франко. Символическим Фуко считал смерть 20 ноября, и использовал это «маленькое, но приятное событие, как возможность заявить о начале новой фазы развития власти: биовласти»¹¹⁴. С появлением политической экономии, с введением ограничительного принципа в самую правительственную практику происходит ряд важных трансформаций, вследствие которых политическая власть начи-

---

¹¹⁰ Фуко М. Рождение социальной медицины // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3 / Пер. Б.М. Скуратова. М.: «Праксис», 2006. С. 82.

¹¹¹ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году / Пер. с фр. А.В. Дьякова. СПб.: Наука, 2010.

¹¹² Фуко М. Рождение социальной медицины // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3 / Пер. Б.М. Скуратова. М.: «Праксис», 2006.

¹¹³ Там же. С. 413.

¹¹⁴ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году / Пер. с фр. А.В. Дьякова. СПб.: Наука, 2010. С. 418.

нает распространяться, на население, как ту группу, которой должно руководить правительство¹¹⁵.

Фуко предлагает следующую дефиницию термина «биополитика»: «я понимаю под этим то, как начиная с XVIII в. пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство... Мы знаем, какое все возрастающее место занимают эти проблемы начиная с XIX в. и какие политические и экономические цели они конституируют по сей день. Мне представляется, что эти проблемы неотделимы от рамок политической рациональности, в которых они возникли и обрели свое звучание»¹¹⁶.

Важнейшей категорией анализа биополитики становится категория населения. Если сам термин в определенной форме существовал и до этого, то в рамках политических режимов это понятие начинает восприниматься как полноценный объект лишь в конце XVIII века. Главной заботой правителя становится не просто сохранение легитимности своей власти (за счет соблюдения границ вмешательства в личную жизнь граждан), а максимизация благополучия населения. Таким образом, с конца XVIII в. и по сей день все политические вопросы формулируются в рамках данной парадигмы. Ответы на них помогает давать экономика, так как именно данная сфера задается вопросами максимизации благополучия каждого индивида как биологического существа.

Формирование биополитики осуществляется на двух уровнях. Первый связан с установлением дисциплины через различного рода учреждения: тюрьмы, школы, больницы, клиники и т.д. Второй уровень менее очевидно увязан с контролем: управление здесь осуществляется с помощью различных политических технологий, от статистики и демографии до общественного здравоохранения и обустройства городского пространства и строительства

---

¹¹⁵ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году / Пер. с фр. А.В. Дьякова. СПб.: Наука, 2010. С. 397.

¹¹⁶ Там же. С. 405.

жилья. Биополитика становится инструментом, с помощью которого государство имеет возможность напрямую контролировать население: ограничивать или стимулировать рождаемость, регулировать смертность, уровень здоровья, торговлю, миграцию и профессиональный спектр.

Рассуждения о биополитике следует начать с ее истоков. Обратимся к эпохе, которая, по мнению Фуко, сыграла значительную роль не только в истории человечества в целом, но и конкретно в формировании феномена биополитики – эпохе Просвещения. В работе: «Что такое Просвещение?»¹¹⁷ (1984) Фуко задается вопросами о природе и дефиниции данного понятия. Он определяет просвещение «как совокупность политических, экономических, общественных, институциональных, культурных событий, от которых мы до сих пор в огромной степени зависим»¹¹⁸. Совокупность этих событий, согласно социологу, порождает ряд общественных преобразований. Они касаются появления новых политических учреждений, форм знания и технологических изменений.

Фундаментальным следствием перечисленных событий и изменений становится формирование нового типа рациональности – государственной. Так, в XVII–XVIII веках происходит отказ от традиционных способов управления, основанных на вере, обычаях и т.д. Согласно Фуко, две данные традиции¹¹⁹ – это традиция христианства и традиция Н. Макиавелли. На замену им приходит совершенно новый тип управления, основанный на разумном познании. Ключевыми итогами эпохи просвещения для структуры властных отношений становятся:

- установление четкой связи между политикой как практикой и политикой как знанием;

---

¹¹⁷ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офергаса, под общ. ред. В.П. Визгина, Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002.

¹¹⁸ Там же. С. 349.

¹¹⁹ Там же. С. 365.

- формирование нового понимания политики и истории, в рамках которого государства стали осознавать себя, свой исторический контекст и существование множества других государств на ограниченной территории;
- понимание важнейшей задачи государства: его интересует то, что индивид может сделать для его могущества.

Новый тип управления как плод просвещения приводит к формированию новой системы наказания и контроля, которой Фуко уделяет огромное внимание на протяжении всей научной карьеры. Данная система – продукт либерализма¹²⁰ – служит базисом формирования биополитики. Проблематика либерализма становится не только началом рассуждений о биополитике в обозначенном курсе лекций, но и является его системообразующим звеном. Фуко утверждает, что «либерализм нужно рассматривать как общие рамки биополитики»¹²¹. Биополитика напрямую связана со здоровьем, репродуктивностью, гигиеной и продолжительностью жизни. Данные проблемы обрели новое проявление в рамках определенного политического режима: «либерализма». Именно ему они «бросают вызов».

Важно отметить, что либерализм понимается не как идеология, а как практика, как определенный «способ действовать», имеющий конкретные цели и регулируемый постоянной рефлексией. Основным принципом либерализма заключается в утверждении того, что «управления всегда слишком много». Легитимность средств достижения целей становится не менее важным пунктом, чем отсутствие критики в управлении. Согласно Фуко, «либерализм – инструмент критики реальности: предшествующего правления, от которого пытаются отмежеваться; современного правления, которое пытаются реформировать и рационализировать, выявив его ослабление»¹²².

Анализ либерализма Фуко проводит на двух современных примерах: немецкий либерализм 1948—1962 годов и американский либерализм Чикаг-

---

¹²⁰ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году / Пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб.: Наука, 2010. С. 39.

¹²¹ Там же. С. 398.

¹²² Там же. С. 408.

ской школы. Оба, по его мнению, возникают как критика рациональности, присущей излишку. В Германии такая рациональность это военный режим, нацизм и дирижистская и плановая экономика, а в ситуации американского неолиберализма это ответ на стремление распространить рациональность рынка и диктуемые им условия на области, не являющиеся исключительно экономическими: институт семьи и рождаемости; преступность, уголовная политика.

Исследование либерализма необходимо, чтобы понять, как проблемы, связанные с населением, обозначаются и решаются правительством, которое еще не реализует либерализм, но стремится к этому. Важное место в рамках новой либеральной системы, а также вопросов «жизни и населения» занимают категории «медицина» и «тело». Рассуждение о них Фуко начинает с термина биоистории, являющегося ключевым для целостного восприятия биополитики. Биоистория — это развитие медицины на биологическом уровне. Фуко утверждает, что саму историю человека как биологического вида, начиная с XVIII века, можно обозначить как медиализированную. Общество осуществляет контроль над индивидами, таким образом, не только через сознание и идеологию, но через тело. Очень показательной в этом смысле становится следующая фраза Фуко, которая уже была упомянута выше: «тело — биополитическая реальность; медицина — биополитическая стратегия»¹²³.

Фуко утверждает, что в рамках капитализма важнее всего становятся биополитическое, биологическое и телесное измерения. Он основывается на ряде гипотез, которые позиционирует как общепризнанные. Например, в качестве известного факта Фуко приводит то, что человеческое тело с точки зрения политического и социального среза оценивается в качестве рабочей силы. При этом конкретно сферу медицины изначально не интересовало человеческое тело как рабочая сила. Отсутствие такого рода заинтересованности продлилось лишь до второй половины XIX века, когда была поставлена

---

¹²³ Фуко М. Рождение социальной медицины // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3 / Пер. Б.М. Скуратова. М.: «Праксис», 2006. С. 82.

проблема тела, здоровья и уровня производительных сил индивида¹²⁴. Целями медицинского обслуживания, становятся, во-первых, улучшение человеческого капитала, а во-вторых, его сохранение для как можно более долгого использования. Вследствие этого происходит переосмысление всех проблем защиты здоровья и общественной гигиены в качестве элементов, способных или неспособных улучшить человеческий капитал¹²⁵.

Вопросы социологии тела здесь начинают тесно переплетаться с областью социологии медицины, так как именно на этапе зарождения социальной медицины и формируется институционализированная биополитика. Социология медицины, как и социология тела, является самостоятельным научным направлением, при этом обе отрасли тесно взаимосвязаны между собой. Ввиду этого социология медицины, в том числе в теории Фуко, будет рассмотрена ниже. В данном параграфе необходимо указать, что медицина неотделима от биополитики, так как для Фуко, государственность неолиберализма заключается не во власти над гражданином как над юридическим субъектом, а во власти над гражданином, как над частью биомассы, называемой населением; следовательно, это не касается законности, а связано только с жизнью¹²⁶.

Важно отметить, что парадигма выстраивания власти, о которой говорит Фуко, предполагает, что ее требования и предписания реализуются большей частью не за счет внешнего дисциплинирующего воздействия, а благодаря внутренним поведенческим моделям, добровольно встроенным в повседневную «практику тела». Это модель, где индивиды должны стать «экспертами самих себя», начать практиковать культурную и просвещенную заботу о своем теле, сознании, своих формах поведения, а также о телах, сознаниях и формах поведения членов своей семьи, товарищей, коллег и т.д.¹²⁷

---

¹²⁴ Фуко М. Рождение социальной медицины // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3 / Пер. Б.М. Скуратова. М.: «Праксис», 2006. С. 83.

¹²⁵ См.: Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году / Пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб.: Наука, 2010. С. 290.

¹²⁶ Koljevic V. Twenty-first century biopolitics. Frankfurt am Main: Peter Lang International Publishing, 2015. P. 97.

¹²⁷ Фуко М. Правительственность (идея государственного интереса и его генезис) // Логос. 2003. Т. 39. № 4-5.

Хотелось бы также отметить актуальность идей Фуко для «новой нормальности»¹²⁸ связанной с затронувшей весь мир пандемией covid-19. Обязательная вакцинация, ограничение передвижения, масочный режим, сдача ПЦР-тестов для работы и путешествий, все это является прямым отражением реализации биовласти в современной реальности: контроль тела через медицину. Биополитика обладает всеми необходимыми инструментами и социальными институтами для осуществления контроля и управления телом не только в пределах одного индивида, но и в рамках целого общества.

Медицина, таким образом, становится важнейшим средством биополитики, ее платформой для реализации. Она охватывает и подчиняет своему контролю все проявления телесности; не только ее физиологические аспекты, но и морально-психологические (например, через психиатрию). Биополитика обладает всеми необходимыми инструментами и социальными институтами для осуществления контроля и управления телесностью не только в пределах одного индивида, но и в рамках целого общества. Соответственно, Фуко обогащает социологию тела такими категориями как: биовласть, биополитика, медикализация, биоистория и прокладывает путь к исследованиям, проводимым в рамках современной социологии медицины.

Социология медицины

Одной из фундаментальных областей исследования тела в социологии становится социология медицины. Глубинное прочтение и понимание проблематики тела в социологии невозможно без учета медицинских аспектов. Тело и его физическое состояние становятся главным объектом медицины. Здоровье современного индивида является не только важной физиологической характеристикой его жизни, но и значимой составляющей социального капитала. Возможность раскрытия социального потенциала человека в обществе во многом зависит от его физиологических возможностей. Тесная взаи-

---

¹²⁸ Термин, обозначающий социальные и экономические последствия глобальной пандемии covid-19, затронувшие различные аспекты жизнедеятельности человека (то, что совсем недавно было ненормальным, становится обычным явлением).

мосьвязь медицинской и социальной сферы приводит к формированию новой отрасли научного знания – социологии медицины. Ее зарождение во второй половине XX века было обусловлено созданием двух важных общественных систем: системы медицинского страхования и системы здравоохранения.

Первые работы по социологии медицины выходят еще в начале XX века. Одним из таких трудов становится «Эссе по медицинской социологии» (1902) американской ученой, доктора медицинских наук Э. Блэкуелл. Социология медицины исследует социальные аспекты здоровья и болезни, а также аспекты формирования и функционирования социального института медицины. В работе «Социальная система» американский социолог Т. Парсонс одним из первых закладывает социологический базис данного направления: разрабатывает теорию «роли больного», в которой медицинская категория болезни рассматривается с точки зрения ролевого и структурно-функционального подхода. Для того чтобы общество, как социальная система, успешно выполняло свои функции, оно должно быть самодостаточным, а все его элементы должны находиться в равновесии и стабильности. Каждый индивид, как часть социальной системы, выполняет определенные функции, а болезнь становится фактором, исключаящим человека из привычной системы выполнения ролей. Болезнь становится определенного рода опасной девиацией, угрожающей стабильности системы. Включив сугубо медицинскую категорию болезни в социологический анализ, Парсонс не только закладывает основы социологии медицины, но и благодаря своей известности и авторитету в научном сообществе, привлекает внимание к новой отрасли, что порождает исследовательский интерес.

Современная социология медицины многим обязана не только Э. Блэкуеллу и Т. Парсонсу, но и М. Фуко. Выше, в параграфе о биополитике, уже была отмечена важность данной сферы в контексте контроля тела. Истоки социологии медицины, по мнению Фуко, тесно связаны с историей развития следующих наук: социальная гигиена, общественное здравоохранение и гигиена труда. Одной из значимых особенностей становления социологии ме-

дицины как самостоятельной сферы научного знания становится создание и развитие национальных систем здравоохранения. В связи с этим первые исследования в данной области имели прикладной характер и направленность на исследование частных и конкретных проблем общественного здоровья. Накопление эмпирических знаний по данной проблематике приводит к необходимости их последующего теоретического осмысления¹²⁹.

Согласно Фуко, медицина обладает колоссальной властью, так как имеет эксклюзивный доступ к телу: не только к конкретному «пациенту», а обладает политическим влиянием, оказываемым на все общество. «Имея возможность наблюдать каждого, контролировать его жизнедеятельность, изолировать от других людей при необходимости, констатируя смерть/инвалидность, медицина контролирует все общество, записывая и фиксируя непрерывно информацию в медицинских картах за каждым, получая в итоге полную картину актуального состояния населения»¹³⁰. Три базовых направления, изучаемые Фуко в контексте исследования западной медицины, можно представить следующим образом¹³¹: во-первых, это властно-дисциплинирующая функция психиатрии; во-вторых, административные функции медицинских учреждений; и в-третьих, роль социальной медицины в административно-политической системе западного общества. Три направления в совокупности отражают реальное проникновение власти в медицинскую сферу и являются тремя вопросами о медицине, ответы на которые Фуко оформляет в своих научных трудах.

Первый вопрос связан с властно-дисциплинирующей функцией психиатрии. При исследовании данной проблематики Фуко использует метод, который сам именуется как археологический (или генеалогический), что подразумевает изучение феномена в момент состояния «перехода» — от того, чем определенное явление было прежде, до того, чем стало потом. Данный пере-

---

¹²⁹ Лядова А.В. Особенности становления социологии медицины как междисциплинарного научного направления // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. № 1. С. 48.

¹³⁰ Фуко М. Рождение социальной медицины // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3 / Пер. Б.М. Скуратова. М.: «Праксис», 2006. С. 94.

¹³¹ Михель Д. Мишель Фуко и западная медицина // Логос. 2019. № 2. С. 65.

ход и анализирует Фуко в своей знаменитой работе «История безумия в классическую эпоху»¹³². Психиатрия как самостоятельная область медицины зародилась еще в начале XIX века. Лечение психически больных пациентов осуществлялось через нахождение в закрытой лечебнице и предполагало обязательную изоляцию. В тех случаях, когда излечить человека было невозможно, она являлась своего рода средством спасения родственников и окружающего общества. В 1950-х годов начинают появляться первые препараты для лечения психических расстройств. Это сказывается на численности пациентов, содержащихся в психиатрических лечебницах: она сокращается. Политика содержания меняет свой ориентир в сторону того, чтобы не задерживать пациентов надолго в лечебницах и возвращать их в общество¹³³. До этого переломного момента пациенты почти сто семьдесят пять лет пребывали в психиатрическом заточении.

Социолог анализирует, сравнивает и устанавливает связь между формами ранней психиатрической лечебницы и более поздних медицинских учреждений для лечения пациентов с психическими отклонениями. В первом случае лечение как таковое не предполагалось, а скорее просто представляло собой изоляцию от общества. Категория безумия в средние века является одной из самых важных и для теоретического осмысления.

Стигматизация продолжает распространяться и в XVII веке. Наглядным примером стал Парижский общий госпиталь, который не был больницей в классическом смысле этого слова. В данный госпиталь заключали под изоляцию неугодных обществу индивидов, даже преступники попадали туда. «Так сумасшедшие «смешались» с обитателями работных домов и каторжных тюрем, а бедняки, бродяги, бездомные, преступники и умалишенные оказываются под одной крышей». В то время психически нездоровых пациентов определяли и изолировали от общества, прежде всего по тому, что они были не способны к производительному труду. Так, клиника для душевно-

---

¹³² Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010.

¹³³ Vynum W.F. et al. The Western Medical Tradition: 1800 to 2000. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. С. 473.

больных становится местом концентрации дисциплинирующей власти в лице врачей, надзирателей и санитаров. И только позже установка меняется, кроме того, у врачей появляется достаточно квалификации чтобы выявлять среди всех неспособных к труду действительно душевнобольных. Практики изоляции и изгнания являются фундаментальными механизмами становления исторических форм социального контроля и, таким образом, могут быть рассмотрены как первоначальные практики медицинской стигматизации¹³⁴.

Второй вопрос затрагивает административные функции медицинских учреждений. Согласно Фуко, средневековые больницы отличались от современных не только менее технологичным оборудованием, количеством и качеством используемых медикаментозных препаратов, но, что самое важное для нас, своими функциями и тем, как их воспринимало общество. Подробный анализ данного вопроса мы находим в знаменитой работе философа «Рождение клиники»¹³⁵ (1963) и частично в не менее известном труде «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы»¹³⁶ (1975). Основными посетителями больниц того времени были бедные, больные люди, которым больше некуда было идти. Они приходили не столько за оказанием квалифицированной помощи, сколько для того, чтобы спокойно умереть. Но в то время для получения качественной медицинской помощи пациенты обращались за частной помощью, а не в больницы.

Великая Французская революция и проводимые в рамках нее реформы предоставляют обществу взаимовыгодный обмен: бедняки получают бесплатную медицинскую помощь, предоставляя свои тела в качестве объектов для медицинской практики и экспериментов, а богатые слои населения вкладывают средства в больницы и обучение с перспективой получения более квалифицированных медицинских услуг в будущем. Так больница становится, не только новым местом обучения врачей, но и средством контроля насе-

---

¹³⁴ Bynum W.F. et al. The Western Medical Tradition: 1800 to 2000. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. С. 19.

¹³⁵ Фуко М. Рождение клиники / Пер. с фр. А.Ш. Тхостова. М.: Смысл, 1998.

¹³⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: «Ad Marginem», 1999.

ления через медикализацию. Фуко делает акцент на том, что больница нового образца становится дисциплинарным институтом, концентрирующим власть, хоть и не так очевидно как в других институтах: тюрьмах, казармах и т.п., но при этом не с меньшим влиянием.

Третий, не менее важный вопрос, социолог рассматривает в первом томе «Истории сексуальности»¹³⁷ (1976) и в курсе лекций «Безопасность, территория, население»¹³⁸ (1977–1978). Он отражает то, какую роль и место занимает социальная медицина в современном западном обществе, а конкретно в его административно-политической системе. Зарождение социальной медицины, как утверждает Фуко, происходит параллельно с образованием новой формы управления государством, при которой властные круги больше прежнего могут контролировать здоровье населения, контролируя, как следствие, их тела. Он называл это различными терминами, один из которых: «биовласть». В первом томе «Истории сексуальности» Фуко выделял два типа биовласти¹³⁹. Первый тип – «анатомо-политика человеческого тела» – предполагает механизацию человеческого тела, подведение под единый образец: марш, чистописание, прохождение курсового лечения. Второй тип – «биополитика народонаселения» – осуществляет контроль населения с целью обеспечения его биологических процессов: рождаемости, смертности, средней продолжительности жизни, показателями здоровья и так далее.

Одним из значимых примеров «технологий безопасности» стала массовая вакцинация населения от оспы в конце XVIII – начале XIX века. Они позволяли составлять портрет состояния здоровья населения в целом. Кроме того, они помогали анализировать, какая именно группа индивидов (по территориальному, возрастному признакам и т.д.) нуждается в наибольшем контроле состояния здоровья, чтобы не допустить распространения эпидемии и как следствие возрастания смертности.

---

¹³⁷ Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе / Пер, с фр. Т.Н. Титовой, О.И. Хомы, под общ. ред. А.Б. Мокроусова. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998.

¹³⁸ Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011.

¹³⁹ Там же. С. 242–244.

Подобные мероприятия позволили социальной медицине завоевать авторитет и стать в глазах народа синонимами надежности, необходимости и безопасности. На этапе зарождения социальной медицины и формируется институализированная биополитика. Медицина становится важнейшим средством телесного контроля, платформой для его реализации. Он охватывает и подчиняет своему влиянию все проявления телесности; не только ее физиологические аспекты, но и морально-психологические (например, через психиатрию). В основе современных исследований в области социологии медицины заложены рассмотренные выше теории.

В современной социологии существует ряд значимых работ, демонстрирующих, как наше «биологическое» может контролировать наше «социальное»¹⁴⁰. С помощью развития технологий ученые осуществили прорывные исследования в области бактерий и микроорганизмов населяющих (и составляющих) наше тело. Данные существа ответственны не только за наше физическое здоровье, но и за наши эмоции, настроение, поступки и т.д., что в очередной раз доказывает необходимость медицинских исследований для социологии. Несмотря на относительную новизну социологии медицины в нашей стране она стремительно развивается. Разработкой данного направления активно занимаются Н.Г. Осипова¹⁴¹, А.В. Решетников¹⁴², А.В. Лядова¹⁴³, Т.В. Семина¹⁴⁴, Е.Н. Новоселова¹⁴⁵ и др.

Медицинская сфера в современной российской реальности составляет неотъемлемую часть социума. Социальная стратификация, неравенство, трансформация социальных институтов, интеракция, формирование иден-

---

¹⁴⁰ Троцук И.В. Социальные метафоры и «конструкция» человека в научной публицистике о теле // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. № 2. С. 29.

¹⁴¹ Осипова Н.Г. Здоровоохранение и российское общество в XXI веке: парадоксальные эффекты социального взаимодействия // Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН. Сердечно-сосудистые заболевания. 2020. Т. 21. № 6.

¹⁴² Решетников А.В. Социология медицины: становление, идеи, задачи // Вестник Российской Академии наук. 2001. Т. 71. № 12. С. 1069–1071.

¹⁴³ Лядова А.В. Особенности становления социологии медицины как междисциплинарного научного направления // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. № 1.

¹⁴⁴ Семина Т.В. Медицина и общество: микроуровень социального взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. Т. 26. № 3.

¹⁴⁵ Новоселова Е.Н. Здоровьесберегающие практики россиян в условиях пандемии covid-19 // Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН. Сердечно-сосудистые заболевания. 2022. Т. 3. № 3.

тичности – все эти и многие другие социальные процессы и структуры, так или иначе, затронуты влиянием медицины.

Тело составляет основу существования медицины. В этом контексте важнейшей характеристикой тела становится здоровье. В рамках социологического подхода здоровье определяется как «сложный социальный феномен, который отражает качество адаптации организма человека к условиям природной и социальной среды, а также позволяет выделить особенности взаимодействия семьи, органов образования и здравоохранения, средств массовой информации по выработке у населения ориентаций на здоровый образ жизни»¹⁴⁶. Согласно классификации, разработанной экспертами Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), состояние здоровья определяется следующими «группами факторов: 1) генетические (наследственные); 2) образ жизни; 3) доступность медицинских услуг; 4) состояние окружающей среды обитания»¹⁴⁷. Несмотря на разность трактовок, исследователи едины в том, что здоровье является социальным конструктом и складывается под влиянием, в первую очередь, социальных, а не биологических факторов.

Специфика российского восприятия тела как объекта медицины, а не субъекта, самостоятельно конструирующего свое здоровье, преобладает не только в общественном представлении, но и в законодательных актах¹⁴⁸. Медицинская сфера российского общества претерпевает изменения. Речь идет не только о медицинских технологиях, новых лекарствах и методах лечения, а также о трансформации социальных отношений в данной области. Прежде всего, речь идет о подсистеме «врач-пациент»¹⁴⁹. Произошедшая пандемия новой коронавирусной инфекции covid-19 наглядно показала необходимость изучения социальных детерминант здоровья. В ситуации сложившегося экзистенциального кризиса, здоровье индивида и общества превращается в фе-

---

¹⁴⁶ Новоселова Е.Н. К вопросу о роли социологии в изучении и сохранении здоровья населения России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2017. № 3. С. 32.

¹⁴⁷ Лядова А.В. Социальные факторы здоровья в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 137.

¹⁴⁸ Завьялов А.Е. Формирование здорового образа жизни молодежи в современной России. М., 2013.

¹⁴⁹ Семина Т.В. Медицина и общество: микроуровень социального взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. Т. 26. № 3.

номен социального конструирования. Его основу составляют следующие факторы¹⁵⁰:

- особенность организации и функционирования национальных систем здравоохранения;
- уровень доступности ресурсов для сохранения своего здоровья, включая доступ к медицинским услугам;
- уровень информирования населения о рисках нового заболевания, возможностях защиты и профилактики здоровья;
- степень социального доверия;
- уровень социальной солидарности;
- уровень цифровой грамотности;
- уровень санитарной грамотности населения;
- национально-культурные особенности.

Тело, зависящее во многом от медицинской сферы, становится одним из центральных объектов социологии медицины и социологии тела. Ввиду этого, в контексте исследования тела необходимо учитывать данную область, так как именно она во многом определяет физическое состояние тела, возможность реализации его потенциала, выбор телесных практик и построение своего индивидуального «проекта» тела.

2.2. Изучение проблематики пола и гендера

Анализ проблематики тела невозможен без учета категорий пола и гендера. Пол является физиологической характеристикой тела, а гендер связан с выстраиванием идентичности на основе телесных признаков. Тело в контексте данного направления становится источником борьбы и отстаиванием прав.

---

¹⁵⁰ Лядова А.В. Социальные факторы здоровья в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 152.

Феминистское направление оказывает значительное влияние на исследование категории тела. Основы данного направления начинают формироваться еще в XVIII веке. Они связаны с именами французских философов-просветителей, Вольтером и Ш.Л. Монтескье, которые писали о несправедливой доле женщин и о необходимости включения их в общественную жизнь. XIX век становится временем перехода к действию. С середины XIX столетия образованное женское население (преимущественно в Англии) начинает более активно участвовать в жизни общества. В 1867 году в Манчестере создается «Общество женского избирательного права». Научно феминизм оформляется лишь в XX веке.

Значительный вклад в формирование феминистской парадигмы и, в частности, в изучение тела внесла известная французская писательница, идеолог феминистского движения, представительница экзистенциального направления в философии Симона де Бовуар. Большое количество ее трудов были переведены на русский язык, среди них «Мандарины»¹⁵¹, «Воспоминания благовоспитанной девицы»¹⁵², «Очень легкая смерть»¹⁵³ «Недоразумение в Москве»¹⁵⁴ и др. Но за основу будет взята одна из главных работ французской писательницы – «Второй пол»¹⁵⁵, написанная в 1949 году и принесшая ей мировую известность. Основополагающей идеей данной книги является утверждение С. де Бовуар о том, что различие в анатомии мужчины и женщины не делает их разными: в социокультурном аспекте женщина тождественна мужчине¹⁵⁶. Не теряя нить рассуждений, необходимо осуществить отступление и дополнить, что современные исследователи также разделяют позицию относительно отделения физиологической составляющей в данном

---

¹⁵¹ де Бовуар С. Мандарины / Пер. с фр. Н.А. Световидовой, вст. ст., примеч. Н.И. Полторацкой. М.: Ладомир, 2005.

¹⁵² де Бовуар С. Воспоминания благовоспитанной девицы / Пер. с фр. М. Аннинской, Е. Леоновой. М.: Согласие, 2004.

¹⁵³ де Бовуар С. Очень легкая смерть / Предисл. Л. Токарева. М.: Республика, 1992.

¹⁵⁴ де Бовуар С. Недоразумение в Москве / Пер. с фр. Н. Хотинской. М., 2015.

¹⁵⁵ де Бовуар С. Второй пол. Т. 1 и 2 / Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.

¹⁵⁶ Там же. С 18.

вопросе. Например, российская исследовательница Т. Клименкова в работе «Женщина как феномен культуры. Взгляд из России»¹⁵⁷ утверждает: «основная наша гипотеза состоит в том, что взаимоотношения между полами и анатомические данности — это разные вещи, сводить «половые вопросы» к вопросам анатомическим нельзя, такое сведение — это политическое действие, осуществляемое в интересах определенных групп»¹⁵⁸.

Написание «Второго пола» ярким отпечатком наложила уникальная биография писательницы. Рожденную во французской аристократической семье девочку мать воспитывала глубоко верующей, но в подростковом возрасте она решает идти по собственному пути и отказывается от религии и наставлений матери, становясь атеисткой. Годы учебы на философском факультете Сорбонны и знакомство в период подготовки к экзаменам на первую ученую степень с будущим гражданским мужем, французским философом Ж.-П. Сартром, окончательно определяют ее дальнейший уникальный путь становления как личности, так и философа.

Являясь представительницей экзистенциального направления, де Бовуар утверждала, что мир сам по себе не содержит смысла, а содержанием его способен наполнить только человек. Он и его существование — единственная подлинность бытия¹⁵⁹. Человек — это проект, который складывается из совершенных им поступков и выборов, сформулированных целей и определяемых средств, а его побудителями на жизненном пути являются воля и стремление к свободе. Человек сам создает себя таким, какой он есть. Синтез данных принципов экзистенциальной философии и феминизма не только конструирует фундаментальную линию размышлений работы «Второй пол», но и отражает жизненную позицию писательницы. На основании этого она формулирует свой знаменитый афоризм: «Женщиной не рождаются, женщиной становятся»¹⁶⁰. Данная фраза вызвала бурную волну критики как среди антифеминистского движения, так и феминистского, а в основе

---

¹⁵⁷ Клименкова Т. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М., 1996.

¹⁵⁸ Там же. С. 3.

¹⁵⁹ Там же. С. 6.

¹⁶⁰ Там же. С. 15.

лежало слишком буквальное прочтение смысла. Конечно, она не отрицала биологического различия между мужским и женским полом, а критиковала фрейдистский тезис о том, что «анатомия – это судьба»¹⁶¹, доказывая тем самым, что физиологические различия не определяют экзистенциальные. Этой ключевой фразой де Бовуар пыталась показать, что женщина не рождается с присущими ей в классическом понимании функциями и чертами характера: их навязывает общество.

В рамках исследовательской работы особое внимание будет уделено категории тела, имеющей весомую роль в философии французской мыслительницы. Де Бовуар утверждает, что «тело субъекта представляет собой форму его существования в объективном мире»¹⁶², что объясняет, например то, какое значение придают своим мускулам юноши. Отношение к собственной телесности и ее восприятие различно у мужского и женского пола. У девушек тело начинает играть особенно важную роль в период полового созревания. Воспринимаемое ранее как нечто данное и уже завершенное, тело девочки-подростка начинает претерпевать изменения, вызывающие страх и непонимание. Волосы, растущие до этого лишь на голове, появляются на других частях тела, увеличивается грудь, возникает менструация. Начинается процесс «формирования» и «само это слово внушает ей отвращение»¹⁶³. Иногда в период полового созревания девочка гордится тем, что превращается в женщину, и положительно реагирует на происходящие в ее теле изменения. Тем не менее, это происходит редко. В большинстве случаев данный переход сопровождается боязнью и отвращением, а иногда даже перерастает в психоз. де Бовуар утверждает, что представительницы женского пола остро переживают этот жизненный этап, так как «тело женщины и особенно девушки — это «истерическое» тело в том смысле, что в нем психические процессы неотделимы от физиологических проявлений»¹⁶⁴.

---

¹⁶¹ Айвазова С.Г. Симона де Бовуар: этика подлинного существования // Женщина в российском обществе. 2014. С. 30.

¹⁶² Там же. С. 370.

¹⁶³ Там же. С. 347.

¹⁶⁴ Там же. С. 370.

Переход на новый жизненный этап является сложным и сопровождается болезненной перестройкой организма. В связи с этим девушка начинает с недоверием относиться к своему телу, что формирует в ней чувство страха и тревоги и ей начинает казаться, что она нездорова, вследствие чего она действительно заболевает. Женское тело хрупко и подвержено различным физиологическим расстройствам, но, как утверждает де Бовуар, ссылаясь на мнение врачей-гинекологов, девять из десяти пациенток являются мнимыми больными, т.е. в некоторых случаях недомогания вообще не имеют физиологической почвы, а в других причиной являются психологические травмы. Так французская писательница приходит к выводу о том, что здоровье женщины формируется главным образом ее страхом перед женской участью, а не биологическими особенностями организма.

Телесность мальчиков-подростков также претерпевает изменения, однако их восприятие отлично: «поскольку мальчики с детства привыкли гордиться принадлежностью к сильному полу, то по мере их полового созревания растет и их самоуважение. Они с гордостью показывают друг другу такие мужские признаки, как растущие на ногах волосы, более чем когда-либо хвастают своим половым членом, сравнивают его с другими»¹⁶⁵. Тем не менее, есть нечто общее для обоих полов: в данный период происходит осознание своей телесности и ее значительной жизненной роли. Одним она приносит дискомфорт и рождает чувство страха, а у других вызывает гордость. Проявившееся в период полового созревания чувство важности тела, его роли, ощущения и отношения к нему остается с индивидом на протяжении всех последующих жизненных циклов.

Мужская телесность развивается сравнительно просто и стабильно. С момента рождения и до половой зрелости организм растет равномерно, а к пятнадцати-шестнадцати годам начинается сперматогенез и продолжается до старости. С этого момента, вступая в половую жизнь, осуществляется субъ-

---

¹⁶⁵ Айвазова С.Г. Симона де Бовуар: этика подлинного существования // Женщина в российском обществе. 2014. С. 355.

активная трансценденция «он и есть тело». В отличие от мужского, восприятие собственного тела женщиной сложнее, так как существует определенная двойственность. С одной стороны, ее тело – бремя: оно причиняет физическую боль, подвержено родовым мукам, ежемесячным кровотечениям, рыданиям, конвульсиям, рвотным рефлексам. Кроме того, оно «подвержено истерике, поскольку его эндокринная система тесно связана с симпатической нервной системой, которая направляет работу мускулов и внутренних органов». Тело не подчиняется ей, оно ее предает. Усложняет отношение женщины к ее телесности зачатие ребенка и беременность. де Бовуар утверждает, что, несмотря на отсутствие в большинстве случаев сильных осложнений, сам процесс беременности является испытанием для женского тела и организма: первые месяцы сопровождаются отсутствием аппетита и рвотой, а роды болезненны и опасны. В данный период тело становится хрупким и отчужденным. С другой стороны, не биологической, а скорее эстетической, тело женщины – «это ее гордость, произведение искусства, живая статуя; она его лепит, украшает и выставляет напоказ»¹⁶⁶. Однако погоня за телесной красотой и модой, создающая внешнюю привлекательность, фактически делает женщину еще более бессильной, лишая ее тело способности к трансценденции. История это доказывает. Китайка с перетянутыми ногами едва может ходить, высокие каблуки, корсеты, фижмы, кринолины, панье, призванные подчеркнуть красоту и сексуальность тела, на самом деле делали его еще более слабым.

Рассуждая о телесности, де Бовуар указывает на важный момент, чтобы исключить возможные заблуждения: телесность не ограничивается сексуальностью. Она утверждает, ссылаясь на Сартра и его работу «Бытие и ничто»¹⁶⁷, что сексуальность не является единственной подлинной основой существования. Человек выстраивает свой «поиск бытия» множеством различных оригинальных способов и сексуальность лишь один из них. Психоанали-

---

¹⁶⁶ Айвазова С.Г. Симона де Бовуар: этика подлинного существования // Женщина в российском обществе. 2014. С. 697.

¹⁶⁷ Сартр Ж.П. Бытие и ничто. М.: Терра - Москва, 2002.

тики полагают, что самая важная и первоочередная истина человека заключена в его отношениях с собственным телом и с телами ему подобных в пределах общества; однако этим все не ограничивается. «Человек несет в себе исконный интерес к сущности окружающего его природного мира и пытается обнаружить ее в работе, в игре, во всех экспериментах «динамического воображения»; он стремится постигнуть основы своего существования через весь мир в целом, постигая его всеми возможными способами»¹⁶⁸. Например, вырыть яму или замесить глину – такие же «изначальные» занятия, как объятия или коитус. В войне, игре, искусстве и работе обнаруживаются качества, не сводимые к другим. Индивид выстраивает себя как посредством этих качеств, так и посредством эротического опыта. Так, телесность, не идентифицируемая сугубо с сексуальностью, играет очень весомую роль в человеческой жизни.

Логическим завершением работы «Второй пол», отражающей в себе главный тезис де Бовуар «женщиной не рождаются, женщиной становятся», стала глава о независимой женщине. Учитывая всю силу давления мужского господства, проникающего во все общественные сферы, только в активной, производительной деятельности женщина обретает свою трансцендентность. Реализуя свои собственные проекты и жизненные планы, она самоутверждается в качестве реального субъекта, соотнося свою деятельность с достижением поставленных целей. Добиваясь экономической независимости и прав, она обретает себя и испытывает чувство ответственности.

Другой значительной фигурой в феминистской перспективе исследования телесности является писательница, философ и психоаналитик Ю. Кристева. Ученицу французского философа Р. Барта Ю. Кристеву также относят к представителям постмодернистского феминизма. Среди ее известных работ, переведенных на русский язык: «Разрушение поэтики»¹⁶⁹ (1967),

---

¹⁶⁸ Симона де Бовуар. Второй пол. Т. 1 и 2 / Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. С. 78.

¹⁶⁹ Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004.

«Семиотика»¹⁷⁰ (1969), «Смерть в Византии»¹⁷¹ (2004) и другие. Несмотря на то, что сама Кристева не относит себя к феминистскому дискурсу, многие представительницы данного направления отмечают ее весомый вклад. Категория телесности также занимает важное место в концепции мыслительницы.

Теории тела стали важным интеллектуальным пластом для феминизма в целом. Это связано с тем, что исторически в гуманитарных дисциплинах тело ассоциировалось с «женским» и определялось как нечто слабое, безнравственное и нечистое. Кристева осуществляет попытку теоретизации связи между разумом и телом, культурой и природой, психикой и сомой, материей и репрезентацией. Согласно мыслительнице, все значения содержат два элемента: семиотический и символический. Их различие Кристева развивает в своих ранних работах, включая «From one identity to an other»¹⁷² («От одной идентичности к другой»), «Revolution in Poetic Language»¹⁷³ («Революция в поэтическом языке») и «Powers of Horror»¹⁷⁴ («Силы ужаса»). Первый определяется как телесный двигатель, связанный с ритмами, тонами и движением знаковых практик. Второй, символический, связан с грамматикой и структурой значений. Существование двух данных элементов необходимо в совокупности, так как без символики все значения были бы лепетом, а без семиотики они были бы пустыми и не имели значения.

Рассуждая о различиях двух указанных выше элементов, Кристева подходит к еще одной весомой части своих интеллектуальных рассуждений – феномену материнства, представление которого, в ее концепции, сильно отличается от классически-феминистских, так как формулирование положительных аспектов феномена материнства не является изначально частью интеллектуальной традиции феминизма. Тем не менее, два эссе Кристевой «Stabat Mater» (названо в честь средневековой католической секвенции «Ста-

---

¹⁷⁰ Кристева Ю. Семиотика. Исследования по семанализу / Пер. с фр. Э. А. Орловой. М.: Академический проект, 2013.

¹⁷¹ Кристева Ю. Смерть в Византии / Пер. с фр. Т.В. Чугуновой. М.: АСТ, 2007.

¹⁷² Kristeva J. From one identity to another // *Desire in language: A semiotic approach to literature and art*. New York, 1980.

¹⁷³ Kristeva J. *Revolution in Poetic Language*. New York: Columbia University Press, 1984.

¹⁷⁴ Kristeva J. *Powers of Horror*. New York: Columbia University Press, 1982.

бат Матэр» – «Стояла мать скорбящая») и «Women's Time»¹⁷⁵ («Женское время») отражают явную принадлежность к «феминистской теории», поскольку фокусируются на роли материнства в построении идентичности женщины и формировании общественной структуры. Кристева обозначает необходимость формулирования нового дискурса материнства, демонстрирующего значимость материнской функции в развитии субъективности и культуры, так как, по ее мнению, адекватные дискурсы материнства отсутствуют. Единственные доступные для западной культуры дискурсы – это религия, в частности католицизм (который делает мать священной) и наука (которая сводит мать к природе).

Представление Кристевой базируется на том, что материнское тело связывает природу и культуру. Она пытается опровергнуть существующие стереотипы, сводящие материнство к природе. Даже если мать не является субъектом или агентом своей беременности и родов, это не лишает ее статуса говорящего субъекта, выражающего мнение. Поскольку в этой ситуации женщина выполняет материнскую функцию, у нее нет пола. Анализ Кристевой предполагает, что до некоторой степени материнскую функцию может выполнять любой – и мужчина, и женщина. Фактически материнское тело оказывается прототипом сверхъестественного, которое «представляет собой и дом и не дом, присутствие и отсутствие, обещание полноты и уверенность в утрате»¹⁷⁶. Посредством этого психоанализ стал важнейшим основополагающим моментом, объединяющим отчуждение, смерть и материнское тело. В ее концепции материнское тело предстает в виде двух принципов: «два в одном» и «иное внутри» и становится универсальной моделью для всех субъективных отношений. Как и материнское тело, каждый из нас – это то, что она называет «субъектом в процессе». Будучи субъектом процесса, мы всегда ведем переговоры о другом внутри себя. Подобно материнскому телу, мы никогда полностью не подчиняемся собственному опыту.

---

¹⁷⁵ Kristeva J. *New Maladies of the Soul*. New York: Columbia University Press, 1995.

¹⁷⁶ Sprengnether M. *The Spectral Mother: Freud, Feminism and Psychoanalysis*. Ithaca: Cornell University Press, 1990. P. 232.

Кристева полагает, что женщина «всегда становится и никак не станет бытием»¹⁷⁷. В ее представлении это означает, что женщины имеют определенные цели и могут их достигать (например, свобода абортов и контрацепции, центры ухода за детьми, равенство на работе), используя при этом соотношение себя к категорией «мы женщины» как слоган для достижения данных целей. Однако это лишь поверхность; на более глубоком уровне, как считает Кристева, «женщины не могут “быть”»; это есть нечто, что даже не принадлежит к символическому порядку бытия»¹⁷⁸ и это объединяет их с другими группами, исключенными из доминантного порядка: этническими, расовыми, сексуальными меньшинствами и т.д. Кристева считает необходимым пересмотр со стороны общества отношения к таким, маргинализированным или подавленным культурой, категориям. В действительности эти рассуждения являются постлакановскими и выстраиваются в соответствие с утверждением французского психоаналитика и философа Ж. Лакана, что «женщина не существует»¹⁷⁹. Это не подразумевает ее физического отсутствия, а указывает на ее непредставленность в культурном человеческом опыте: она существует в культуре только лишь сквозь призму мужского взгляда и мужской оценки.

Многие представительницы феминизма считают понятие «субъект в процессе» полезной альтернативой традиционным представлениям об автономном объединенном (мужском) субъекте. Кристева осуществила масштабный вклад в разработку феминистского направления, показав значимость категории тела и сформулировав новый дискурс материнства.

Уникальный взгляд на трактовку феминизма предлагает Р. Брайдотти – итальянский философ и представительница постфеминистского направления (или постмодернистского феминизма), отличительной особенностью которого является ориентация на использование постмодернистских теорий Ж. Дерриды, М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотара и идей радикального феминизма и

---

¹⁷⁷ Cixous H. The laugh of medusa // New French Feminisms. Eds. by E. Marks, I. de Courtivron. New York: Schocken Books, 1981. P. 157.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Клименкова Т. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М., 1996. С. 21.

постструктурализма. основополагающей базой постфеминизма становятся темы языка, власти и женщины. Значительное влияние на научную деятельность Брайдотти в рамках указанного направления оказали работы известного французского философа постструктуралиста, ее учителя, Ж. Делеза.

Феминизм воспринимается Брайдотти не просто в качестве самостоятельного направления исследования. Она утверждает, что будущее развитие постклассической философии напрямую связано с теорией и практикой феминизма. В рамках этого базовой проблематикой творчества Брайдотти становится трансформация современной женской идентичности, отраженная главным образом в работах «Patterns of Dissonance: A Study of Women in Contemporary Philosophy»¹⁸⁰ («Модели диссонанса. Женщина в современной философии») (1991) и «Nomadic Subjects: Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory»¹⁸¹ («Номадические субъекты: Тело и сексуальное различие в современной феминистской теории») (1994).

Проблема различия полов и ее актуальность базируются на двух фундаментальных основаниях. Во-первых, это роль, которую играла сама категория различия в истории Европы (проявленная, например, в европейском фашизме), а во-вторых, это то специфическое место, которое оно (различие) занимает в феминистской практике (становится ее центром и является источником высокого концептуального напряжения в феминистской теории). Исходным тезисом концепции Брайдотти стало утверждение о том, что понятие гендер теряет свой смысл и значимость в современной феминистской теории и практике. Это объясняется тремя причинами¹⁸²: во-первых, само понятие гендер подвергается критике ввиду теоретической неадекватности и политической аморфности с позиции различных теоретических направлений. Во-вторых, кризис гендера как категории феминизма совпадает с изменением исходных феминистских позиций, которые в определенный момент стали

---

¹⁸⁰ Braidotti R. Patterns of Dissonance: A Study of Women in Contemporary Philosophy. New York: Routledge, 1991.

¹⁸¹ Braidotti R. Nomadic Subjects: Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory. New York.: Columbia University Press, 1994.

¹⁸² Брайдотти Р. Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000. С. 224–225.

бессмысленны. В-третьих, дискуссия ученых разных стран показала неприводимость термина гендер и его культурно-специфическую обусловленность.

Данная позиция означает, что различие категорий «пол» и «гендер», образующее один из важнейших принципов англоязычной феминистской теории, не имеет ни политического, ни эпистемологического смысла во многих неанглоязычных западноевропейских контекстах, где вместо понятия «гендер» используются термины «сексуальность» и «различие полов». Однако, как утверждает Брайдотти, многие теоретики отталкиваются от противопоставления понятий «гендер» и «различие полов», но и они не предпринимают попыток вписать эти дискурсы в соответствующие культурные контексты.

Отсюда возникает закономерный вопрос: как дать новое описание субъектности женщины, если концепция гендерного дуализма и поляризация полов утратили свою актуальность? Центральной категорией для начала размышлений о данном вопросе становится идентичность, так как является центром сосредоточения различий. Идентичность и телесность объединены прямой связью. Тело образует основу чувства идентичности и служит основным средством поддержки этого чувства¹⁸³. Феминистские исследования гендерной системы показывают, что субъект занимает различные позиции в разное время и опираются на такие переменные как пол, возраст, раса, класс, стиль жизни. Брайдотти утверждает, что происходят определенные изменения в формировании и конструировании собственного я, которые предполагают создание и описание новых образов в рамках феминистской концепции. Необходимым действием для этого становится «переименовать женщину как субъект... чтобы представить этот субъект как сложную, открытую сущность, входящую в множественные взаимоотношения с другими»¹⁸⁴. Так Брайдотти приходит к построению ее собственного проекта номадического феминизма. Термин «номадическая субъективность», к которому обращается

---

¹⁸³ Полякова Н.Л. Идентичность в современной социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 4. С. 32.

¹⁸⁴ Брайдотти Р. Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000. С. 234.

писательница, разрабатывался ее учителем, Делезом. Он заменяет классический субъект на «номадическую сингулярность» – «кочующую» единичность, которая противостоит репрезентационным теориям, выступающим служителями порядка и официальных институтов¹⁸⁵.

Продолжая разработку теории номадичности, Брайдотти переносит ее в сферу женской субъективности. Образ номады определяется ею через противопоставление образам мигранта и изгнанника. «Быть номадой не означает бездомности или насильственного перемещения; это скорее фигуральное выражение такого типа субъекта, что оставил всякую идею, желание или ностальгию по закреплённости. Такая фигурация отражает желание идентичности, состоящей из переходов, последовательных сдвигов, смен координат, без эссенциального единства и вопреки ему»¹⁸⁶. Основопологающей идеей номадического феминизма становится не только критика ложной универсальности субъекта, но и «позитивное утверждение желания женщин заявлять о существовании различных форм субъектности и вводить их в действие»¹⁸⁷. Цель данного проекта: ввести реальных женщин в поле дискурсивной субъектности, так как дискурс номадической субъективности призван быть «дискурсом становления». Это становление, в котором женщине было отказано в рамках патриархального уклада. Она описывалась как нечто статическое, потому что так легче было воспринимать ее в качестве гаранта сохранности и преемственности традиции, а также гаранта сохранения маскулинной идентичности. Чтобы ликвидировать эту статичность, Брайдотти предлагает воспринимать «различие» как процесс. Различие, трактуемое через процессуальность, становится базой для формирования номадической субъективности. В рамках номадического сознания никакая идентичность не воспринимается как постоянная.

---

¹⁸⁵ Кедрик Т. В. «Визуальный поворот» и современные концепции субъективности. БНТУ, 2015. С. 56.

¹⁸⁶ Брайдотти Р. Путем номадизма // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 145.

¹⁸⁷ Брайдотти Р. Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000. С. 234.

Брайдотти выделяет три фазы, которые не образуют диалектической последовательности и могут существовать параллельно: различие между мужчиной и женщиной; различиями между женщинами; внутренние различия, присущие каждой женщине. Особое внимание уделяется третьей фазе, потому что в ней отражается сложность воплощенной структуры субъекта. Тело относится к уровню вещественной материальности, субстрату живой материи, наделенной памятью. Продолжая размышления Делеза, Брайдотти определяет «Я» как «сущность, наделенную идентичностью и укорененную в этой живой материи, чья материальность закодирована в языке и передается с его помощью»¹⁸⁸. Ключевым термином в концепции номадизма становится «телесное воплощение» (embodiment). Ссылаясь на де Бовуар, философ указывает на те потери, которые несут мужчины и женщины за свое положение: первые утрачивают возможность телесного воплощения, в то время как вторые утрачивают субъектность и становятся ограниченными рамками своего тела. Так, в призме данной символической системы мужчины лишаются телесного воплощения, но обретают трансцендентность и субъектность, тогда как женщины наоборот избыточно телесны (overembodied) и как следствие обречены на имманентность. Номадизм подразумевает, что тело шире существующих границ репрезентации и ввиду этого не может быть полностью осознано и выражено.

Концепция номадического субъекта предполагает необходимость действовать на трех уровнях: идентичности, субъектности и на уровне различий между женщинами. Это обусловлено различным положением в пространстве и различными практиками. Данная множественность не целостна, она образует многоуровневую временную последовательность, имеющую разрывы и противоречия. Ввиду обозначенных фактов, для поддержания идеи номадического субъекта, феминистка должна для начала признать тот факт, что она не является единым неделимым субъектом, а представляет собой субъект,

---

¹⁸⁸ Брайдотти Р. Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000. С. 242.

расщепляющийся по множественным осям дифференциации, включающим различные формы практики. Брайдотти завершает одну из глав следующей дефиницией: «номадизм — это различие полов, понимаемое как возможность перемены позиции, которую обретают множественные женские, феминистские голоса, имеющие телесные воплощения»¹⁸⁹.

В концепции Брайдотти половое различие – это, прежде всего, политическая и интеллектуальная стратегия, а не философия. Она отвергает политику гендерного равенства с ее ориентацией на симметричное конструирование мужского и женского, считая это дерадикализацией феминистского политического проекта. Мыслительница настаивает на том, что феминистская политика должна развивать маргинальные стратегии неучастия в существующем социокультурном порядке, поскольку это может способствовать деконструкции патриархальной социальной практики¹⁹⁰. Такой «интеллектуальный проект» не просто предлагает принять разнообразие различий, но настаивает на создании и репрезентации множественности альтернативных форм феминистской субъективности¹⁹¹.

Обобщая, необходимо отметить, что в рамках феминистского прочтения реальности, категория тела, несмотря на разность трактовок и выполняемых функций, является структурообразующим звеном феминистских концепций. «Тело» глубоко укоренено в существующей системе гендерного неравенства/различия полов не только с физиологической точки зрения, оно связано с практиками, субъектностью и выстраиванием идентичности.

Обрисовывая современный контекст гендерной проблематики, отметим понятийное усложнение и выделение новых категорий. Современные исследователи вводят разделение на¹⁹²:

- физический пол (sex) (биологическое деление на мужчин и женщин);

---

¹⁸⁹ Брайдотти Р. Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000. С. 249.

¹⁹⁰ Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 62.

¹⁹¹ Жеребкина И. Прочти мое желание. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 189.

¹⁹² Мельник Г.С., Панцеров К.А. Гендерное неравенство в социальной практике и массово-информационном дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2013. № 4. С. 127.

- социальный пол (gender) (различие женственности (femininity) и мужественности (masculinity), половое разделение труда в социальных институтах и организациях),
- культурный пол — метросексуальность и ретросексуальность.

Благодаря заложенным в феминистской концепции тенденциям меняются практики повседневной жизни, деятельность общественных институтов, культурные нормы и телесность людей. Это влияет на политические институты, самосознание женщин, на изменение гендерной системы; открываются ранее табуированные темы, и меняется интерпретация и контекст ранее обсуждаемых тем¹⁹³.

*Гендерные и академические феминистские исследования
в современной российской социологии*

Специфика российской реальности обуславливает необходимость исследования тела с учетом ее особенностей. Гендерные исследования в России активно проводятся в рамках проектов Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) такими учеными, как Е. Здравомыслова¹⁹⁴, А. Темкина¹⁹⁵, И. Тартаковская¹⁹⁶ и др.

Важным трудом, объединяющим творчество ученых данного университета, стала коллективная монография «Российский гендерный порядок. Социологический подход»¹⁹⁷. В монографию включены статьи, написанные несколькими авторами в рамках образовательной программы «Гендерные исследования» факультета политических наук и социологии ЕУСПб. Содержательная сторона данных исследований заключается в попытке теоретической реконструкции проблематики гендерных отношений и гендерного порядка в

---

¹⁹³ Королева Т.А. Женское движение: генезис и эволюция // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 50.

¹⁹⁴ Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Тартаковская И.Н. Публичная сфера и гендерное разделение труда: лекция 6. М.: Московский центр гендерных исследований, 2012.

¹⁹⁷ Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007.

советском и постсоветском обществе. В рамках этого активно используются и разрабатываются такие понятия как гендерный контракт, гендерный порядок, гендерная власть, патриархат, гендерное гражданство и так далее. В гендерных исследованиях Европейского университета отражены различные методы качественной социологии для исследования гендерных отношений.

Современная отечественная социология богата исследованиями в сфере академического феминизма, представленными в журнале «Женщина в российском обществе» в трудах следующих ученых: С.Г. Айвазовой¹⁹⁸, А.В. Беловой¹⁹⁹, К.В. Воденко.²⁰⁰, Н.А. Гербут и И.А. Гербут²⁰¹, А.К. Дегтярева²⁰², Г.Г. Силласте²⁰³, Н.А. Шведовой²⁰⁴ и др. Российские социологи анализируют гендерную проблематику не только в современной реальности, но и в минувшие периоды истории России, что помогает с точки зрения исторического подхода сконструировать полноценное представление о проблеме.

Так, в работе «Девичество российской дворянки XVIII — середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность»²⁰⁵ А.В. Белова демонстрирует сложность восприятия телесных процессов, ввиду их сильной табуированности, дворянскими девушками. Их взросление можно назвать «запаздывающим» из-за отсутствия сексуального образования даже в самых общих чертах. Как следствие рефлексия собственной сексуальности отсутствует, а значит отсутствует и понимание происходящих в теле возрастных трансформации. Табуированность сексуального просвещения обуславливалась восприятием телесной сексуальности как чего-то позорного и постыдного (сексуальные отношения, называемые юношами «обыкновенными нату-

---

¹⁹⁸ Айвазова С.Г. Симона де Бовуар: этика подлинного существования // Женщина в российском обществе. 2014.

¹⁹⁹ Белова А.В. Девичество российской дворянки XVIII — середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2014.

²⁰⁰ Воденко К.В., Дегтярев А.К. Гендерные стереотипы в сфере высшего образования: академическое лидерство как способ нейтрализации социальных рисков // Женщина в российском обществе. 2021. № 3.

²⁰¹ Гербут Н.А., Гербут И. А. Недопредставленность женщин в названиях улиц: гендерные нарративы городских пространств // Женщина в российском обществе. 2021. № 4.

²⁰² Там же.

²⁰³ Силласте Г.Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2016.

²⁰⁴ Шведова Н.А. Гендерное равенство в меняющемся мире: «Нам нужны большие смелые шаги...» // Женщина в российском обществе. 2021. № 2.

²⁰⁵ Белова А.В. Девичество российской дворянки XVIII — середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2014.

ральными действиями», девушки именовали «скотской любовью»)²⁰⁶. Другим базовым элементом воспитания стало прививание терпеливого принятия боли. Мотивация превращения женской телесности в объект мужского сексуального внимания порождала практики «переделывания» женского тела через боль. Примерами служат обычай бинтования ног, вытягивание шеи с помощью колец или стягивание тела жестким корсетом.

Механизм социального конструирования гендера в период девичества явно характеризуется репрессивностью: ограничением доступа к сексуальному образованию, жестким контролем за выражением своих желаний и телесных проявлений, запретом на внепубличную устную и письменную коммуникацию с представителями противоположного пола, закреплением представлений о постыдности телесного и сексуального, необходимостью соблюдения «строгости воздержания», «девичьей драгоценности», гендерным пониманием «чести» и «славы» в отношении девушки.

В период Советского Союза данная табуированность также присутствует, только в трансформированном виде. Последующие тридцать лет формируется новая социальная реальность, устанавливающая новый политический и экономический порядок развития. В течение данного исторического этапа развития российского общества, помимо указанных изменений, протекал пока слабо изученный процесс смены норм советского гендерного порядка новым, непосредственным образом переплетающийся с глубинными изменениями всех остальных сфер жизни. Образованные на волнах демократизации и перестройки конца 1980-х – начала 1990-х годов (их к концу XX века в России насчитывалось свыше 35 тысяч)²⁰⁷ женские организации, постепенно распадались, так как были не способны существовать со старыми нормами и принципами в новой реальности. Создавались организации, отвечавшие запросам нового социального и гендерного порядка, они выдвигали своих жен-

---

²⁰⁶ Белова А.В. Девичество российской дворянки XVIII — середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2014. С. 54.

²⁰⁷ Силласте Г.Г. Российские женские организации как форма социального сообщества и его социальная динамика в модусах глобализации и становления нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2021. № 2.

ских лидеров и определяли новые цели. Менялись формы женской социальной активности, ее динамика и тактика деятельности женских сообществ.

2000 год стал временем перелома в российском женском движении и реадаптации женских организаций к тяжелым кризисным условиям перехода российского общества к транзитивной рыночной экономике²⁰⁸. Женские организации осваивали тактику «мелких дел самостоятельного выполнения». Вопрос соотношения категорий «женские организации» и «женские движения» — принципиальный. Женская общественная организация с точки зрения социологии является как видом социальной организации, так и видом социальной деятельности, обладающей определенной внутренней упорядоченностью и согласованностью, а также целью, совокупностью статусов и ролей, правилами и регуляторами отношений. Женское движение определяется как объединение женских организаций, различных по форме, целям, территориальному расположению и тематической направленности. В нем принимают участие и женщины и мужчины, формально не входящие в состав членов общественной организации, но поддерживающие идею или призыв лидера.

Выделяется ряд принципиальных особенностей российских женских организаций²⁰⁹:

1. Меняется характер организованности деятельности; будучи до этого хаотичными и отчасти деструктивными, женские движения обретают правовую оформленность и регулируемость.
2. Несмотря на сохранение общей направленности отстаивания женских прав, расширяются социальные цели и мотивации создания женских организаций; важной становится индивидуальная инициатива лидера.
3. Происходит поколенческая смена лидеров женских НКО. Их представляют социально активные самовыдвиженки. Они способны продвинуть собственную инициативу и собрать вокруг единомышленников в виде заинтересованных и умелых женщин.

---

²⁰⁸ Силласте Г.Г. Российские женские организации как форма социального сообщества и его социальная динамика в модусах глобализации и становления нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С.30.

²⁰⁹ Там же. С. 30.

4. Трансформируется профессиональная сфера; формируется сообщество российского женского предпринимательства, женщины становятся активными акторами в данной сфере, реализующими свою деловую активность.
5. Доминантной социальной функцией женских организаций по традиции остается социальная поддержка нуждающихся слоев и групп населения. Тактика малых дел и адресной помощи является неотъемлемой частью женских общественных организаций в России.
6. На развитие женских организаций влияют два тесно связанных геофактора: глобализма и формирующегося в мире нового «гендерного порядка»²¹⁰ (появляются новые формы развития женской и мужской социогендерных общностей, осуществляется их интеграция в сферы труда и производства, а также развитие институтов семьи, образования и культуры). В данном контексте новой социогендерной характеристикой социальных организаций в России становится образование мужских гендерных союзов и ассоциаций (например, «союз отцов»).

Концептуальная база гендерного равенства в XXI веке обрела институциональный характер, а также созданный для ее продвижения в общемировом масштабе социально-правовой механизм²¹¹. Это серьезный фактор и платформа распространения долгосрочного влияния на национальные стратегические политики.

Можно сделать вывод, что гендерные стереотипы в российском обществе характеризуются гибридностью, противоречивостью разнонаправленных жизненных стилей, включающих ультрафеминистскую версию на крайнем фланге и гендерный радикализм в форме пережитков «мужского шовинизма»²¹². Однако модальностью гендерных стереотипов можно считать ориентированность большинства населения в гендерных отношениях на принци-

---

²¹¹ Силласте Г. Г. Социальная субъектность семьи в процессе формирования нового гендерного порядка// Женщина в российском обществе, 2020, № 4. С. 17

²¹² См.: Воденко К.В., Дегтярев А.К. Гендерные стереотипы в сфере высшего образования: академическое лидерство как способ нейтрализации социальных рисков// Женщина в российском обществе, 2021, № 3.С. 73.

пы прагматизма, взаимообусловленности ролей и комплексов поведения. Это выражается в том, что одобряемые гендерные стереотипы, которые формируются под влиянием фоновых (средовых) обстоятельств и воздействия СМИ и в настоящее время виртуальной сети, имеют расходящиеся векторы в зависимости от семейного, культурного и социального капитала, но определяются спецификой гендерных отношений в российском обществе.

2.3. Тело как объект потребления

Тело как знак в контексте символического обмена

Тело как объект потребления связан с осваиванием техники заботы о нем и является одним из важнейших элементов современной потребительской культуры. В рамках этой культуры подразумевается, что люди обращаются к образу тела в инструментальной манере, поскольку статус и общественное одобрение во многом зависят от внешнего облика индивида.

Ярким представителем теории тела как объекта потребления является французский социолог и философ Жан Бодрийяр. В своей работе «Общество потребления»²¹³ он детально рассматривает и проблематику телесности, утверждая, что тело является «самым прекрасным объектом потребления» и даже называет данной установкой одну из глав своей работы²¹⁴: «в наборе потребления есть объект более прекрасный, более драгоценный, более яркий, чем все другие, более нагруженный коннотациями, чем автомобиль, объект, который, однако, все их подытоживает: это — тело»²¹⁵.

Социолог говорит о новой этике отношения к телу, которая подразумевает, что оно больше не воспринимается сугубо как «плоть» в религиозной трактовке или как рабочая сила в терминах индустриализма. Тело становится объектом нарциссического культа и включает два базовых компонента: красоту и эротизм. По мнению мыслителя, несмотря на значимость новой этики,

---

²¹³ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006.

²¹⁴ Там же. С. 114.

²¹⁵ Там же.

как для мужчин, так и для женщин, именно женская модель имеет род первенства и представляет собой главную схему этой новой этики. Становясь абсолютным религиозным императивом для женщин, красота уже не является дополнением к моральным качествам, а занимает главенствующую и лидирующую позицию. Данному факту есть объяснение: «красота является столь абсолютным императивом только потому, что она представляет собой форму капитала».

Общество потребления выстраивает культ тела и устанавливает фетишизацию уже не только мира, но и самого человека. Тело загоняется в определенные стандарты и рамки красоты. Его повсеместное присутствие в рекламе, моде, массовой культуре, навязчивость молодости, мужественности или женственности, элегантности, ухода, режимов, жертвенных занятий, которые с ним связаны, свидетельствуют о его значимости и важности в современном мире. Оно начинает заменять собой душу в моральной и идеологической функции. Тело должно быть красивым и соответствовать стандарту для того, чтобы быть годным объектом потребления. Красота определяется массовой культурой, и эталон пропагандируется в СМИ: в различных телешоу, журналах, интернет-ресурсах и т.д. Несмотря на то, что женская модель идеализации телесности имеет первенство, тем не менее, мужской атлетизм также повсюду навязывается рекламой, кино, массовой культурой: живые глаза, широкие плечи, развитые мускулы составляют эталон мужского тела.

В современном обществе практики потребления тела начинают распространяться и на детей, размывая, таким образом, категорию детства. Появляется масса продуктов новых специализированных брендов детской декоративной косметики, таких как «Принцесса», «Маленькая фея» и т.д. а также линейки для детей известных «взрослых» косметических фирм. На официальном сайте магазина косметики «Л'ЭТУАЛЬ»²¹⁶ на данный момент существует отдельный раздел «Детям», включающий 2766 товаров, и внутри отдельный раздел «Макияж для детей», включающий 648 товаров. Данная ста-

---

²¹⁶ Интернет-магазин: <https://www.letu.ru/> (дата обращения: 24.07.2022)

тистика наглядно показывает, насколько значимой становится внешность уже в детском возрасте. Это происходит под влиянием навязывания в массовой культуре идеалов внешности в детских передачах, мультиках и в выпускаемых игрушках, например Барби. Таким образом, с раннего детства индивиды впитывают определенные идеалы и критерии внешности и с незначительными трансформациями несут их во взрослую жизнь.

Бодрийяр утверждает, что «императивная, универсальная современная красота, записанная как право и долг всех на фронто́не общества потребления, неотделима от худощавости»²¹⁷. Посмотрев на историческое отношение к термину худобы, мы понимаем, что он никак естественным образом не связан с худобой, а жирность и полнота были также красивы, но в другом месте и в другое время. В обществе потребления формируется новый вид классификации людей: толстый и худощавый. Те, кто относятся к первой категории, начинают чувствовать себя неполноценными и как следствие, изнуряющими диетами и строгим режимом, они пытаются подогнать себя под эталонные стандарты современности. Современная этика противостоит традиционной; если вторая требует, чтобы тело служило, то первая предписывает индивиду служить своему телу.

Еще одной значимой фигурой при рассмотрении телесности в контексте общества потребления является британский социолог М. Фезерстоун. Данная проблематика развивается им в трудах «The Body. Social Process and Cultural Theory»²¹⁸ («Тело. Социальный процесс и теория культуры»), «Consumer Culture and Postmodernism»²¹⁹ («Потребительская культура и постмодернизм»), «Post-bodies, Ageing and Virtual Reality»²²⁰ («Пост-тела, старение и виртуальная реальность»). Ключевая идея – в современном потребительском обществе все чаще проявляется гедонизм по отношению к телу, выражающийся в массовой заботе о его физической функциональности и привлека-

---

²¹⁷ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006. С. 124.

²¹⁸ Featherstone M., Hepworth M., Turner B.S. The Body. Social Process and Cultural Theory. London: Sage, 1991.

²¹⁹ Featherstone M. Consumer Culture and Postmodernism. London–Newbury Park: Sage Publications, 1991.

²²⁰ Featherstone M. Post-Bodies, Ageing and Virtual Reality. Images of Ageing. London: Routledge, 1995.

тельном внешнем виде. Уход за телом становится одной из повседневных потребительских практик: «Как машины и другие потребительские блага, тело требует обслуживания, регулярного ухода и вмешательства для сохранения своей максимальной эффективности»²²¹.

Трансляторами этих идей являются реклама, пресса, телевидение и кинофильмы. Они обеспечивают распространение стилизованных изображений тела. Значимым становится не только тело само по себе, но и то, во что оно одето. Мода является своеобразным инструментом, создающим, закрепляющим и поддерживающим социальные нормы моделирования телесности²²². Помимо этого, популярные СМИ регулярно пропагандируют преимущества косметического ухода за телом. В потребительской культуре стройность стала ассоциироваться со здоровьем, а мнение о том, что избыточный вес является риском для здоровья, стал общепринятой мудростью; здесь мы наблюдаем пересечение с пропагандой худощавости в трактовке Бодрийера. Тем не менее, значительная часть «советов», транслирующихся через СМИ и рекламу, по факту носит псевдонаучный характер и поэтому может представлять угрозу для психологического и физического здоровья индивидов.

Например, может возникнуть распространенное на сегодняшний день заболевание: РПП (расстройство пищевого поведения), определяемое как психическое заболевание, негативно влияющее на физическое и психическое здоровье человека, которое характеризуется ненормальным потреблением пищи. Данный факт подтверждает статистика:

- расстройства пищевого поведения затрагивают не менее 9% населения мира²²³;
- 9% населения США, или 28,8 миллиона американцев, в течение жизни будут иметь расстройство пищевого поведения²²⁴;

---

²²¹ Featherstone M. The body in consumer culture // *Theory, Culture and Society*. 1982. Vol. 1. No. 2. P. 18.

²²² Троцук И.В., Морозова А.В. Символические коды телесности: одежда как индикатор трансформаций социокультурных практик // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2015. № 2.

²²³ Arcelus J. et al. Mortality rates in patients with anorexia nervosa and other eating disorders. A meta-analysis of 36 studies // *Archives of General Psychiatry*. 2011. Vol. 68. No. 7

- менее 6% людей с расстройствами пищевого поведения имеют медицинский диагноз «недостаточный вес»²²⁵;
- 28%–74% риска расстройств пищевого поведения связано с генетической наследственностью²²⁶;
- расстройства пищевого поведения являются одними из самых смертоносных психических заболеваний, уступая только передозировке опиоидов²²⁷;
- около 26% людей с расстройствами пищевого поведения пытаются покончить жизнь самоубийством²²⁸;
- 10200 смертей в год являются прямым результатом расстройства пищевого поведения — это одна смерть каждые 52 минуты²²⁹.

Поэтому фактически влияние навязываемых СМИ идеалов может оказаться смертельно опасным для некоторой категории индивидов. Обращаясь к истории, Фезерстоун утверждает, что в западной традиции понятие «трансформации» можно проследить еще до раннего христианства. Особенно влиятельным было понятие призвания, к которому М. Вебер обратился в работе «Протестантская этика и дух капитализма»²³⁰. Внутренняя трансформация в «становлении жизни для служения Богу» и последующее соответствующее призвание в мире, распространились и на другие сферы деятельности за пределами работы. Искусство, эротическая жизнь и даже эстетизированная жизнь, конечная цель которой состояла в превращении своей жизни в произведение искусства, стали рассматриваться как соответствующие способы упорядочения своей жизни.

---

²²⁴ Deloitte Access Economics. The Social and Economic Cost of Eating Disorders in the United States of America: A Report for the Strategic Training Initiative for the Prevention of Eating Disorders and the Academy for Eating Disorders. June 2020.

²²⁵ Flament M., Henderson K., Buchholz A. et al. Weight status and DSM-5 diagnoses of eating disorders in adolescents from the community // *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 2015. Vol. 54. No. 5.

²²⁶ Arcelus J. et al. Mortality rates in patients with anorexia nervosa and other eating disorders. A meta-analysis of 36 studies // *Archives of General Psychiatry*. 2011. Vol. 68. No. 7.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Deloitte Access Economics. The Social and Economic Cost of Eating Disorders in the United States of America: A Report for the Strategic Training Initiative for the Prevention of Eating Disorders and the Academy for Eating Disorders. June 2020.

²³⁰ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990.

Фокус на трансформацию и жизнь, находящуюся в постоянной погоне за новыми переживаниями, ощущениями и стилизованным внешним видом, оказали значительное влияние на расширяющуюся потребительскую культуру XX века. Новые популярные герои, звезды Голливуда и знаменитости в индустрии СМИ и развлечений, наряду со спортсменами и женщинами, стали стоять рядом и затмевать героев XIX века: военных лидеров, ученых, исследователей, художников и интеллектуалов. Потребительская культура, по мнению социолога, уже давно озабочена «исходящими» ценностями «личности» (привлекательным внешним видом), а не «характером». В индустрии развлечений, спорта и культуры объединяются звезды спорта, модные модели, шеф-повара и политики, которым необходимо выработать и запомнить определенный собирательный стиль, присущий знаменитости. В СМИ наблюдается увлечение стилями жизни знаменитостей через «рассказывание историй», и раскрытие «секретов звезд». Звезды и знаменитости постоянно изучаются. У них спрашивают о том, как они сохраняют свою энергию, физическую форму, внешний вид, а также справляются со сложным графиком работы. СМИ пропагандируют необходимый телесный идеал через знаменитостей, показывая, звезд с избыточным весом, которые садятся на изнурительные диеты или бегут спонсируемый марафон и т.д. Жизнь, которая постоянно колеблется между успехами и неудачами, между красивым здоровым телом и заброшенным недисциплинированным телом, вызывает значительный медиа-интерес. Трансформация внешнего вида рассматривается как все более приемлемое и даже достойное преследование со стороны средств массовой информации и общественности. Логика современности гласит, что «хорошо выглядеть» означает и «чувствовать себя хорошо». Трансформационная логика потребительской культуры представлена как реально-достижимая для всех.

Она порождает различные методы изменения телесности, одним из которых является пластическая хирургия, ставшая легитимной популярной формой самосовершенствования. Успех косметической хирургии основыва-

ется в том числе на увлечении ей звезд и знаменитостей. Все чаще людям демонстрируют не только то, как одеваться и как сделать прическу как у их любимой знаменитости, но и как они могут на самом деле изменить черты лица или форму фигуры, чтобы стать более похожими на своих кумиров, благодаря легкодоступной пластической хирургии. Возрастание популярности пластической хирургии открывает не только новые возможности, но и очевидно, приводит к негативным последствиям различного характера. Помимо этических проблем, одной из которых является потеря индивидуальности, вмешательства пластических хирургов также могут вызывать физиологические отклонения и болезни.

2.3.2. Общественное движение «Бодипозитив» как сопротивление потребительской культуре

В современном обществе тело является не только объектом контроля и манипулирования, но и источником борьбы, оформленной в виде общественных движений. Бодипозитив – одно из них. Оно представляет собой общественное движение, целью которого является позитивное восприятие своего образа тела и побуждение людей к принятию тел других такими, какие они есть. Исторические истоки данного движения начинаются с борьбы за права полных людей во второй половине XX века. Один из его основоположников – Б. Фабри – молодой инженер из Нью-Йорка, которого возмущало отношение окружающих к его полной жене. Когда он прочитал статью полного автора Л. Лоудербака в «Saturday Evening Post» о несправедливом отношении к толстым людям, Билл сделал копии и передал их своим знакомым. Позже он собрал небольшую группу людей и создал «Национальную ассоциацию помощи полным американцам» (сегодня известную как «Национальная ассоциация содействия принятию полных», или «NAAFA»). Движение за принятие полноты, возникает еще в конце 1960-х годов как протест против дискриминации и отсутствия доступа к равным возможностям для людей с избыточ-

ным весом. На данный момент статья Л. Лоудербека стала своеобразным манифестом бодипозитивного движения.

На другом конце США, в Калифорнии, группа из представительниц феминистского движения также была возмущена обращением с толстыми людьми и их негласным местом в обществе. Они сформировали собственное движение «Fat Underground». То, что «NAAFA» называло «принятие жира», они называли «освобождением от жира». В 1973 году они выпустили свой революционный манифест «Fat Manifesto». В нем устанавливалось требование равных прав для полных людей во всех сферах жизни, а направления, связанные с культивированием диет и похудения, были объявлены врагами. Борьба за права полных людей была тесно связана общей нитью с борьбой представителей других движений за гражданские права, равенство и свободу, то есть борьба с угнетением. Но данный вид активизма, связанный с отстаиванием полноты, обычно ассоциирующийся в то время с NAAFA, часто заглушал голоса цветных людей в их борьбе.

Движение за права полных людей продолжало расти. К 1980-м годам энтузиазм по поводу избавления от угнетения людей с излишним весом начал распространяться по всему миру. Так, в Лондоне к середине 1980-х годов, сформировалась группа полных женщин и действовала в течение многих лет. В то время (с 1970-х по 1990-е годы) термин «бодипозитив» не использовался, но таких активистов можно было увидеть на дневных ток-шоу и в других СМИ. Ими распространялась идея, что диетическая индустрия была мошенничеством. В 1990-е годы активисты за права людей с лишним весом устраивали акции протеста перед Белым домом, спортзалами и танцевали рядом с платформами на параде гордости в Сан-Франциско. Такие рассуждения о любви к собственному телу озадачивали одних индивидов и вдохновляли других.

В начале 2000-х годов Интернет становится одним из основных мест, где распространяются и телесный стыд, и любовь к телу. Активистские сообщества переходят в цифровой формат и заполняют интернет-площадки.

Через взаимодействие пользователей, хештеги и публикации оформляется движение «бозипотив» в современном представлении. Представляли данное направление не только женщины, но и мужчины, называющие себя «*fierce fatties*» («свирепые толстяки»). Кроме того, данное течение составляли не только люди с избыточным весом. Например, видео С.Р. Тейлор «Тело — это не извинение» стало настолько вирусным, что к 2012 году привело к созданию цифровой медиа-компании и сайта социальной сети о любви к телу.

СМИ оказывают огромное влияние на восприятие тела и создания идеалов красоты. Физическая красота в сознании современного человека неразрывно связана с размером и формой тела. В журнале «*Esquire*» в 1994 году был проведен опрос об одержимости идеальным телом: «54% женщин предпочли бы быть сбитыми грузовиком, чем быть толстыми». Во все времена массовая культура навязывает свои идеалы. Популярные онлайн медиа пишут о политике и глобализации, но при этом до сих пор сохраняют рубрики, рассказывающие о избавлении от лишнего веса различных селебрити и их диетах. У людей «болезнь красоты» – чрезмерная озабоченность похудением и состоянием своей фигуры.

Огромный вклад в разработку проблематики отношения к лишнему весу вносит австралийский социолог Д.а Лаптон. В работе «Жирные»²³¹ (2012) она объясняет, почему тучное тело подвергается такой суровой критике, почему является предметом постоянного обсуждения о том, как уменьшить это тело до приемлемых размеров с точки зрения социума и медицины. Лаптон описывает живой опыт тучной телесности: каково это – быть тучным в жиروفобном обществе. Особенно важным стало утверждение, что «тучность проживается, изображается и регулируется только в рамках исторического, социального и культурного контекста, который наделяет ее смыслом, точно так же как другие телесные характеристики или черты — цвет кожи или волос, молодость, рост — приобретают значение только в зависимости от кон-

---

²³¹ Лаптон Д. Жирные / Пер. с англ. А. Архиповой, под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020.

текста»²³². Данные показатели обладают подвижностью, изменчивостью, они меняются вместе с контекстом – от общества к обществу, от культуры к культуре.

Согласно теории овеществления, люди живут в мире, где их учат тому, что их основная «валюта» — это внешность²³³. Реклама рассказывает о том, как стать красивым, телевидение показывает женщин и мужчин, отвечающих традиционным стандартам красоты. Целью движения бодипозитива становится вытеснение модели коммерциализации красоты. В 2016 году журнал «Sports Illustrated»²³⁴ выпустил номер, на обложке которого были изображены женщины с разными фигурами. В пресс-релизе редактор издания поделился следующей мыслью: «Что определяет красоту сегодня? Времена изменились, и один размер не подходит для всех». Одной из героинь обложки была модель Э. Грэм, которая стала первой моделью размера плюс, появившейся в выпуске с купальниками. Как заявляет Грэм, она «уже давно выступает за бодипозитив», и считает, что «нет правильных и неправильных размеров»²³⁵. В этом же году Грэм становится лицом известного бренда «H&M», коллеги по сериалу «Девочки» Л. Данэм и Дж. Керк приняли участие в рекламной кампании для Новозеландского бренда белья «Lonely». Снимки актрис были представлены без фотошопа и обработки. Цель данной кампании заключалась в возможности продемонстрировать альтернативу «идеальным» женским образам и показать реальных девушек с разными типами фигуры. Многие магазины и бренды поддержали данную тенденцию. «Amazon Fashion» выпустили кампанию #SaySomethingNice²³⁶ (#СкажиЧтоНибудьХорошее), призывающую не оценивать и не критиковать внешность и стиль окружающих.

---

²³² Лаптон Д. Жирные / Пер. с англ. А. Архиповой, под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. С. 12.

²³³ Энгелл Р. Лекция на тему «Эпидемия Красоты» // URL: https://www.youtube.com/watch?v=63XsokRPV_Y (дата обращения: 13.04.2022).

²³⁴ Интернет-ресурс: <https://www.today.com/style/sports-illustrated-releases-3-swimsuit-covers-ashley-graham-ronda-rousey-t73586> (дата обращения: 13.04.2022).

²³⁵ Там же.

²³⁶ Интернет-ресурс: <https://fashionista.com/2016/06/amazon-fashion-say-something-nice> (дата обращения: 15.04.2022).

Известный спортивный журнал «Nike» опубликовали в своем аккаунте рекламу²³⁷, в которой снялись женщины с разным размером и формой груди. В 2017 году «Nike» выпустил первую инклюзивную коллекцию плюс-сайз с размерной сеткой до XXXL. Знаменитые по всему миру бренды «Mango», «Ralph Lauren» и др. последовали примеру и начали выпускать коллекции плюс сайз. В России также появляются и активно развиваются плюс-сайз бренды, такие как: «ODEVAI», «Wandstore», «5262 STUDIO» и тд. По данным «Allied Market Research»²³⁸, уже к 2027 году мировой рынок одежды нестандартных размеров достигнет \$696,71 млрд при среднегодовом темпе роста 5,9 %.

Раскрытие проблемы инклюзивности знаменитостями, масштабные рекламные кампании, обложки «Vogue» и «Glamour» и показы модных домов «Chanel» (прил., рис. 1) и «Versace» (прил., рис. 2) с моделями плюс-сайз— все эти факторы в совокупности повлияли на развитие «нестандартной» моды.

В 2020 году в Британии было проведено исследование – в «Times» оно было оформлено Э. Элсоном в статью под названием «Rise of fat as feminist issue shames dieters into silence»²³⁹ («Преобразование полноты в феминистскую проблему заставляет людей, сидящих на диете, молчать»). Согласно данным исследования, более четверти людей в Англии в возрасте от 18 до 34 лет придерживаются диеты. Тем не менее, опрос более 2000 человек, сидящих на диете, показывает, что двое из пяти респондентов планируют попытаться скрыть свои планы по снижению веса, по крайней мере, от некоторых людей, а две трети из-за того, что это не модно. По данным опроса, 40% сидящих на диете британок среднего возраста скрывают этот факт, а среди девушек моложе эта цифра возрастает почти до 70%. Причина – боязнь осуждения и травли со стороны представителей феминистско-бодипозитивного движения,

---

²³⁷ Интернет-ресурс: <https://www.instagram.com/nikewomen/> (дата обращения: 15.04.2022).

²³⁸ Allied Market Research // URL: <https://www.alliedmarketresearch.com/reports-store/consumer-goods> (дата обращения: 15.04.2022).

²³⁹ Ellson A. Rise of fat as feminist issue shames dieters into silence. 11.01.2020 // <https://www.thetimes.co.uk/article/rise-of-fat-as-feminist-issue-shames-dieters-into-silence-80sl6q6bh?region=global> (дата обращения 19.04.2022).

которые выражают агрессию в социальных сетях в отношении любого, кто «отказывается принимать свое тело» (т.е. лишний вес). Данные показатели обеспокоили врачей. По данным на 2019 год население Великобритании составляет 67,5 миллионов человек. Из них две трети имеют лишний вес, а треть страдает ожирением. Врачи обращают внимание на то, что вопрос ожирения затрагивают не только эстетическую сторону: лишний вес опасен для здоровья, ожирение создает угрозу жизни человека.

Обратимся к статье ВОЗ «Ожирение и избыточный вес»²⁴⁰, опубликованной в 2021 году. Избыточный вес и ожирение определяются авторами как результат формирования аномальных или чрезмерных жировых отложений, которые могут наносить вред здоровью. Расчетный показатель: индекс массы тела (ИМТ) – простое отношение массы тела к росту, часто используемое для диагностики ожирения и избыточного веса у взрослых. Индекс рассчитывается как отношение массы тела в килограммах к квадрату роста в метрах (кг/м²). Приведем некоторые глобальные оценки ВОЗ на 2016 год:

- более 1,9 миллиарда взрослых старше 18 лет имели избыточный вес, из них свыше 650 миллионов страдали ожирением;
- 39% взрослых старше 18 лет (39% мужчин и 40% женщин) имели избыточный вес;
- около 13% взрослого населения планеты (11% мужчин и 15% женщин) страдали ожирением;
- с 1975 по 2016 годы число людей, страдающих ожирением, во всем мире выросло более чем втрое.

Проблема затрагивает и детей: в 2016 году около 41 миллиона детей в возрасте до 5 лет имели избыточный вес или ожирение, которые ранее считались характерными для стран с высоким уровнем дохода, а теперь становятся все более распространенными в странах с низким и средним уровнями дохода, особенно в городах. В Африке с 2000 года число детей в возрасте до 5

---

²⁴⁰ ВОЗ: Ожирение и избыточный вес. 09.06.2021 // URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/obesity-and-overweight> (дата обращения 25.03.2022).

лет, страдающих ожирением, выросло почти на 50%. В целом в мире от последствий избыточного веса и ожирения умирает больше людей, чем от последствий аномально низкой массы тела. Число людей с ожирением превышает число людей с пониженной массой тела; такое положение дел наблюдается во всех регионах, кроме некоторых районов Африки к югу от Сахары и Азии.

Что вызывает избыточный вес и ожирение? Основная причина — энергетический дисбаланс, при котором калорийность рациона превышает энергетические потребности организма. Во всем мире отмечаются следующие тенденции: рост потребления продуктов с высокой энергетической плотностью и высоким содержанием жира; снижение физической активности в связи со все более сидячим характером многих видов деятельности, изменениями в способах передвижения и возрастающей урбанизацией. Изменения в рационе и физической активности часто становятся следствием экологических и социальных изменений в результате процесса развития, который не сопровождается соответствующей стимулирующей политикой в таких секторах как здравоохранение, сельское хозяйство, транспорт, городское планирование, охрана окружающей среды, производство и сбыт продуктов питания, маркетинг и образование.

Повышенный ИМТ является одним из основных факторов риска таких неинфекционных заболеваний, как сердечно-сосудистые заболевания (главным образом, болезни сердца и инсульт), которые в 2012 году были главной причиной смерти; диабет; нарушения опорно-двигательной системы (в особенности остеоартрит — крайне инвалидизирующее дегенеративное заболевание суставов); некоторые онкологические заболевания (в том числе рак эндометрия, молочной железы, яичника, предстательной железы, печени, желчного пузыря, почки и толстой кишки).

В принятой Всемирной ассамблеей здравоохранения в 2004 году «Глобальной стратегии ВОЗ по питанию, физической активности и здоровью» изложен перечень необходимых мер по поддержке здорового питания и регу-

лярной физической активности. ВОЗ также разработала «Глобальный план действий по профилактике неинфекционных заболеваний и борьбе с ними на 2013–2020 годы» в рамках выполнения обязательств, провозглашенных в Политической декларации ООН по неинфекционным заболеваниям (НИЗ), одобренной главами государств и правительств в сентябре 2011 года.

Таким образом, представители медицинской сферы и науки с опасением относятся к движению бодипозитива, так как полагают что оно может влиять на нежелание людей избавляться от лишнего веса, который негативно сказывается на их здоровье.

В России исследования движения «бодипозитива» только начинаются. По данным опроса ВЦИОМ²⁴¹ в 2021 году, никогда не слышали о бодипозитиве 59% россиян. Из респондентов, осведомленных о данном явлении, 12% полагают, что оно выступает за принятие собственного тела со всеми его недостатками (23%–29% среди молодежи). 5% считают, что бодипозитив выступает за здоровое тело и ЗОЖ, 3% ответили, что движение направлено против дискриминации по внешнему признаку, а 8% сказали, что они слышали данный термин, но не могли объяснить его значение. 61% россиян скорее согласны с тем, что бодипозитив избавляет людей от комплексов, связанных с особенностями внешности. 15% полагают, что он, наоборот, формирует комплексы. Две трети опрошенных (69%) указали, что бодипозитив воспитывает терпимое отношение общества к физическим особенностям людей. 49%, что составляет почти половину респондентов, полагают, что бодипозитив способствует поддержанию здорового образа жизни. Четверть опрошенных, 25%, полагают, что он скорее наоборот позволяет игнорировать здоровый образ жизни. Чаще всего такой ответ давали респонденты в возрасте 18–24 лет. Значительная часть россиян (61%) испытывают безразличное отношение к тому, что в последнее время на обложках журналов или в рекламе все чаще появляются изображения моделей с особенностями внешности и тела, отли-

---

²⁴¹ ВЦИОМ: Бодипозитив: новый взгляд на внешность // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bodipozitiv-novyi-vzglyad-na-vneshnost> (дата обращения 05.04.2022).

чающимися от общепринятых стандартов красоты. 20% россиян относятся к этому факту положительно, а 15% — отрицательно.

Несмотря на то, что бодипозитив как самостоятельное движение еще не распространен в России, с начала своего возникновения и до современности он постепенно проникает во все более широкие слои населения по всему миру и сейчас оказывает существенное влияние на привлечение внимания к телу как к полноценному объекту исследования.

2.4. Тело и технологии: развитие биотехнологий и селф-трекинга

Высокие темпы технологического развития современного общества вносят собственную коррективу в изучение проблематики тела. Появляется возможность изменения биологической природы человека с помощью новейших научно-технологических средств. Индивид в таком обществе становится неопределенным и пластичным. Возникают новые техники, способные моделировать тела. Упадок индустриального общества сопровождается угасанием человека-машины. Его место занимает новый человек, тело которого, будучи помещенным в цифровой режим, предстает как система обработки данных и кодов. Тело становится проницаемым, проектируемым и программируемым²⁴².

Американский ученый Ф. Фукуяма широко известен благодаря книге «Конец истории и последний человек»²⁴³, вышедшей в свет в 1992 году. Основная идея работы состоит в представлении об универсальной истории и событиях, свидетельствующих о логическом завершении человеческой эволюции, точкой в которой станет либеральная демократия. В другом труде, который представляет наибольший интерес в рамках исследуемой проблематики тела, «Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической рево-

---

²⁴² Кимелев Ю.А. Философия и социологическая теория. Сферы взаимодействия. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 90.

²⁴³ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. М: Изд-во АСТ: Полиграфиздат, 2010.

люции»²⁴⁴ (2002), Фукуяма, проанализировав значительное количество критики его концепции «конца истории», приходит к выводу, что лишь один аргумент невозможно отвергнуть: конца истории не может быть, пока не будет конца науки. Развитие технологий современной науки является одной из основных движущих сил прогресса. Мы в целом не приблизились к концу науки, а науки, связанные с биологической сферой, находятся на пике.

Фукуяма утверждает, что современные биомедицинские достижения означают наше вхождение в новое будущее, в котором человечество изменится до неузнаваемости. Способность конструировать тело и мыслительные способности, меняя ДНК потомков человека, влечет за собой серьезные последствия, многие из которых потенциально опасны. Проследив философскую историю понимания человеческой природы, Фукуяма объясняет возможные последствия генетических манипуляций в контексте основы либеральной демократии: представления о том, что все люди равны. Построение своей концепции ученый начинает с обращения к двум антиутопиям: «1984» Дж. Оруэлла и «О дивный новый мир» О. Хаксли.

Первая антиутопия по словам Фукуямы так и не состоялась отчасти потому, что появившийся Интернет является противоположностью системе централизованного контроля, представленной в романе. Вторая антиутопия Хаксли также отражает определенное представление о разгаре биотехнологической революции. Бокановскизация (выращивание людей не в утробе, а «ин витро»); наркотик «сома», дающий людям немедленное счастье; «ощущалки», где ощущения имитируются имплантированными электродами, и модификация поведения – все это фактически уничтожает человеческую природу. Как и в романе, вытекающая угроза современных биотехнологий заключается в том, что она может значительно изменить человеческую природу и привести к переходу в «постчеловеческую стадию истории»: «Я постараюсь доказать, что это важно, поскольку человеческая природа суще-

---

²⁴⁴ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: ООО Издательство АСТ: ОАО ЛЮКС, 2004.

ствуется, и это понятие является существенным. Оно создает стабильную преемственность нашего видového опыта. Человеческая природа формирует и ограничивает все возможные виды политических режимов, и потому технология, достаточно могучая, чтобы изменить нас, может иметь потенциально зловещие последствия для либеральной демократии и самой природы политики»²⁴⁵. Почему необходимо соблюдать преемственность нашего видového опыта? Данный вопрос связан с правами человека и человеческой природой. Фукуяма полагает, что «человеческая природа», выражающаяся в поведении и в характеристиках, типичных для человеческого вида, обуславливается генетическими факторами, а не факторами окружающей среды. Способность людей осуществлять моральный выбор, использовать разум и язык, переживать эмоции и общаться составляют те отличительные характеристики, которые отделяют людей от животных. Данный факт становится для Фукуямы аргументом против нерегулируемой генетической модификации.

Зарождающаяся биотехнологическая революция фактически устанавливает тело в качестве нового источника неравенства. В будущем не только еда, условия жизни и потребляемые товары будут критериями для классового разделения, но и сама жизнь благодаря доступу, например, к методам продления жизни, новым органам и способности «конструировать» своих детей до их рождения. Последствием данного расслоения могут стать классовые войны, поскольку богатые смогут получать доступ к новым видам наркотиков или к другим веществам и методам, которые делают их самих и их детей сильнее, умнее и продлевают жизнь.

Медицина в контексте данной революции во многих случаях предполагает так называемую «сделку с дьяволом». Побочным эффектом продления жизни может стать снижение умственных способностей, избавиться от депрессии можно, но придется лишиться творческой силы духа. Грань между достигнутым собственными силами и достигнутым с помощью медикамен-

---

²⁴⁵ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: ООО Издательство АСТ: ОАО ЛЮКС, 2004. С. 18–19.

тов, воздействующих на мозг, размывается. Поскольку человеческая биотехнология потенциально может вмешиваться в человеческую природу, регулирование имеет важное значение. Вопросы биотехнологического регулирования по проблемам клонирования, исследования стволовых клеток и генной инженерии, согласно Фукуяме, должны решаться с помощью, во-первых, государственного регулирования, во-вторых, морального обоснования. Однако большая часть биотехнологий производится в Соединенных Штатах, и за пределами федеральных лабораторий в основном не регулируется. Автор рассматривает более строгие регулирующие структуры, присутствующие в Европе, как надежду на возможность контроля и предотвращения социальных конфликтов. Фукуяма выступает за создание институтов, которые проводят различие между технологическими достижениями, способствующими процветанию человечества, и теми, которые представляют угрозу человеческому благополучию и достоинству. Мораль, по его мнению, играет ключевую роль в принятии решения о том, хороши или плохи цели, достигнутые наукой и технологией. Речь идет о сообществе с научно информированными представителями в качестве лиц, принимающих решения относительно законности использования тех или иных науки.

Тело в теории Фукуямы становится основой биотехнологической революции, так как все трансформации и модификации непосредственно связаны с телом. Поднимаются проблемы изменения генома и программирования тела. Тело также становится новым основанием для классового деления.

Таким образом, чем сильнее развиваются технологии, тем ближе к телу они становятся. Анализируя развитие отношений технологий с телом, можно сделать вывод об их интенсификации и установлении все большей близости. Изначально с первыми ЭВМ взаимодействовала малая часть индивидов. Это было обусловлено необходимостью высокого уровня профессиональной компетенции, а также узкой доступностью и дороговизной самих ЭВМ (электронно-вычислительных машин). Следовательно, в физическом пространстве мало индивидов имели возможность прямого контакта с компьютерными

технологиями. Постепенно, с развитием ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) и появлением ПК (персонального компьютера), устанавливается более тесный контакт: теперь компьютер может стоять дома на столе и не требует специальных узких знаний для использования. Последующее изобретение ноутбука еще сильнее приближает технологию к телу: индивид берет его с собой в поездки, путешествия, ложится с ним в кровать, чтобы посмотреть фильм или поработать.

Смартфон еще чаще используется в повседневной жизни индивида и становится неотъемлемой частью его быта. В январе 2021 года компаниями «We Are Social» и «HootSuite»²⁴⁶ было проведено совместное масштабное исследование по вопросам пользования мобильными устройствами, социальными сетями, доступа к интернету и т.д. Статистика показывает, что на январь 2021 года количество пользователей смартфонов во всем мире составляло 5,22 миллиарда, при численности мирового населения на тот момент 7,83 миллиарда человек (прил., рис. 3). По состоянию на 2021 года в мире смартфонов было больше, чем людей (8,02 миллиарда активных устройств), что обусловлено владением пользователями двумя и более смартфонами. Среди пользователей Android по всему миру время использования телефона составляет более 4 часов в день, что на 7% больше времени, чем просмотр телевизора.

Смартфон работает напрямую с нашим телом и органами чувств: мы записываем голосовые сообщения, используем голосовой помощник, воспринимаем аудио информацию, разблокируем телефон с помощью отпечатка пальца или считывания лица (Face Id). Такое тесное взаимодействие тела и технологий выходит на государственно-правовой уровень. Одним из самых ярких примеров является возможность оплачивать проезд в метро или другие услуги с помощью биометрических данных (считывание лица или отпечатка пальцев): «Технологии вплетены в ткань социальной жизни, являются частью

---

²⁴⁶ «We Are Social» и «Hootsuite» публикуют статистические данные об Интернете и социальных сетях со всего мира в ежегодном отчете «Global Digital 2021» // URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2021-glavnaya-statistika-po-rossii-i-vsemu-miru/> (дата обращения: 15.05.2022).

повседневных практик (к примеру, технологии «Интернета вещей») и социальных взаимодействий (в условиях глубокой медиатизации), участвуют в процессах коммуникации (боты, голосовые помощники и др.)»²⁴⁷.

Приблизительно десять лет назад в обществе существовало представление о том, что смартфон – самая близкая технология к человеку и его телу, однако, развитие цифровой среды в последнее десятилетие внесло свои коррективы. Появляется новый вид технологий, не просто опосредованно взаимодействующий с телом, а напрямую с ним связанный: это технологии селф-трекинга (self-tracking). Д. Лаптон предлагает следующую дефиницию: это «биометрические практики, направленные на регулирование, мониторинг, запись и измерение особенностей человеческого поведения, телесных функций»²⁴⁸. Данные технологии выполняют для индивида функцию само-мониторинга. К устройствам селф-трекинга можно отнести: биометрические наушники, кольца, умные-часы, фитнес-браслеты. С их помощью индивиды могут измерять свои биометрические показатели: время и качество сна, пульс и давление, число пройденных шагов, количество потраченных калорий, уровень стресса и т.д. Активность тела постоянно оцифровывается, превращаясь в коллекцию данных для персональной аналитики²⁴⁹. Граница между телом и технологиями все сильнее размывается: сегодня инструменты самоконтроля могут быть надеты на тело, встроены в одежду, зубную щетку и даже приняты внутрь (цифровые таблетки)²⁵⁰.

Лаптон выделяет пять типов использования трекинговых технологий²⁵¹:

- Личное самоотслеживание (private) – осуществляется добровольно, как часть стремления к самопознанию и самооптимизации, а также как приятный способ самореализации; осуществляется по чисто личным

---

²⁴⁷ Добринская Д.Е. Цифровая социология для изучения цифрового общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 2. С. 255.

²⁴⁸ Lupton D. *The Quantified Self: A Sociology of Self-tracking*. Malden, 2016. P. 2.

²⁴⁹ Ним Е.Г. Селф-трекинг как практика квантификации телесности: концептуальные контуры // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 172.

²⁵⁰ Lupton D. Self-tracking cultures: Towards a sociology of personal informatics // *Proceedings of the 26th Australian Computer-Human Interaction Conference on Designing Futures: The Future of Design*, 2014. P. 77–86.

²⁵¹ Lupton D. *The Quantified Self: A Sociology of Self-tracking*. Malden: Polity, 2016.

- причинам, а данные хранятся в тайне или передаются по собственному желанию только ограниченному кругу избранных людей.
- Вынужденное самоотслеживание (*pushed*) – первоначальный стимул для участия исходит от других субъектов; самоконтроль может осуществляться добровольно, но не в качестве личной инициативы, а как ответ на внешнее поощрение или пропаганду; примером может стать контроль работодателем биометрических данных своих подчиненных.
  - Коммунальное самоотслеживание (*communal*) – предполагает добровольный обмен личными данными трекера с другими людьми; они могут использовать социальные сети, платформы, предназначенные для сравнения и обмена личными данными, а также встречаться вживую на различных форумах.
  - Навязанное самоотслеживание (*imposed*) – включает в себя навязывание практики само-трекинга другими людьми, в первую очередь, для блага этих других; к ним относится использование устройств слежения в рамках программ мониторинга производительности труда и повышения эффективности; примером крайнего использования данного типа является мониторинг местонахождения и употребления наркотиков для условного и условно-досрочного освобождения или, например, мониторинг семейного права и опеки над детьми.
  - Эксплуатируемое самоотслеживание (*exploited*) – собранные данные переназначаются для выгоды других (чаще всего коммерческой); преподносятся потребителям как возможность получения личной выгоды (скидок, баллов, бонусов и т.д.), делясь своей информацией; риск данного типа использования состоит в том, что полученные сведения могут быть использованы третьими лицами для своих целей, а в некоторых случаях быть проданными; одним из примеров являются программы лояльности клиентов, в которых потребители добровольно регистрируются и фиксируют не только покупательские привычки, но и иногда физиологические данные тела: рост, вес и его изменения, бо-

лезни и т.д. в обмен на баллы или вознаграждения. Полученная статистика может быть применена розничными продавцами для выстраивания маркетинговых кампаний, рекламы и предложений продуктов.

Цифровизация вызывает ряд опасений, связанных с появлением новых способов контроля и управления, что конструирует негативное восприятие новых технологий, как со стороны рядовых пользователей, так и в профессиональном сообществе. Главная опасность заключается в том, что персональные становятся инструментом для усиления контроля²⁵². Также данные алгоритмы разрабатываются и внедряются в целях увеличения капитала, для регулирования поведения индивидов и формирования их предпочтений, для определения, ранжирования и классификации индивидов по заданным критериям²⁵³. Дискуссия о безопасности использования селф-трекинг технологий становится все более актуальной, особенно учитывая их стремительную популяризацию. Данный тезис подтверждает статистика: мировой рынок гаджетов для селф-трекинга стремительно растет (прил., рис. 4). В 2016–2019 годы продажи носимых устройств удвоились — с 103 до 225 млн²⁵⁴. В России можно наблюдать аналогичную ситуацию: с 2017 года происходит значительное возрастание гаджетов для само-мониторинга и продолжается до сих пор²⁵⁵ (прил., рис. 5). В нашей стране самыми популярными устройствами являются фитнес-трекеры и смарт-часы, на долю которых приходится 57% и 26% от общего рынка селф-трекинг технологий.

В качестве причин популяризации технологий селф-трекинга можно назвать: массовая доступность технологий; ориентация технологий на разные возрастные сегменты; удешевление технологий; популяризация здорового

---

²⁵² Вершинина И.А., Лядова А.В. Данные в цифровом мире: новые возможности или дополнительные риски? // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. №4. С. 978.

²⁵³ Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1.

²⁵⁴ Number of Connected Wearable Devices Worldwide from 2016 to 2022 // URL: <https://www.statista.com/statistics/487291/global-connected-wearable-devices/> (date accessed: 15.05.2022).

²⁵⁵ «Связной». Ежегодный отчет продаж. 2015–2018 // URL: <https://vedomosti.ru/> (дата обращения: 15.04.2022).

образа жизни; создание в 2007 году движения «Quantified self»²⁵⁶ (что является причиной и одновременно следствием возрастающей популярности).

Несмотря на все риски, которые порождает использование селф-трекинг-технологий, Лаптон утверждает, что не стоит рассматривать происходящие изменения как опасные или ограничивающие. Наоборот, она уверена, что формируется новый формат сосуществования и соразвития индивидов с их личными данными, получаемыми через технологии самоконтроля. Использование такого синтеза Лаптон считает особенно перспективным в сфере медицины²⁵⁷, так как возможность контроля пульса, давления, физической активности и обмена этими данными позволяет улучшить свое самочувствие и находить необходимую информацию о здоровье.

Высокие темпы технологического развития современного общества вносят коррективы в изучение проблематики тела. Появляется возможность изменения биологической природы человека с помощью новейших научно-технологических средств. Чем сильнее развиваются технологии, тем ближе к телу они становятся: появляется новый вид технологий, не просто опосредованно взаимодействующий с телом, а напрямую с ним связанный: это устройства селф-трекинга. Технологии в процессе своего развития приближаются к телу все сильнее. Они становятся не просто вспомогательными устройствами, а частью тела индивида и его телесных практик.

В современной социологии тела технологическая проблематика тесно переплетается с гендерной. Технологии были одной из центральных тем исследования с момента возникновения гендерных исследований как академической дисциплины; они привлекают исследователей-феминисток, потому что бросают вызов общепринятым представлениям о теле, поле и гендере. Более того, технологии могут иметь как освободительный, так и репрессивный потенциал. Исследователи, занимающиеся вопросами гендера и техно-

---

²⁵⁶ «Quantified self» – движение, основанное в 2007 году Г. Вулфом и К. Келли. Сообщество обеспечивает возможность получения информации о технологиях селф-трекинга, их плюсах и минусах, а также создание среды для свободного обсуждения данной проблематики. Список инструментов для селф-трекинга на их сайте составляет более 500 вариантов.

²⁵⁷ Lupton D. *Data Selves: More-Than-Human Perspectives*. New York, 2019.

логий, сосредоточивают свое внимание в основном на двух эмпирических направлениях. Первое – медицинские технологии, такие как пренатальная диагностика и вспомогательная репродукция; они сосредоточены на концепциях пола, риска, нормальности, родства и семьи. Второе – исследования, посвященные информационным технологиям. В них поднимаются вопросы о том, как гендер обсуждается в виртуальном пространстве, через социальные сети, в играх и на рабочем месте. Эмпирический анализ взаимосвязей между технологиями, полом и гендером породил потребность в теоретическом понимании того, как фактор материальности может быть включен в размышления о гендере. Вопрос в том, какое участие технологии принимают в гендерных трансформациях. Акцент на материальности в настоящее время влияет и на другие области исследований, теоретический и эмпирический интерес, который получил название «материальный поворот».

В Дании теории феминистских исследований в области науки и технологии сыграли заметную роль в этом развитии. Огромный вклад в анализ данной проблематики внесла американский социолог Д. Харауэй. Ее самой известной работой стал «Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х»²⁵⁸ (1985). Харауэй является ведущим мыслителем в области отношений любви и ненависти людей к машинам. Ее идеи концентрируются на биологических сетях и биотехнологическом конструировании наших тела. Социолог утверждает, что эпоха киборгов наступила здесь и сейчас: везде есть машины или телефоны. Ошибочным является представление о том, что быть киборгом, значит внедрять чипы или технологии под кожу, делая их частью тела. Что значит быть киборгом, Харауэй описывает на простых примерах: ходить в спортзал, заниматься на тренажерах, употреблять богатую углеводами пищу для бодибилдинга, использовать специализированную спортивную обувь. До Гражданской войны правая и левая стопы даже не различались при производстве обуви. Сейчас у нас есть от-

---

²⁵⁸ Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.

дельный вид обуви для разных видов спорта и другой деятельности. Победа на Олимпийских играх в эпоху киборгов достигается не только благодаря умению быстро бегать или поднимать тяжелые вещи. Речь идет о «взаимодействии медицины, диет, тренировочных практик, производства специализированной одежды, обуви и снаряжения. Всего этого не существовало бы без представления о теле как о высокоэффективной машине.

Общество, согласно Харауэй, живет в эпохе киборгов здесь и сейчас: автоматизированная производственная линия на заводе, офисная компьютерная сеть, танцоры клуба, световые и звуковые системы — все это киборгические конструкции из людей и машин. Сети тоже внутри нас. Наши тела, потребляющие продукты агробизнеса, поддерживаемые фармацевтическими препаратами и изменяемые медицинскими процедурами доказывают это. Мы конструируем себя точно так же, как создаем наборы микросхем или политические системы. Для того, чтобы индивиду выживать и быть полноценным членом общества, ему нужно быть в курсе сложных реалий технокультуры.

Кроме того, Харауэй борется с мужскими предубеждениями в научной культуре. Она вдохновила женщин на создание такого направления, как киберфеминизм. Согласно С. Плант, директору Центра исследований кибернетической культуры Уорвикского университета в Англии, киберфеминизм — это «союз между женщинами, машинами и новыми технологиями». Между информационными технологиями и женским освобождением существует давняя связь. В идеях киберфеминизма женщина не заинтересована в том, чтобы быть земной матерью или возвращаться к дотехнологическому прошлому и бросает вызов распространенной феминистской установке о том, что наука и техника — это «патриархальное уродство перед лицом природы». Представители данного направления утверждают, что женщин из поколения в поколение убеждали, что они «от природы» слабые, покорные, чрезмерно эмоциональные и неспособные к абстрактному мышлению. Что «в их приро-

де» заложено быть матерями, а не корпоративными рейдерами и не разбираться физике элементарных частиц.

Киберфеминизм — термин, который не использует Харауэй, — основан на идее, что в сочетании с технологиями можно сконструировать свою личность, свою сексуальность и даже свой пол по своему усмотрению. Термин вошел в оборот в начале 1990-х годов на волне популяризации идей феминистских исследователей, занимавшихся изучением гендерной специфики Интернета и технологиями новых медиа. Киберпространство и Интернет — зоны, свободные от таких социальных конструктов, как половые и гендерные различия. Поэтому киберфеминизм рассматривает киберпространство и Интернет в качестве инструментов для ликвидации пола и гендера, совершенствования человеческих возможностей в духе трансгуманизма. Представление Харауэй о киборге как о слиянии технологии и тела в течение многих лет позволяло проводить междисциплинарный анализ того, как переплетаются тело, гендер и технология.

Важнее всего в идеях Харауэй утверждение, что киборг — это не редкий индивид, внедривший технологии себе под кожу, киборги в современном обществе — все мы. Тело и технологии стали единым целым. Реалии современной жизни включают в себя отношения между людьми и технологиями, настолько близкие, что уже невозможно сказать, где заканчиваемся мы и начинаются машины.

Четыре рассмотренных в данной главе исследовательских блока социологии тела не изолированы от смежных направлений — социологии медицины, социологии сексуальности, феминистской социологии, социологии спорта, социологии еды и питания и др. Тем не менее, несмотря на то, что между направлениями, работающими с телом в социологии, прослеживаются заимствования и взаимообогащение, каждое из них, включая социологию тела имеет свою предметную специфику. Предмет социологии тела — тело во всем многообразии его проявлений и выражений в социуме; тело как компонент социальной структуры и социального действия; взаимовлияние тела и совре-

менных трансформационных процессов, таких как урбанизации, глобализации, цифровизации, сетевизации и т.д., формирующиеся общественные движения, центральным звеном которых является тело, а также построение идентичности и индивидуального телесного проекта.

ГЛАВА 3

Техники тела и телесные практики: тело как проект

В современной социологии существуют разные подходы к соотношению техник тела и телесных практик. Согласно подходу, разработанному Е.А. Гольман, техники тела – одна из трех групп телесных практик²⁵⁹ (наряду с телесной педагогикой и «технологиями себя»). Телесные практики, таким образом, являются более широким понятием, включающим в себя техники тела. В работе использован другой подход – поскольку данные категории являются самостоятельными, необходимо их разводить, тем не менее, не исключается возможность их смешения. Определенные М. Моссом техники тела существенно отличаются от телесных практик. Первые предстают как спонтанные действия, которые закрепляются и воспроизводятся в культуре, которой они и опосредованы. Телесные практики имеют социальную основу и, как следствие, существенную специфику – перспективу тела как проекта.

3.1. Техники тела

В рамках изучения телесности одной из важнейших является категория «техники тела». Она становится первоначальным базисом конструирования проблематики тела в современных социальных дисциплинах и тесно связана с именем М. Мосса и другими представителями французской традиции изучения телесности – А. Леруа-Гураном и К. Леви-Строссом. Как уже было упомянуто выше, исследование тела берет начало в антропологии и для анализа категории техник тела необходимо снова обратиться к данной науке²⁶⁰.

Данное понятие берет свои истоки в социальной антропологии и этнографии, а его появлению мы обязаны Моссу. Выбор самого понятия «техники тела» он обосновывает их конкретностью. Техники можно зафиксировать.

---

²⁵⁹ Гольман Е.А. Женская телесность: теоретические подходы и перспективы социологического исследования: Дисс. к.с.н. М., 2015. С. 41

²⁶⁰ Старостина Д.А. Становление социологии тела во Франции: М. Мосс, А. Леруа-Гуран, К. Леви-Стросс, М. Фуко // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. № 4.

Это факты, которые можно изложить. Являясь в данном случае сторонником индуктивного подхода, он настаивает на изучении конкретных, реально существующих и наблюдаемых техник, которые впоследствии могут быть подвергнуты абстрагированию.

Построение своей концепции Мосс начинает с определенных биографических моментов. Началом к последующим наблюдениям для этнографа послужило знакомство с автором статьи «Плавание» (имя которого, как указывает Мосс, он забыл) для журнала «Британская энциклопедия». Эта работа показала значимость исторического и этнографического рассмотрения подобной проблематики. Впоследствии Мосс стал наблюдать и анализировать техники плавания, отмечая, что в его детстве и у современного ему младшего поколения есть ряд заметных отличий. Они связаны с открытием глаз под водой, нырянием, определенной манерой плавать брассом и т.д.

В современном исследовании по определению основных характеристик техники плавания детей различного возраста²⁶¹ было также выявлено использование различных техник плавания у представителей разных возрастных групп. Примечательно, что, выбирая удобное для себя соотношение темпа и «шага»²⁶², часть детей использует технику, включающую выбор высокого темпа, но небольшой «шаг», другая часть – низкий темп движений, но длинный «шаг». Коррелирует это с возрастной группой: детям младшего возраста удобнее плыть, сохраняя длинный «шаг» и снижая при этом темп, детям 11–12 лет – наоборот, что доказывает актуальность наблюдений французского этнографа и сегодня.

Второй фактор является всеобъемлющим и значимым не только для Мосса, но и для общества в целом. Это Первая мировая война, которая не могла не оказать огромного влияния на творчество французского мыслителя. В это время им было проведено множество наблюдений, связанных, в том числе, с техниками тела. Например, после победы Вустерского полка в битве

---

²⁶¹ Коршунова А.В., Гусев А.В. Исследование характеристик техники плавания детей различного возраста // Ученые записки университета Лесгафта. 2010. № 6.

²⁶² Шаг – расстояние, проплываемое спортсменом за один цикл.

на Эне, англичанами было решено провести парадный марш под аккомпанемент французских военных музыкантов. Шаги марширующих не попадали в такт музыке. Поэтому уже через полгода это действие было отменено ввиду того, что движения ног во время марша у англичан по-прежнему не совпадали с ритмом французской музыки. Но даже эти наблюдения французский мыслитель трактует как «подступ к предмету»²⁶³. Настоящее «озарение» пришло к нему во время лечения в госпитале в Нью-Йорке. Наблюдая за медсестрами, Мосс отметил, что их манера движения, особенно ходьба, кажется ему очень знакомой. Анализируя свои воспоминания, он осознал, что уже встречал подобные движения в популярных кинофильмах. По возвращении в Париж, он заметил такую же походку у французенок, на которых также оказало влияние американское кино. Все перечисленные выше события сыграли важную роль в становлении разработки категории «техники тела».

Термин «техники тела» Мосс вводит в научный оборот в упомянутом выше труде «Техники тела»²⁶⁴ (1935) и определяет как «традиционные способы, посредством которых люди в различных обществах пользуются своим телом»²⁶⁵. На вопрос, что представляет собой тело, Мосс отвечает следующим образом: «Тело есть первый и наиболее естественный инструмент человека. Или, если выражаться более точно и не говорить об инструменте, можно сказать, что первый и наиболее естественный технический объект и в то же время техническое средство человека – это его тело»²⁶⁶.

В другой работе «Техники и технология»²⁶⁷, опубликованной через шесть лет после «Техники тела», антрополог продолжает развитие проблематики и дает дефиницию понятия «техники», трактуя его как «набор движений или действий, осуществляемых с помощью инструментов или без, формали-

---

²⁶³ Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисл., вст. ст., комм. А.Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. С. 307.

²⁶⁴ Мосс М. Техники тела // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996.

²⁶⁵ Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисл., вст. ст., комм. А.Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. С. 304.

²⁶⁶ Там же. С. 311.

²⁶⁷ Mauss M. Techniques and technology // Techniques, Technology and Civilization. New York–Oxford: Durkheim Press, 2006.

зованных и традиционных, направленных на достижение определенной цели, физической, химической или органической»²⁶⁸. В этом определении отчетливо наблюдается стремление Мосса использовать понятие техники, не сводя ее к сугубо материально-механической сфере.

Техники тела связаны, прежде всего, с конкретными обществами и культурами. «Каждое общество обладает своими, присущими только ему привычками»²⁶⁹. Формирование этих привычек, традиций, ценностей и усвоение опыта происходит, основываясь на этих телесных техниках, включающих обряды, танцы и даже простые повседневные движения. Все это, согласно Моссу, усваивается постепенно, обретая конкретную форму. Именно так и формируются различия между народами и культурами. Очевиден тот факт, что это не конечная форма. Под влиянием контакта между представителями различных культур и определенных исторических событий, техники тела могут претерпевать изменения, которые либо приживаются и трансформируют сами техники, либо отвергаются. Описанный выше пример марша английского войска под французские аккомпанементы демонстрирует тот случай, когда культурное изменение техник тела было отвергнуто. Ситуация с медсестрами в больнице Нью-Йорка и француженками наоборот, является примером успешного усвоения.

Изучая техники тела, Мосс настаивает на необходимости тройственного подхода, включающего анализ трех элементов: социального, биологического и психологического. Все они имеют большое значение и неразрывно связаны между собой. Во всех элементах искусства использования человеческого тела отчетливо наблюдается доминирование фактов воспитания и связанного с ним подражания. Ребенок или взрослый находят для себя некий идеальный успешный образ и подражают ему, перенимая конкретные техники. Престиж копируемой личности и последующее усвоение ее манер и составляют на практике триаду указанных элементов. Возможность передачи

---

²⁶⁸ Mauss M. *Techniques and technology // Techniques, Technology and Civilization*. New York–Oxford: Durkheim Press, 2006. P. 149.

²⁶⁹ Там же. С. 306.

техник тела (особенно посредством слов) отличает нас от животных. Это передача, в свою очередь, невозможна без традиций. Подчеркивая их особую важность, сами техники этнограф определяет как «традиционный действенный акт». Традиции закрепляют наш опыт и техники, позволяя транслировать их последующим поколениям.

Заслугой Мосса является не только введение в научный оборот термина «техники тела», но и создание их классификации, которая базируется на широком этнографическом материале из жизни европейских, восточных и так называемых «примитивных» обществ. В ее основу этнограф закладывает такие базовые категории, как пол и возраст, а позже добавляет еще две: опыт и форма передачи. Данную классификацию Мосс именует «первыми четырьмя подходами к предмету». Она включает в себя:

1. Разделение техник тела между полами. В качестве наглядного примера половых различий в техниках тела приводится разница в сжатии кулака и положении при этом большого пальца у мужчин и женщин. Этот феномен довольно сложно объяснить, но, по мнению Мосса, кроме факта обучения, важную роль в становлении этого процесса играют также биологические и психологические явления.
2. Изменчивость техник тела в зависимости от возраста. Для демонстрации возрастной разницы приводится пример возможность ребенка легко сесть на корточки и проблематичность этого же действия для взрослого. Но даже этот факт выявляет определенное противоречие: взрослые австралийские аборигены способны с такой же легкостью присесть не корточки, как и европейские дети. Это и показывает недостаточность использования лишь пола и возраста, и Мосс добавляет категории эффективности и формы передачи.
3. Классификация техник тела по эффективности. В данном подходе приводится прямая аналогия с дрессировкой животных. Как их обучают определенным командам, так детей учат выполнять те или иные действия конкретным образом. Результат этой дрессировки оценивается ее

производительностью и эффективностью. В качестве примера можно привести такое простое на первый взгляд явление, как бег. Обучаясь бегу, индивид усваивает определенную манеру движения своих конечностей, а также технику дыхания. Оценкой эффективности становится скорость и дистанция.

4. Передача формы техник. Являясь частью нашего опыта, привычек и навыков, техники тела передаются от родителей к детям. В процессе воспитания и обучения не только детей, но и представителей всех возрастов и обоих полов, важно учитывать множество неизученных деталей и подвергнуть их наблюдению. Так мусульмане приучены совершать все действия правой рукой, даже если необходимо пользоваться ножом и вилок, и даже если их левая рука лучше развита. На этом примере мы в очередной раз убеждаемся в важности традиций, так как не можем объяснить данные действия исходя сугубо из физиологического рассмотрения.

Указанная выше классификация не является единственной, разработанной Моссом. В третьей главе «Биографическое перечисление техник тела» этнограф предлагает другую, эмпирическую классификацию техник тела, которая, как он полагает, является более доступной для фактического наблюдения. Это обусловлено в первую очередь тем, что в ней поэтапно отражена жизнь индивида. Данную классификацию составляют следующие группы техник:

1. Техники рождения и акушерства. Данные техники могут кардинально отличаться от народа к народу. Согласно многим источникам, мать Будды рожала его стоя. Эта традиция сохраняется до сих пор в семьях многих индийских женщин. В европейских странах привычное положение родов лежа, а некоторых культурах роды проходят на четвереньках. После рождения техники принятия ребенка также различаются в зависимости от расы и культуры. Больных детей могут выбра-

сывать, а близнецов придавать смерти, если это заложено в культурно-историческом базисе народа.

2. Техники детского периода, включая ношение ребенка на руках, кормление грудью, укладывание в колыбель, также имеет специфическое проявление у разных народов и влияет на становление ребенка.
3. Техники юности Мосс начинает рассматривать на примере примитивных обществ, где взросление юношей и девушек происходит кардинально отличным образом. В негритянских обществах молодые люди в период полового взросления подвергаются более интенсивному воспитанию в тот момент, когда девочек продолжают воспитывать привычным им традиционным способом. Юношей отделяют от девушек и обучают военному ремеслу, в то время как школы для девочек не существует. Они проходят процесс обучения у матерей, усваивая полезные бытовые навыки. В современных европейских обществах практически отсутствует деление техник юности между полами. В школе происходит получение одинаковых знаний, осваивание одинаковых навыков. В спортивной сфере половые различия имеют более выраженный характер. Так, например, мальчиков гораздо чаще отдают в футбольные секции, где в большей степени важна физическая сила, выносливость и скорость, а девочек в танцы, художественную гимнастику или, например, фигурное катание, где кроме физической силы, необходимым являются также гибкость и пластичность. Тем не менее, выбор секции в современных условиях не имеет четкой фиксации или запрета, а скорее закреплено в традиции. Несмотря на то, что футбол в общественном сознании предстает скорее мужским видом спорта, существуют женские футбольные команды. То же касается других видов спорта. Однако независимо от типа общества и культуры, юношество – важный период, так как именно в нем формируется и закрепляется устойчивый набор техник, используемых впоследствии в течение всей оставшейся жизни.

4. Техники зрелого возраста Мосс определяет на основании, удобном для обыденного понимания различных моментов дня. Он выделяет семь основных: техники сна; техники отдыха (бодрствования); техники движения (включающие бег, танец, прыжок, плавание силовые движения и так далее); техники ухода за телом; техники насыщения (еда и питье); техники воспроизводства; техники лечения аномального (например, массаж).

Следует акцентировать особое внимание на техниках ухода за телом. Через призму современных реалий можно ошибочно предположить, что данный раздел включает такие техники как макияж, косметологические процедуры, фитнес, пластическую хирургию и так далее. Мосс трактует их в не совсем привычном нам представлении. Согласно его классификации, техники ухода составляют умывание, намыливание, уход за ртом (включающий, например, технику кашля и отхаркивания) и гигиена естественных потребностей. По мнению Мосса, все указанные техники очень важны. Общество создает культуру, поэтому техники тела, как составляющие культуры тела, всегда будут играть значительную роль. Данная классификация по-прежнему остается актуальной в рамках классификации техник тела в современных обществах.

Переходя к более общим вопросам, необходимо указать, что основной принцип усвоения техник в обществе – адаптация тела к его применению. Они воспитывают стойкость, серьезность, достоинство и играют настолько значительную роль в жизни каждой расы, что составляют основополагающие аспекты ее истории. Общество оказывает влияние на сознание, и второе начинает доминировать над эмоциональной и бессознательной составляющей. Техники тела носят всеобъемлющий характер и присутствуют везде²⁷⁰: у различных народов и культур, имея свои специфические особенности. «Человек всегда делал собственное тело предметом своих представлений: суще-

---

²⁷⁰ Круткин В. Л. Техники тела и движения человека // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 2. С. 168.

ствуется тело работы²⁷¹, тело ярости²⁷², тело спорта²⁷³, тело танца²⁷⁴, тело костюма и другие²⁷⁵».

Работа «Техники тела» Мосса нашла большой отклик и признание в научном сообществе и легла в основу многих последующих теоретических разработок, связанных с техниками телами и с телесностью в целом. Французский этнолог К. Леви-Стросс написал «Введение к трудам Марселя Мосса»²⁷⁶ к сборнику «Социология и антропология», вышедшему в 1950 году. Он высоко ценил вклад сочинений Мосса, утверждая, что его мысли «ведут к самой сути проблемы» и оказывают влияние не только на этнологию и социологию, но и на ряд других дисциплин: лингвистику, психологию, историю религии и так далее. Характеризуя работу «Техники тела» с исторической точки зрения, он писал, что основная заслуга статьи состояла, прежде всего, в расширении исследовательского поля антропологии. Если до этого в нее были включены в основном материальные артефакты и области представлений, то благодаря Моссу в ней стала учитываться телесность человека, который создает эти артефакты и живет в их окружении.

Согласно Леви-Строссу, мысль Мосса носит актуальный и современный характер, так как опровергает существующее и активно продвигаемое «расистское» мнение о том, что человек является «продуктом» собственного тела. Он смог показать, что «как раз человек во все времена и во всех странах делал свое тело продуктом собственных техник и представлений»²⁷⁷, а не наоборот. Изучение техник тела позволило Моссу подойти к дисциплинарному вопросу о соотношении социологии и психологии: «подчеркивая важность магической смерти и техник тела, он надеялся также установить новый тип единства... практических и реальных связей психологии и социоло-

---

²⁷¹ Metcalfe A.W. The hands of Homo Faber // Body & Society. 1995. Vol. 1.

²⁷² Robillard A.B. Anger in-the-social-order // Body & Society. 1996. Vol. 2.

²⁷³ Lewis N. The climbing body, nature and the experience of modernity // Body & Society. 2000. Vol. 6.

²⁷⁴ Thomas H. Ballet and the anthropology of dance // Body & Society. 2001. Vol. 7.

²⁷⁵ Scott S, How to look good (nearly) naked: The performative regulation of the swimmer's body // Body & Society. 2010. Vol. 16.

²⁷⁶ Леви-Стросс К. Предисловие к трудам Марселя Мосса // Мосс М. Социальные функции священного. СПб.: Евразия, 2000.

²⁷⁷ Там же. С. 411–412.

гии»²⁷⁸. Мосс не только открыл для научного сообщества новое поле проблематики, но и настаивал на важности и необходимости изучения техник тела и того, как сами общества принуждают своих членов использовать собственные тела. Таким образом, он определил вектор развития современной ему этнографии и ее предметного поля в направлении социологии.

Последователь Мосса, его ученик Андре Леруа-Гуран, известный французский специалист в области археологии, палеонтологии и этнологии, продолжает изучение проблематики телесности. В 1946 году он защищает диссертацию под руководством своего наставника, а в 1964 году выходит в свет его фундаментальный труд «Жест и речь»²⁷⁹, во многом принесший ему известность. Британский антрополог Т. Ингольд характеризует данную работу как «одну из выдающихся в антропологии XX века»²⁸⁰. Тело и техники его использования рассматриваются Леруа-Гураном с точки зрения соотношения с инструментальностью: «отличие действий человека от действия животного, состоит не столько в том, что люди используют инструменты, но и в том, что инструменты вторых слиты с их телами, тогда как люди умеют обособлять движение и инструмент»²⁸¹. Тем не менее, даже после отделения «внешний» инструмент не становится чем-то обособленным и оторванным, он по-прежнему связан с телом. Тела людей и тела предметов формируют родственные группы. Они состоят из одной субстанции в пространстве и времени. Рефлексия человеком окружающего мира осуществляется не только через язык и логику, но и через тело и чувства. На примере жеста, французский ученый показывает, что инструменты и тела глубоко взаимосвязаны.

А. Леруа-Гуран считал ошибочной существующую в науке тенденцию постоянного деления на «материальное» и «нематериальное». Он полагал, что, если безоговорочно принять это разделение, культура станет прямой противоположностью материальности. Но культура не находится где-то вне

---

²⁷⁸ Леви-Строс К. Предисловие к трудам Марселя Мосса // Мосс М. Социальные функции священного. СПб.: Евразия, 2000. С.412.

²⁷⁹ Leroi-Gourhan A. *Gesture and Speech*. Cambridge: MIT Press, 1993.

²⁸⁰ Ingold T. 'Tools for the hand, language for the face': An appreciation of Leroi-Gourhan's *Gesture and Speech* // *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. 1999. Vol. 30. No. 4. P. 451.

²⁸¹ Там же. P. 90.

вещей: она проникает в них и становится их частью²⁸². Его идеи побуждают отказаться от привычного противопоставления субъекта и объекта в трактовке познания и от устоявшегося противопоставления тела и души. Мосс представил рассмотрение техник тела в контексте кросс-культурных сравнений, а Леруа-Гуран дополнил его разработки в рамках палеоантропологических реконструкций и эволюции человека.

В последующем техники тела, например, в теории Фуко, они становятся скорее «техниками принуждения тела» или «техниками контроля тела», формируемыми внешней силой власти. Социолог не сводит рассмотрение власти сугубо к государству или властвующей элите – власть пронизывает все сферы бытия и каждого отдельного индивида.

Таким образом, понятие «техники тела» Мосса послужило началом дальнейшего изучения проблематики телесности в социально-гуманитарных дисциплинах: социологии, этнологии, психологии и других. Он не просто дал определение и составил классификацию техник, а сделал тело самостоятельным и полноценным объектом исследования. Используя красивую художественную метафору, Леви-Стросс назвал Мосса «астрономом человеческих созвездий» и привел следующую цитату из его работы: «Прежде всего надо составить по возможности максимально обширный каталог категорий, начиная со всех, о которых мы можем узнать, что люди пользуются ими. Тогда мы увидим, что на небосводе разума еще много мертвых, бледных, темных лун»²⁸³. Одной из таких «мертвых лун» была до Мосса категория тела.

3.2. Телесные практики

Телесные практики, как и техники тела, не являются продуктом современности, а берут свое начало в древности. В большей степени они связаны с аскетизмом, лежащим в основе мировых религий. Так, через тренировку тела

---

²⁸² Olsen B. Material culture after text: remembering things // Norwegian Archaeological Review. 2003. Vol. 36. No. 2. P. 93–94.

²⁸³ Леви-Стросс К. Предисловие к трудам Марселя Мосса // Мосс М. Социальные функции священного. СПб., 2000. С. 434.

и воли буддисты пытаются достигнуть нирваны, христиане, не употребляют алкоголь, воздерживаются от сексуальной жизни для получения божьей благодати. В современном обществе на плечи индивида ложатся многие проблемы, решение которых до этого брало на себя общество и государство. Такие общественные риски, как болезнь, безработица, нищета, трансформировались в проблемы самообеспечения личности и решаются как вопросы здорового образа жизни, ухода за телом. Телесные практики выходят на новый уровень распространения. Индивиды вынуждены заняться «телесным менеджментом»: тело становится проектом, который нужно улучшать и продвигать. «Формируемое» тело отражает такие жизненные установки личности как чувство стиля и вкуса, отношение к своему здоровью, самоконтроль и т.д. Происходит историческая трансформация телесных практик. Дисциплинарное отношение к телу формируется не извне, а внутри индивида. Мы можем обнаружить телесное переплетение с идеями Н. Элиаса о становлении цивилизованного общества, где контроль над своим телом и его проявлениями становится уже не внешним, а внутренним. Современные телесные практики несут в себе элемент самостоятельности при выборе своего личного телесного проекта.

Внешний облик становится не только компонентом стратификационного фактора, но все больше компонентом коммуникации и интеракции и, как следствие, личной, персональной заботой каждого индивида и основой построения идентичности. Ранее у народов, находившихся на стадии родового общества, полнота и упитанность служили показателем высокого статуса и того, что человек не голодает. В период восходящего капитализма, когда голод еще был достаточно распространен, показателем статуса, как и ранее, являлся объем живота. Позже, когда проблема голода уже не затрагивает большую часть населения, меняется и восприятие идеального тела. Престижным становится быть стройным, подтянутым, в хорошей «физической форме». Это показатель возможности питаться отборной, здоровой и дорогой пищей. Спортивная фигура стала демонстрацией внимания к своему телу и заботы о

нем. Время и усилия, затраченные на создание идеального тела, показывают символический уровень способностей и успеха. Тело становится объектом самоконструирования. Капиталистическая система и рынок услуг успешно подстраиваются под все новые и новые стандарты, предъявляемые к телу. Появляются новые услуги по работе с телом и его совершенствованием: косметологические процедуры, пластические операции, чаи и биологически активные добавки для похудения, солярии, парикмахерские, ногтевые сервисы и т.д. Через одежду и аксессуары человек выражает себя, подчеркивает или скрывает что-то в своем теле, демонстрирует свою принадлежность к различным субкультурам или пытается выделиться из толпы. Тело становится «социальной формой личности».

Роль тактильных ощущений в современном обществе также трансформируется. Тактильная телесность во все возрастающей степени исключается из рутинной жизни современного человека, будь то профессиональная сфера, территориальные перемещения или взаимодействия между людьми. Если рассуждать об этом в терминах трендов, доминирующим окажется снижение интенсивности физической включенности человека в события его жизни. Операции, в которые включен современный человек, подразумевают все больший контроль и требуют все меньше энергии для их осуществления: гидроусилитель руля, сенсорная клавиатура, системы распознавания голосовых команд, хендс-фри, программируемая бытовая техника, эскалаторы и многие другие устройства, в прямом смысле слова облегчающие нашу жизнь, – все это звенья в цепи постепенного вынесения тактильной телесности за скобки привычной бытовой жизни. Тем не менее, в сфере, связанной с заботой о себе, тактильность не исключается, а наоборот, становится значимой частью отношений человека со своим телом. Через нее индивид познает себя, чтобы понять, что ему приносит удовольствие, а что боль и дискомфорт, какие практики относительно своего тела следует осуществлять для его здорового функционирования, а какие для его полного расслабления. Различные гаджеты становятся помощниками человека в исследовании самого себя че-

рез тактильность. Технологии, таким образом, становятся ближе к индивиду и его телу, тем самым, трансформируя привычную тактильность.

Другим важным аспектом стали мотивационные и ценностные компоненты телесных практик. Если способы использования тела и телесные привычки – часть непроблематизированной сферы повседневного, то целенаправленное воздействие на тело, рефлексивные техники, являющиеся результатом личного осознанного выбора, непременно включают в себя ценностный компонент. В основе теоретического осмысления телесных практик лежит термин Фуко «технологии себя» («technologies of the self») ²⁸⁴ – «определенное число операций на своих телах и душах, мыслях, поступках и способах существования, ради достижения состояния счастья, чистоты, мудрости, совершенства или бессмертия» ²⁸⁵. Данные технологии предполагают не только обучение конкретным навыкам, но и обретение соответствующих установок с целью превращения собственной жизни в «произведение, несущее в себе... эстетические ценности и отвечающее определенным критериям стиля» ²⁸⁶). При описании феномена технологий себя Фуко интересовало, в первую очередь, развитие «герменевтики себя» в контексте и противопоставлении античной философии и ранних христианских принципов.

Возрастание элемента самостоятельности становится важнейшим показателем развития телесных практик от их возникновения к их современной интерпретации. Данный факт становится одним из значимых оснований формирования телесного проекта как желания и возможности делать выбор в отношении своего тела с учетом индивидуального ценностного контекста.

С учетом проанализированного в данной работе материала, было предложено авторское рабочее определение категории телесных практик: социально обусловленные, осознанно наделяемые ценностью действия индивидов в отношении своего тела, целью которых является построение индивидуаль-

---

²⁸⁴ Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. СПб.: Академический проект, 2004. С. 18.

²⁸⁵ Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2. С. 100.

²⁸⁶ Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. СПб.: Академический проект, 2004. С. 18.

ного телесного проекта. Соответственно, предлагается следующий вариант типологизации современных телесных практик на основании четырех ключевых направлений исследования современной социологии тела (Табл. 1).

Таблица 1

Вариант классификации современных телесных практик

Тип телесных практик	Подтипы телесных практик
<p>Практики контроля и самоконтроля (прежде всего медицинские)</p>	<ul style="list-style-type: none"> - <i>практики контроля медицинских показателей здоровья</i> (сдача анализов, регулярные осмотры, консультации); - <i>практики осознанного питания</i> (вегетарианство: веганство, пескетарианство, поллоторианство, фрукторианство, флекситарианство: сыроедение, различные виды диет и т.д.); - <i>практики лечения</i> (обращение за помощью к специалистам при симптомах, установка пломб и брекетов на зубы, прием лекарств, операции); - <i>практики восстановления и расслабления тела</i> (принятие ванн, душ Шарко, массаж, медитация, йога); - <i>спортивные практики</i> (поддержание мышечного тонуса благодаря регулярным физическим нагрузкам, растяжка)
<p>Практики формирования «потребляемого» тела</p>	<ul style="list-style-type: none"> - <i>фитнес практики</i> (создание упругого подтянутого тела через кардио и силовые упражнения, пилатес, танцы, употребление специализированных пищевых добавок для роста мышц: протеин, гейнер и т.д.); - <i>практики эстетического изменения тела с помощью косметологии и пластической хирургии</i> (инъекции, филлеры, ринопластика, маммопластика и т.д.); - <i>практики изменения внешнего образа</i> (покраска, стрижка, педикюр и маникюр с покрытием, татуировки); - <i>практики подбора и составления гардероба</i> (одежда и аксессуары как способ украшения тела)

Тип телесных практик	Подтипы телесных практик
<p align="center">Гендерные и половые практики</p>	<p>- практики по изменению пола и гендера:</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>операционные</i> (операции по смене пола); • <i>гормональные</i> (прием гормональных препаратов); • <i>смены гендерной идентичности</i> (смена одежды или прически с женской на мужскую или наоборот, просьба использовать местоимения определенного рода); <p>- репродуктивные практики: зачатие, рождение, кормление грудью</p>
<p align="center">Практики внедрения технологий в отношении тела</p>	<p>- практики селф-трекинга (фитнесс браслет, умные часы, кольца);</p> <p>- практики сокращения нагрузки на тело (умный дом, автопилот, гидроусилитель руля и т.д.);</p> <p>- практики погружения в дополненную реальность (очки виртуальной реальности, 3D Imax кинотеатр);</p> <p>- практики кибернизации (внедрение подкожных чипов, имплантация органов и парализованных конечностей);</p> <p>- практики телесной репрезентации в социальных сетях (выкладывание селфи и видео)</p>

Указанные типы и подтипы телесных практик могут переплетаться или осуществляться параллельно. Так, например, в реальной жизни практики селф-трекинга часто используются одновременно с фитнес практиками и практиками контроля медицинских показателей здоровья. Использование нескольких типов телесных практик для достижения общей задачи помогает индивиду в построении желаемого телесного проекта.

Представленная классификация является лишь одной из возможных и не претендует на то, чтобы в полной мере охватить все типы и виды телесных практик. Тем не менее, важным на наш взгляд, явилось выделение данных типов на основании четырех направлений исследования тела в социоло-

гии, что позволило систематизировать предметное поле социологии тела и, в частности, телесных практик. В следующем параграфе некоторые из перечисленных телесных практик будут рассмотрены подробнее в качестве составляющих телесного проекта.

3.3. Тело как проект

Анализируя определение и классификацию техник тела, разработанную Моссом, а также авторское определение и классификацию телесных практик, можно проследить наличие различий в данных двух категориях. Исходя из дефиниции упомянутой ранее, техники тела рутинным образом вписываются в повседневный быт индивида, часто становясь бессознательными ввиду своей укорененности в традициях. Техники тела, таким образом, это нечто закрепленное в культуре и воспроизводящееся на уровне привычки. Телесные практики, в свою очередь, являются осознанным набором действий при построении индивидуального проекта тела.

Приведем простой пример: употребление пищи. Данное действие может представлять собой и технику тела и телесную практику, но есть ключевое отличие. В случае, когда индивид употребляет пищу, чтобы не быть голодным и тем самым обеспечивает биологическую жизнедеятельность организма – это техника тела, которая в течение многих веков входила ежедневный ритуал и закрепились в культуре. Употребление пищи как телесная практика представляет нечто отличное. Это осознанный выбор приема конкретного вида пищи: пристрастия к определенному виду кухни, например, европейской или паназиатской, осознанный отказ от ряда продуктов в рамках различных движений, таких как веганство, сыроедение (и других представленных в таблице классификаций видов вегетарианства) или употребление продуктов определенной калорийности и так далее. То есть, в случае с техниками тела, употребление пищи предстает как укорененное в повседневной жизни действие, позволяющие поддерживать жизнедеятельность организма,

в случае телесных практик – это выбор, который позволяет индивиду выразить себя в обществе, в том числе через еду, демонстрируя социальную позицию, предпочтения и убеждения, например, отказ от употребления мяса или других продуктов животного происхождения, таким образом, проявляя свою индивидуальность.

Тем не менее, не стоит строго разделять категории техник тела и телесных практик. Одни могут переходить в другие или осуществляться параллельно. Приведенный пример с употреблением пищи это доказывает. Даже когда человек выбирает, например, веганство руководствуясь своими идейными взглядами, употребляя еду, он все еще стремится удовлетворить свою первичную потребность для поддержания жизни организма.

Телесный проект составляют конкретные телесные практики. Большая их часть была перечислена в предыдущем параграфе 3.2 в рамках авторской классификации. Ввиду отсутствия возможности рассмотреть каждую из них подробно, был выделен следующий ряд практик для подробного анализа: практики, отождествляемые сугубо с женским организмом на основании физиологических различий, фитнес практики и практики телесной репрезентации в социальных сетях. Данный выбор обусловлен желанием охватить различные сферы в типах телесных практик.

Фитнес практики

Рассуждение о фитнес практиках хотелось бы начать с одной из ярких фигур современной социологии тела – австралийского социолога К. Крегана, старшего преподавателя Университета Монаш. Опираясь на таких исследователей классиков в социологии тела, как Бурдье, Фуко и Элиас, она проводит подробную концептуализацию дисциплины. В ее известной работе «Key Concepts in Body and Society»²⁸⁷ 2012 году представлены такие ключевые для социологии тела понятия, как старение и детство, внешний вид и красота, процессы цивилизации, класс/каста, колониализм, смерть, различия, эмоции,

---

²⁸⁷ Cregan K. Key Concepts in Body and Society. London: Sage Publications, 2012.

феминизм, еда, пол/гендер, габитус, здоровье, привычки, сексуальность идентичность, киборги, квир, раса/этническая принадлежность, религия, спорт, технологии и т.д. В книге она описывает практики, связанные с приемом пищи, ритуальные практики, религиозные практики, этнические и медицинские. Наиболее интересной в рамках настоящего исследования является фитнес практика.

Практики, связанные с поддержанием физической составляющей за счет спорта, существовали еще в Древней Греции. Древние греки считали спорт и физическое здоровье, тренировки и физическую форму центральными для образования, социальной жизни. Спорт был частью их понимания процесса цивилизации. С тех пор представление о спортивных практиках существенно трансформировалось. До 1980-х годов фитнес-центры были предназначены для узко специализированной сферы: они представляли спортивные арены для бодибилдеров. Однако в 1990-е годы произошел значительный рост как количества, так и типов фитнес-центров. Среди качественных нововведений было увеличение разнообразия форм занятий фитнесом — от индивидуальных упражнений на тренажерах до коллективных занятий, таких как занятия аэробикой.

В спорте принято проводить различие между индивидуальными и командными видами спорта. Занятия, предлагаемые в фитнес-центрах, также можно было бы описать как варьирующие в зависимости от «индивидуальных» и «коллективных» упражнений. С одной стороны, существуют «индивидуальные» упражнения, в которых используются такие тренажеры, как беговая дорожка, степ-тренажер, тренажеры с дополнительными весами и т.д. В данных практиках участники выполняют те же телодвижения, что и другие посетители фитнес-центров, но независимо от них. Примером «коллективных» фитнес-практик могут служить такие виды деятельности, как аэробика и степ-аэробика, которые в основном выполняются под музыку и синхронизованно. По сравнению с командными видами спорта, где результат занятия полностью зависит от других участников, «коллективные» упражнения в

фитнес-центрах представляют собой иной вид коллективности. Несмотря на то, что занятия фитнесом не направлены на достижение общих целей, тем не менее, предполагают сотрудничество и взаимозависимость между инструктором и практикующим, а также между самими практикующими.

Социологические исследования показали, что занятие современным фитнес практиками не являются сугубо личным выбором индивида в отношении «собственной» жизни – скорее следованием социокультурным моделям²⁸⁸. В современном обществе потребления фитнес-практики продвигают как государственные, так и частные, коммерческие интересы владельцев фитнес-центров. Сфера здоровья и фитнеса превратилась в многомиллиардную индустрию, предлагающую множество продуктов и услуг для улучшения здоровья²⁸⁹. На правительственном уровне индивидов также стимулируют улучшать свое здоровье с помощью диет и физических практик, высокой стоимостью медицинского обслуживания²⁹⁰. Например, в 1992 году правительство США опубликовало отчет «Здоровые люди 2000: национальные цели укрепления здоровья и профилактики заболеваний». В докладе утверждается следующее: «Если мы хотим распространить преимущества хорошего здоровья на всех наших людей, крайне важно, чтобы мы создали среди наиболее уязвимых групп населения то, что называется «культурой характера», то есть культурой или образом мышления, которое активно способствует ответственному поведению и принятию образа жизни, максимально способствующего улучшению здоровья. Это “профилактика” в самом широком смысле». Данная стратегия делает упор на индивидуальные изменения образа жизни, а не на социальные и экологические улучшения для поддержания здоровья населения.

Сегодня фитнес практики связаны не только с укреплением здоровья, но и поддержанием определенного внешнего вида. Красота стала отождеств-

---

²⁸⁸ Eichberg H. Fitness on the market: Forget ‘the single individual’! // Bodily Democracy. Towards a Philosophy of Sport for All. London–New York: Routledge, 2010.

²⁸⁹ Maguire S.J. Fit for Consumption: Sociology and the Business of Fitness. New York: Routledge, 2008.

²⁹⁰ Pronger B. Body Fascism: Salvation in the Technology of Physical Fitness. Toronto: University of Toronto Press, 2002.

ляться с фитнесом, а фитнес – со здоровьем; границы между красотой, сексуальностью и здоровьем все больше размываются²⁹¹. Сектор фитнеса поощряет и мотивирует людей работать над телом, как для здоровья, так и для совершенствования внешнего вида, предлагая покупку определенных товаров и услуг. В книге «Миф о красоте»²⁹² Н. Вулф утверждает, что «чем больше становится индустрия красоты, тем менее здоровыми становятся женщины»²⁹³. Идеалы внешнего вида также стали отождествляться с идеалами здоровья в контексте так называемого «кризиса ожирения». В современной потребительской культуре предполагается, что хорошо выглядеть равно хорошо себя чувствовать, а значит быть хорошим. Данная перспектива затем подчеркивается медицинским советом следить за своим весом, чтобы избежать болезней. Например, исследования ожирения связаны с измерением окружности талии (как показателя висцерального или желудочного жира) в качестве показателя здоровья. Исследования показали, что женщины часто выделяют именно живот как ту часть тела, которую они больше всего хотели бы изменить²⁹⁴. Совпадение между рекомендациями по здоровью и идеалами красоты поддерживает представление о том, что хорошо выглядеть (достижение идеального тела) – синоним хорошего самочувствия (достижение здорового тела): «хорошее здоровье стало видимым признаком, демонстрируемым стройным, подтянутым, тренирующимся телом»²⁹⁵. Хотя внешний вид человека иногда может указывать на наличие плохого самочувствия или болезни, вес, как правило, не отражает напрямую состояние здоровья.

Современные фитнес практик включают не только занятие в фитнес-центрах – это определенный стиль жизни, подразумевающий употребление специальных продуктов: протеина, добавок, гейнеров; использование различных антицеллюлитных и подтягивающих видов крема; специальные фит-

---

²⁹¹ Eskes T.B., Carlisle Duncan M., Miller E.M. The discourses of empowerment: Foucault, Marcuse and women's fitness texts // *Journal of Sport and Social Issues*. 1998. Vol. 22. No. 3.

²⁹² Wolf N. *The Beauty Myth*. Toronto: Random House, 1990.

²⁹³ Там же. С. 82.

²⁹⁴ MacNevin A. Exercising options: Holistic health and technical beauty in gendered accounts of bodywork // *Sociological Quarterly*. 2003. Vol. 44. No. 3.

²⁹⁵ Lupton D. *The Imperative of Health: Public Health and the Regulated Body*. London: Sage Publications, 1995. P. 71.

нес массажи; отслеживание затраченных калорий с помощью технологий селф-трекинга и т.д. Современные фитнес практики, таким образом, становятся гораздо большим, чем просто способом поддержания физического здоровья. Формирование тела – одна из ступеней построения собственного телесного проекта.

«Женские» практики – на основе физиологических различий

Репродуктивные практики являются одними из наиболее распространенных и популярных тем в социологии тела. Данные практики формируют телесную проблематику, социально сконструированную, широко и свободно обсуждаемую во всем мире. В отличие от досовременных обществ, где область воспроизводства потомства являлась сугубо биологической и медицинской, современные репродуктивные практики тесно встраиваются в социальный контекст. Они связаны с распределением и трансформацией гендерных ролей, а также с новыми репродуктивными технологиями. Специфика данных практик определяется направленностью на женское тело, которое является основным субъектом воспроизводства. Репродуктивные процессы женского организма становятся институционализированными. Биологический детерминизм является наиболее определяющим генетическим фактором жизненного цикла и биологии человеческой жизни, особенно в практиках воспроизводства. Будет ли конкретная женщина матерью? Когда это будет? Сколько ей будет лет? Предметом всех этих вопросов, конечно, в основном выступают «женщины» и репродуктивные органы. Главная и самая важная тема о воспроизводящих телах – тело и связанные с репродукцией процессы: менструация, менопауза, роды, лактации и т.д., так воспроизводство населения – это первостепенная проблема, которая является как биологически, так и социально и культурно важной. Ребенок развивается в утробе матери, женщина переживает беременность.

Даже в самых табуированных обществах девочки свободны в выборе игровой среды и своих друзей, но с началом менструации поле свобода резко

сужается. Женское тело начинает восприниматься как способное к деторождению. Менструация знаменует потенциал фертильности, поэтому права на социализацию, предоставляемые девочкам, ограничены. Их лишают возможности присоединиться к обществу и проводить свободное время со своими сверстниками.

Репродуктивные практики включают не только практики зачатия и рождения. К данному типу практик можно отнести все практики, которые определяют специфику женского организма. Например, практики гигиены в период менструального цикла имеют важное значение как для повседневной жизни каждой отдельной женщины, так и для социально-культурного представления о стыде. Практика использования гигиенических прокладок также является социально конструируемой: недоступность или дороговизна, рекламные предпочтения производителей или популярность продукции среди других женщин, привычки и т.д. Данные факторы влияют на то, сколько часов используется одна гигиеническая прокладка. Это очень важно знать, потому что частота смены прокладок является важным показателем гигиены во время менструации и заставляет обратить внимание на возможность использования женщинами общественных мест и общественных туалетных комнат.

Медицинские публикации типизируют и недооценивают менструальную боль, утверждая, что она преувеличена²⁹⁶: в вопросе медиализации женского здоровья существует порочный круг, который начинается с отсутствия коммуникации. Из-за нехватки знаний женщины склонны заниматься антисанитарией, дезинформировать других и себя о естественных биологических изменениях, происходящих циклически в их телах, описывающиеся как симптомы или признаки так называемых болезней или расстройств, требующих лекарств. Проблематичной практикой является также окончание менструального цикла (менопауза). Данный период стигматизирован из-за потери фертильного потенциала. Символически это имеет определенные послед-

---

²⁹⁶ Domruk O.F. Sociology of the Body: Reproducing Bodies. 2022 // URL: https://www.researchgate.net/publication/361890673_Sociology_of_the_Body_Reproducing_Bodies (дата обращения: 28.07.2022).

ствия: менопауза важна для защиты женского организма от некоторых заболеваний, таких как рак молочной железы, матки, желудка и кишечника. Менопауза для женщины означает не только окончание репродуктивного периода, но и возвращение определенных свобод. С потерей фертильности ответственность за воспроизводство исчезает, что делает женщин сильнее в обществе, так как устраняет привычный контроль «фертильных тел» и обеспечивает женщинам более легкий доступ к общественному пространству. Права женщин на поездки, выражение мнения, финансовые ресурсы, расширение прав и возможностей через ассоциации или политические партии от имени соответствующей женщины – все возможности расширяются после того, как наступает менопауза. Однако не в каждом обществе это работает одинаково. В тех культурах, где значение молодости преувеличено, менопауза определяется негативно.

Культура физического совершенствования учит нас не только верить, что все телесные процессы находятся под нашим контролем, но и стыдиться тех частей нашей плоти, которые отказываются соответствовать культурной идее. Кроме того, несмотря на наибольшую предпочтительность обсуждения контроля над рождаемостью и аборт, возможность реализовывать право на воспроизводство – это также и право на фертильность. Семья, образование, государство, средства массовой информации – все это способствует фертильности женщин. Право рожать, являющееся совершенно уникальным опытом, чрезмерно политизировано. Политика в области рождаемости является частью общей политики, решение не принимается индивидом самостоятельно. Рождаемость — это социально сконструированный процесс посредством политики. Физиологические особенности женского организма и социальные роли, приписываемые на их основе, таким образом, формируют ряд уникальных телесных практик, осуществляемых только женщинами.

Однако с развитием технологической базы практики, приписываемые до этого исключительно женщинам ввиду биологических особенностей их организма, теперь могут осуществлять и мужчины. Появление технологии

искусственной матки (также известной как эктогенез) позволяет зачать и выносить ребенка внутри мужского организма. Наиболее актуальным это становится для однополых пар, а также трансгендеров, осуществивших биологическую смену пола. Первым мужчиной, которому удалось забеременеть, стал транссексуал Т. Битти из Орегона. В 2008 году он попал на первые полосы газет, после того как в возрасте 34 лет родил девочку, забеременев путем искусственного оплодотворения. С тех пор технологии искусственного наделения репродуктивной возможностью развиваются все стремительнее, а следовательно, границы «сугубо женских ролей» размываются все сильнее.

С внедрением в культурный и политический контекст зачатие и рождение перестают быть укоренными в традициях техниками тела. Они обретают новый контекст и становятся частью телесных практик, участвующих как в построении индивидуального проекта тела: идентифицировать себя как мать или нет; так и в общественно-политическом процессе.

Практики телесной репрезентации в социальных сетях

Тело индивида в обществе всегда находится на стыке публичной и частной сфер. Это формирует определенные проблемы с саморепрезентацией. Сексуальность и гендер, которые напрямую связаны с телом и тем, также оказываются под воздействием социальных сетей и новых цифровых платформ, ускоряющих и подчеркивающих перформативность тела. Благодаря возможности обмена изображениями и видео, на которых присутствуют тела индивидов, пользователь, во-первых, ощущает что за его телом наблюдают другие, а во-вторых, сравнивает себя с фото и видео изображениями других. В результате тело становится ключевым элементом в саморепрезентации индивида. С данной категорией тесно связано понятие красоты. Ее стандарты четко определены и применяются как образец в социальных сетях²⁹⁷.

---

²⁹⁷ Caldeira S.P., Sander de R. Representing diverse femininities on Instagram: A case study of the body-positive @effyourbeautystandards Instagram account // Catalan Journal of Communication & Cultural Studies. 2017. Vol. 9. No. 2. P. 323.

В современном обществе появился новый популярный тип фотографии – селфи, или как автопортретная фотография, обычно сделанная цифровой камерой или смартфоном. В 2014 году было проведено крупнейшее исследование в данной области: проект «Selfie City» (удостоен звания лучшего сайта визуализации данных 2014 года и награжден престижной премией «Kantar Informationis Beautiful Awards») ²⁹⁸. Ключевой целью данного проекта была попытка распознать природу феномена селфи, а также какие сведения об их авторах можно получить по фотографиям. Над «SelfieCity» работали ученые и разработчики Нью-Йоркского университета и Калифорнийского института телекоммуникаций и информатики. Ими была сформирована масштабная база из 656 тысяч снимков в социальной сети Instagram (запрещенной в России), представленная в виде инфографики и обновляющейся в интерактивном режиме. Исследование позволило провести сравнение стилей селфи пользователей пяти городов: Бангкок, Берлин, Москва, Нью-Йорк и Сан-Паулу. В рамках проекта удалось выявить эмоциональное состояние авторов по повороту головы, выражению лица; определить, что на селфи-снимках чаще всего изображены молодые люди. Самым «молодым» городом в селфи-практике оказался Бангкок (средний возраст – 21 год), в Нью-Йорке средний возраст оказался выше (чуть более 25 лет). Больше всего улыбающихся на селфи людей было выявлено в Бангкоке, а меньше всех – в Москве. Чаще всего селфи делают не подростки, а люди от 18 до 35 лет — они выгружают большую часть таких снимков в интернет (прил., рис. 6). Самым популярным видом селфи оказались фотографии из категории «внешность» (52% фотографий). Они не просто изображают человека, а демонстрируют определенные внешние признаки: мимику, одежду, аксессуары, прическу. Вторая по популярности категория – это «социальные селфи». Их делают с родными и друзьями (занимает всего 14%); 13% составляют селфи, отражающие этническую принадлежность автора; а в категорию «работа» входит всего 0,06% селфи-фото.

---

²⁹⁸ Losh E. Beyond Biometrics: Feminist Media Theory Looks at Selfie City // URL: http://d25rsf93iwlmg.cloudfront.net/downloads/Liz_Losh_BeyondBiometrics.pdf (дата обращения: 03.08.2022).

Селфи становятся частью современной культуры. Их используют как для привлечения внимания к социальным проблемам, так и в рекламных и маркетинговых целях: тело является ключевым компонентом. Одним из популярных методов при продвижении становится заказ рекламы у звезд, которые делают селфи с продуктом (прил., рис. 7).

Селфи – это не просто вид фотографии, оно выступает своеобразным инструментом самопрезентации личности, демонстрации внешности, определенных атрибутов своего статуса, успешности. Еще один скрытый механизм селфи заключается в возможной неудовлетворенности молодых людей в других сферах жизни²⁹⁹ и их компенсация, так называемыми экстремальными «успехами» (например селфи в опасных и труднодоступных для сверстников местах). Средний миллениал за свою жизнь сфотографирует себя примерно 26 тысяч раз³⁰⁰.

Телесные практики отражения себя и своей внешности в социальных сетях не заканчиваются на селфи. Появляется совершенно новый вид демонстрации: короткие видео. Возможность создавать короткие видео и сразу редактировать их в том же приложении глубоко персонализировала видео в мире социальных сетей. Множество функций редактирования, такие как синхронизация по губам, наложение фильтров и регулировка скорости, персонализируют каждое видео, тем самым выводя индивидуализацию и креативность обмена видео на новый уровень³⁰¹. С момента своего запуска в 2016 году и по 2018 год TikTok утроил доход и был скачан в общей сложности 800 миллионов раз по всему миру, при этом 80 миллионов – только в Соединенных Штатах³⁰².

---

²⁹⁹ Чельшева И.В. Селфи – зависимость или новое искусство? // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2018. № 1.

³⁰⁰ Millennials Selfies: Young Adults Will Take More Than 25,000 Pictures of Themselves During Their Lifetimes: Report // URL: <https://www.ibtimes.com/millennials-selfies-young-adults-will-take-more-25000-pictures-themselves-during-2108417> (дата обращения: 04.08.2022).

³⁰¹ Baig M.S. How did the founders of Musical.ly made \$1b in 2016 // URL: https://medium.com/@mirza_ms_baig/how-did-musically-founders-made-billion-dollars-from-anapp-5509c53bed2 (дата обращения: 04.08.2022).

³⁰² Yurieff, K. TikTok is the latest social network sensation. 21.11.2018 // URL: <https://edition.cnn.com/2018/11/21/tech/tiktok-app/index.html> (дата обращения: 04.08.2022).

Выделяют несколько причин популярности TikTok³⁰³: феномен клипового мышления, рост популярности видеоконтента, короткие, развлекательные и забавные ролики, которые привлекают молодых пользователей, возможность проявить себя через талант, а не социальный статус. Можно предложить следующую классификацию телесной репрезентации индивидов через короткие видеоролики:

- танцы-тренды (съемка определенных движений под определенную музыку; прил., рис. 8);
- демонстрация «луков» (через показ одежды, подобранных аксессуаров и т.д.; прил., рис. 9);
- обучающие tutorиалы (как сделать макияж или прическу; прил., рис. 10);
- отстаивание прав на «тело» (ролики в основном выкладывают последователи движения бодипозитива; на видео демонстрируется борьба за естественность роста волос на теле, например, небритые подмышки или ноги, принятие своего веса, роста и формы тела (данные ролики снимают не только полные люди, но и с нехваткой веса), борьба за гендерные права и т.д.; прил., рис. 15, 11,12, 13).

Телесные практики репрезентации в социальных сетях становятся не просто съемкой фото или видео своего тела для демонстрации окружающим, а попыткой через показ тела продвинуть свою общественную позицию – преодоление стереотипов об идеальном образе. Анализ трех примеров телесных практик позволяет выявить их общий контекст: они имеют под собой глубокую социально-культурную и политическую базу знаний, ценностей и предпочтений. Индивид с помощью действий над своей телесностью формирует свое «Я», свою идентичность. Соответственно, телесный проект – это определенный набор телесных практик, сформированный индивидом на основании своих собственных социальных, культурных, политических, этических и

---

³⁰³ Богомолова Д.А. Социальная сеть Tik Tok как элемент интегрированных маркетинговых коммуникаций // Скиф. 2020. № 4.

других предпочтений для создания целостного образа своего «Я» и отражающего его идентичность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление социологии тела можно условно разделить на три этапа. Первый этап связан с исследованием тела в антропологии (Ф. Боас, М. Мид, М. Дуглас, М. Мосс, А. Леруа-Гуран и К. Леви-Стросс) и такими понятиями, как телесная структура, половая роль, переживание собственного тела, границы тела, телесная грязь, техники тела и т.д. Второй этап представлен рассуждением о месте тела в социологии культуры Г. Зиммеля, в теориях Дж.Г. Мида и И. Гофмана, в фигуративной социологии Н. Элиаса, в социологии тела М. Фуко. В социологию тела на данном этапе были включены такие категории, как чувственно-телесное восприятие, сексуальность, стыд, самопринуждение, цивилизационный процесс, власть над телом, дисциплинарное общество, роль тела, уязвимость тела, самообладание, телесная сторона, телесно-воплощенная и бестелесная информация, идиома тела, наблюдаемость. На третьем этапе тело становится объектом общей социологической теории в трудах П. Бурдьё и Х. Йоаса благодаря таким ключевым понятиям, как контроль через тело, габитус, креативное действие, телесная схема, образ тела.

В работе выделено четыре основных исследовательских направления в современной социологии тела. Во-первых, тело как объект социального контроля. Согласно Фуко, тело является одним из ключевых инструментов социального контроля, осуществляемого посредством биополитики: государство может управлять телами, следовательно, индивидами. Фуко становится родоначальником изучения биополитики: ее истории, каналов реализации, восприятия тела и области применения биовласти в разные исторические периоды. Формирование биополитики осуществляется на двух уровнях: установлением дисциплины через различного рода учреждения (тюрьмы, школы, больницы, клиники и т.д.) и управление с помощью разных политических технологий (от статистики и демографии до общественного здравоохранения и обустройства городского пространства и строительства жилья). Медицина – важнейший инструмент биополитики, поскольку медиализация становится

важным инструментом контроля тела. Фуко обогащает социологию тела такими категориями, как контроль тела, биовласть, биополитика, медикализация, биоистория.

Во-вторых, исследования проблематики пола и гендера как в значительной степени определяющих вектор изучения тела в социологии. Феминистское направление оказывает значительное влияние на исследование категории тела. Значительный вклад в формирование феминистской парадигмы внесли С. де Бовуар, Ю. Кристева и Р. Брайдотти. В рамках феминистского прочтения реальности категория тела выступает структурообразующей. «Тело» глубоко укоренено в системе гендерного неравенства/различия полов не только с физиологической точки зрения, оно связано с практиками, субъектностью и выстраиванием идентичности.

В-третьих, тело как объект потребления и нарциссического культа. В современном обществе красота представляет собой форму капитала. С опорой на теории постмодернистских социологов Ж. Бодрийяра и М. Фезерстоуна в работе показано, как общество потребления выстраивает культ тела и фетишизирует символические практики потребления, связанные с телом. Его повсеместное присутствие в рекламе, моде, массовой культуре, навязчивость молодости, мужественности или женственности, элегантности, ухода, режимов, жертвенных занятий, которые с ним связаны, свидетельствуют о его значимости в современном мире. В современном потребительском обществе все чаще проявляется гедонизм по отношению к телу, выражающийся в массовой заботе о его физической функциональности и привлекательном внешнем виде. Уход за телом становится одной из повседневных потребительских практик.

В-четвертых, тело и технологии: высокие темпы технологического развития вносят коррективы в изучение тела в социологии. Современные биомедицинские достижения означают вхождение в новое будущее, в котором человечество изменится до неузнаваемости в ходе биотехнологической революции. В работе проанализировано развитие отношений технологий с телом

и сделан вывод об их интенсификации и установлении все большей близости. Граница между телом и технологиями все сильнее размывается: так, инструменты самоконтроля (селф-трекинга) могут быть надеты на тело, встроены в одежду, зубную щетку и даже приняты внутрь (цифровые таблетки).

Четыре предложенных исследовательских блока не изолированы от смежных направлений социологической дисциплины, которые помогают социологии тела изучать его во всем многообразии его проявлений и выражений в социуме, как компонент социальной структуры и социального действия, взаимовлияние тела и трансформационных процессов (урбанизации, глобализации, цифровизации, сетевизации и т.д.) и т.д. В работе телесный проект определен как набор телесных практик, сформированный индивидом на основании собственных социальных, культурных, политических, этических и других предпочтений для создания целостного образа «Я». Соответственно, телесные практики предлагается определять как обусловленные, осознанно наделяемые ценностью действия индивидов в отношении своего тела, цель которых – создание индивидуального телесного проекта. В необходимых для такого проектирования телесных практиках постепенно возрастает элемент самостоятельности, что позволило предложить одну из возможных классификаций направлений в социологии тела: практики контроля и самоконтроля, практики формирования потребляемого тела, гендерные и половые практики, практики внедрения технологий в отношении тела.

Таким образом, в диссертационной работе была реконструирована логика становления социологии тела как самостоятельного научного направления, обозначены ключевые теории социологии тела и соотношение понятий «техники тела» и «телесные практики», предложена авторская дефиниция телесного проекта и телесных практик, а также классификация последних, тем самым, дана оценка возможности выделения социологии тела как самостоятельной социологической дисциплины (среднего уровня).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Айвазова С.Г. Симона де Бовуар: этика подлинного существования // Женщина в российском обществе. 1997. № 2.
2. Белова А.В. Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность// Женщина в российском обществе. 2006. № 4.
3. Бескова Д.А. Клинико-психологические характеристики внешней и внутренней границ телесности: Дисс. к.п.н. М., 2006.
4. Бескова Д.А., Тхостов А.Ш. Телесность как пространственная структура // Психология телесности между душой и телом / Ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М.: АСТ, 2007.
5. Боас Ф. Ум первобытного человека. М.-Л., 1926.
6. Бовуар де С. Воспоминания благовоспитанной девицы. М.: Согласие, 2004.
7. Бовуар де С. Второй пол. Т. 1–2 / Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.
8. Бовуар де С. Мандарины. М.: Ладомир, 2005.
9. Бовуар де С. Недоразумение в Москве. М., 2015.
10. Бовуар де С. Очень легкая смерть. М.: Республика, 1992.
11. Богомолова Д.А. Социальная сеть Tik Tok как элемент интегрированных маркетинговых коммуникаций // <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-set-tik-tok-kak-element-integrirrovannyh-marketingovyh-kommunikatsiy> (дата обращения: 04.08.2022).
12. Бодипозитив: новый взгляд на внешность // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bodipozitiv-novy-i-vzglyad-na-vneshnost> (дата обращения 05.04.2022).
13. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006.

14. Брайдотти Р. Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000.
15. Брайдотти Р. Путем номадизма // Введение в гендерные исследования. Ч. II / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001.
16. Бурдые П. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
17. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
18. Бурдые П. Социология социального пространства / Отв. ред. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
19. Быховская И.М. Homo somatikus: аксиология человеческого тела. М.: Едиториал УРСС, 2000.
20. Вакан Л. Бойцы за работой: телесный капитал и телесный труд профессиональных боксеров // Логос. 2013. № 5.
21. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990.
22. Вершинина И.А., Лядова А.В. Данные в цифровом мире: новые возможности или дополнительные риски? // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4.
23. Вигарелло Ж. Искусство привлекательности. История телесной красоты от ренессанса до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
24. Воденко К.В., Дегтярев А.К. Гендерные стереотипы в сфере высшего образования: академическое лидерство как способ нейтрализации социальных рисков // Женщина в российском обществе. 2021. № 3.
25. Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М.: Эдиториал УРСС, 2004.
26. Всемирная организация здравоохранения: Ожирение и избыточный вес // <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/obesity-and-overweight> (дата обращения 25.03.2022).

27. Гаврилова Е.Л. Особенности отношения к телу лиц с последствиями детского церебрального паралича и спинальной травмы // Клиническая и специальная психология. 2021. Т. 10. № 1.
28. Гербут Н.А., Гербут И.А. Недопредставленность женщин в названиях улиц: гендерные нарративы городских пространств // Женщина в российском обществе. 2021. № 4.
29. Гольман Е.А. Женская телесность: теоретические подходы и перспективы социологического исследования: Дисс. к.с.н. М., 2015.
30. Гофман А.Б. Марсель Мосс: за единство наук о человеке // Человек. 1993. № 2.
31. Гофман А.Б. Социологические концепции Марселя Мосса // Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды. М.: Наука, 1976.
32. Гофман И. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу / Под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009.
33. Добринская Д.Е. Цифровая социология для изучения цифрового общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 2.
34. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Цифровой разрыв в России: Особенности и тенденции // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перспективы. 2019. № 5.
35. Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу / Под ред. С. Баньковской. М.: Канон-пресс, Кучково поле, 2000.
36. Жеребкина И. Прочти мое желание. М.: Идея-Пресс, 2000.
37. Завьялов А.Е. Формирование здорового образа жизни молодежи в современной России: Автореф. дисс. к.с.н. М., 2013.
38. Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996.
39. Зиммель Г. Эскурсы о социологии чувств // Ароматы и запахи в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
40. Ильин В.И. Социальное конструирование тела // Потребление как дискурс. СПб., 2008.

41. История тела: в 3 тт. / Под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
42. История тела: в 3 тт. / Под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. Т. 2: От Великой французской революции до Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
43. Йоас Х. Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005.
44. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
45. Кедрик Т.В. «Визуальный поворот» и современные концепции субъективности. Минск: Изд-во БНТУ, 2015.
46. Кимелев Ю.А. Философия и социологическая теория. Сферы взаимодействия. М.: ИНИОН РАН, 2016.
47. Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: Исторические судьбы индивида модерна. М., 2017.
48. Клименкова Т. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М., 1996.
49. Кляйнеберг М. Болезнь и здоровье в эпоху велнеса, селф-трекинга и самооптимизации – на пути к обществу здоровья? // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. № 1.
50. Князева Е.Н. Автопозис мысли // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. Вып. 1.
51. Кон И.С. Мужское тело в истории культуры. М.: Слово/Slovo, 2003.
52. Королева Т.А. Женское движение: генезис и эволюция // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368.
53. Коршунова А.В., Гусев А.В. Исследование характеристик техники плавания детей различного возраста // Ученые записки университета Лесгафта. 2010. № 6.
54. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004.

55. Кристева Ю. Семиотика. Исследования по семанализу. М.: Академический проект, 2013.
56. Кристева Ю. Смерть в Византии. М.: АСТ, 2007.
57. Круткин В.Л. Техники тела и движения человека // Журнал социологии и социальной антропологии, 2014. № 2.
58. Лаптон Д. Жирные. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020.
59. Леви-Стросс К. Предисловие к трудам Марселя Мосса // Мосс М. Социальные функции священного. СПб.: Евразия, 2000.
60. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.
61. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001.
62. Лоуэн А. Психология тела: биоэнергетический анализ тела. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2000.
63. Лядова А. В. Особенности становления социологии медицины как междисциплинарного научного направления // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. № 1.
64. Лядова А.В. Социальные факторы здоровья в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4.
65. Мартыненко Т.С. Болезни образа жизни: здоровье человека в современном городе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1.
66. Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1.
67. Мельник Г.С., Панцеров К.А. Гендерное неравенство в социальной практике и массово-информационном дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2013. № 4.
68. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999.

69. Мешкова Т.А., Татаурова С.С. Актуальные проблемы исследования образа тела // <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4066/3/pv-13-08.pdf> (дата обращения: 05.07.2022).
70. Мид Дж.Г. Философия настоящего. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.
71. Мид М. Культура и мир детства // https://lib.uni-dubna.ru/search/files/ps_mid_kult/ps_mid_kult_2.htm#5(дата обращения:07.11.2021).
72. Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в изменяющемся мире. М.: РОССПЭН, 2004.
73. Михель Д. Мишель Фуко и западная медицина // Логос. 2019. № 2.
74. Михель Д.В. Воплощенный человек: Западная культура, медицинский контроль и тело. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2000.
75. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисл., вступит. ст., комм. А.Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011.
76. Мосс М. Техники тела // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996.
77. Ним Е.Г. «Вы есть ваши данные»: селф-трекинг как феномен глубокой медиатизации // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 5.
78. Ним Е.Г. Селф-трекинг как практика квантификации телесности: концептуальные контуры // Антропологический форум. 2018. № 38.
79. Новоселова Е. Н. К вопросу о роли социологии в изучении и сохранении здоровья населения России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2017. № 3.
80. Новоселова Е.Н. Здоровье как ценность и практика: общество, семья, личность. М., 2021.
81. Новоселова Е.Н. Здоровье сберегающие практики россиян в условиях пандемии covid-19 // Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН. Сердечно-сосудистые заболевания. 2022. Т. 3. № 3.

82. Осипова Н. Г. Здоровоохранение и российское общество в XXI веке: парадоксальные эффекты социального взаимодействия // Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН. Сердечно-сосудистые заболевания. 2020. Т. 21. № 6.
83. Осипова Н.Г., Семина Т.В. Идеальный тип и профессиональные деформации личности врача в условиях современного этапа глобализации // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 5.
84. Осипова Н.Г., Семина Т.В., Новоселова Е.Н. Доверие врачебному сообществу: резерв для сохранения и улучшения здоровья населения России // Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН. Сердечно-сосудистые заболевания. 2019. Т. 20. № 5.
85. Островский А.Б. Этнологический структурализм Клода Леви-Стросса // Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.
86. Полякова Н. Л. Идентичность в современной социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 4.
87. Полякова Н.Л. Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2018. № 4.
88. Райзман Е.М. «Забота о теле» как социокультурный феномен // Психосоматика: телесность и культура / Под ред. В.В. Николаевой. М.: Академический проект, 2009.
89. Рамси Н., Харкорт Д. Психология внешности. СПб.: Питер, 2009.
90. Решетников А.В. Социология медицины: становление, идеи, задачи // Вестник Российской Академии наук. 2001. Т. 71. № 12.
91. Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб: Изд-во Европейского университета, 2007.

92. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
93. Рупчев Г.Е. Психологическая структура внутреннего телесного опыта при соматизации: на модели соматоформных расстройств: Дисс. к.п.н. М., 2001.
94. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. М.: Терра, 2002.
95. Семина Т.В. Медицина и общество: микроуровень социального взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. Т. 26. № 3.
96. Силласте Г.Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2016.
97. Силласте Г.Г. Российские женские организации как форма социального сообщества и его социальная динамика в модусах глобализации и становления нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2021. № 2.
98. Силласте Г.Г. Социальная субъектность семьи в процессе формирования нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2020. № 4.
99. Соколов А.Б. История тела. Предпосылки становления нового направления в историографии // Диалог со временем. 2009. № 26.
100. Станковская Е.Б. «Мое чужое тело»: современные формы отношения женщины к себе в аспекте телесности // Мир психологии. 2011. № 4.
101. Старостина Д.А. Биополитика в концепции М. Фуко: Тело как инструмент управления обществом // Теория и практика общественного развития. 2022. № 6.
102. Старостина Д.А. Становление социологии тела во Франции: М. Мосс, А. Леруа-Гуран, К. Леви-Стросс, М. Фуко // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. № 4.

103. Старостина Д.А. Формирование дискурса о теле в феминистских исследованиях: «второй пол», субъект в процессе, номадическая субъективность // Социология. 2021. № 6.
104. Тартаковская И.Н. Публичная сфера и гендерное разделение труда. М.: Московский центр гендерных исследований, 2012.
105. Тернер Б. Современные направления развития теории тела // THESIS. 1994. № 9.
106. Технологии и телесность // Инновации в антропологии / Отв. ред. С.В. Соколовский. Вып. 3. М.: ИЭА РАН, 2018.
107. Троцук И.В. Социальные метафоры и «конструкция» человека в научной публицистике о теле // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. № 2.
108. Троцук И.В., Морозова А.В. Одежда как индикатор степени свободы и социально-экономического состояния общества // Теория и практика общественного развития. 2016. № 11.
109. Троцук И.В., Морозова А.В. Символические коды телесности: одежда как индикатор трансформаций социокультурных практик // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 2.
110. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
111. Ушакин С.А. Культура пола // Социокультурный анализ гендерных отношений / Под ред. Е.Р. ЯрскойСмирновой. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1998.
112. Уэст К., Зиммерманн Д. Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
113. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008.
114. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.
115. Фуко М. Рождение социальной медицины // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006.

116. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.
117. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011.
118. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Под общ. ред. В.П. Визгина, Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002.
119. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. СПб.: Академический проект, 2004.
120. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010.
121. Фуко М. История сексуальности-II: Использование удовольствий. СПб.: Академический проект, 2004.
122. Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе / Под общ. ред. А.Б. Мокроусова. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998.
123. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
124. Фуко М. Правительственность (идея государственного интереса и его генезис) // Логос. 2003. Т. 39. № 4–5.
125. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998.
126. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: «Талисман», 1994.
127. Фуко М. Технологии себя. М.: Логос, 2008.
128. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М: АСТ: Полиграфиздат, 2010.
129. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ: ОАО ЛЮКС, 2004.
130. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
131. Харитоновна А.Ю. Телесно-ориентированная психотерапия и медитативный танец в коррекции репродуктивной сферы женщины // Психология

- телесности между душой и телом / Ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М.: АСТ, 2007.
132. Чельшева И.В. Селфи – зависимость или новое искусство? // <https://cyberleninka.ru/article/n/selfi-zavisimost-ili-novoe-iskusstvo> (дата обращения: 06.08.2022).
133. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016.
134. Шведова Н.А. Гендерное равенство в меняющемся мире: «Нам нужны большие смелые шаги...» // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 2.
135. Шишковская А.В. Теоретические представления об образе физического я в психологии // *Северо-Кавказский психологический вестник*. 2009. № 3.
136. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.–СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1–2.
137. Энгелн Р. Эпидемия Красоты // https://www.youtube.com/watch?v=63XsokRPV_Y (дата обращения: 13.04.2022).
138. Aalten A. Performing the body, creating culture // *European Journal of Women's Studies*. 1997. Vol. 4. No. 2.
139. Altilio T., Otis-Green Sh. *Oxford Textbook of Palliative Social Work*. Oxford University Press, 2011.
140. Arcelus J. et al. Mortality rates in patients with anorexia nervosa and other eating disorders. A meta-analysis of 36 studies // <https://doi.org/10.1001/archgenpsychiatry.2011.74> (дата обращения: 05.08.2022).
141. Bauman Z. Survival as a social construct // *Theory, Culture & Society*. 1992. Vol. 9.
142. Blackwell E. *Essays in Medical Sociology*. London, 1902.
143. Bloom S.W. Institutional trends in medical sociology // *Journal of Health and Social Behavior*. 1986. Vol. 27. No. 3.

144. Boas F. The question of racial purity // *American Mercury*. 1924. Vol. 3.
145. Braidotti R. *Nomadic Subjects: Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory*. New York: Columbia University Press, 1994.
146. Braidotti R. *Patterns of Dissonance: A Study of Women in Contemporary Philosophy*. New York: Routledge, 1991.
147. Butler J. *Bodies That Matter. On the Discursive Limits of "Sex"*. New York–London: Routledge. 1993.
148. Butler J. *Undoing Gender*. New York–London: Routledge, 2004.
149. Bynum W.F. et al. *The Western Medical Tradition: 1800 to 2000*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
150. Caldeira Sofia P., Sander de R. Representing diverse femininities on Instagram: A case study of the body-positive // *Catalan Journal of Communication & Cultural Studies*. 2017. Vol. 9. No. 2.
151. Cixous H. The laugh of medusa // *New French Feminisms*. Ed. by E. Marks, I. de Courtivron. New York: Schocken Books, 1981.
152. Crawford R. Cultural influences on prevention and the emergence of a new health consciousness // *Taking Care: Understanding and Encouraging Self-Protective Behavior*. Ed. by N.D. Weinstein. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
153. Cregan K. *Key Concepts in Body and Society*. London: Sage Publications, 2012.
154. Crossley N. Mapping reflexive body techniques: On body modification and maintenance // *Body & Society*. 2005. Vol. 11. No. 1.
155. Domruk O.F. *Sociology of the Body: Reproducing Bodies* // https://www.researchgate.net/publication/361890673_Sociology_of_the_Body_Reproducing_Bodies (дата обращения: 28.07.2022).
156. Douglas M. *Natural Symbols: Explorations in Cosmology*. Harmondsworth: Penguin Books, 1973.

157. Eichberg H. Fitness on the market: Forget 'the single individual'! // *Bodily Democracy. Towards a Philosophy of Sport for All*. London–New York: Routledge, 2010.
158. Ellson A. Rise of fat as feminist issue shames dieters into silence // <https://www.thetimes.co.uk/article/rise-of-fat-as-feminist-issue-shames-dieters-into-silence-80sl6q6bh?region=global> (дата обращения 19.04.2022).
159. Erikson E. *Identity and Life Cycle*. New York–London, 1980.
160. Eskes T.B., Carlisle Duncan M., Miller E.M. The discourses of empowerment: Foucault, Marcuse and women's fitness texts // *Journal of Sport and Social Issues*. 1998. Vol. 22. No. 3.
161. Fausto-Sterling A. *Sexing the Body: Gender Politics and the Construction of Sexuality*. New York: Basic Books, 2000.
162. Featherstone M. *Consumer Culture and Postmodernism*. London–Newbury Park: Sage Publications, 1991.
163. Featherstone M. *Post-Bodies, Ageing and Virtual Reality. Images of Ageing*. London: Routledge, 1995.
164. Featherstone M. The body in consumer culture // *Theory, Culture and Society*. 1982. Vol. 1. No. 2.
165. Featherstone M., Hepworth M., Turner B.S. *The Body. Social Process and Cultural Theory*. London: Sage, 1991.
166. Flament M., Henderson K., Buchholz A., Obeid N., Nguyen H., Birmingham M., Goldfield G. Weight status and DSM-5 diagnoses of eating disorders in adolescents from the community // *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 2015. Vol. 54. No. 5.
167. Freidson E. *Doctoring Together: A Study of Professional Social Control*. New York, 1975.
168. Garfinkel H. Passing and the managed achievement of sex status in an inter-sexed person // Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1967.

169. Gatens M. A critique of the sex/gender distinction // A Reader in Feminist Knowledge. London: Routledge, 1991.
170. Giddens A. Modernity and Self-Identity. Cambridge: Polity Press 1991.
171. Global Digital 2021 // <https://exlibris.ru/news/digital-2021-glavnaya-statistika-po-rossii-i-vsemu-miru> (дата обращения: 15.05.2022).
172. Goffman E. The arrangement between the sexes // Theory and Society. 1977. Vol. 4. No. 3.
173. Google Photos: One year, 200 million users, and a whole lot of selfies // <https://blog.google/products/photos/google-photos-one-year-200-million> (дата обращения: 06.08.2022).
174. Grosz E. Notes towards a corporeal feminism // Australian Feminist Studies. 1987. Vol. 2. No. 5.
175. Ingold T. Tools for the hand, language for the face: An appreciation of Leroi-Gourhan's Gesture and Speech // Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. 1999. Vol. 30. No. 4.
176. Koljevic B. Twenty-First Century Biopolitics. Frankfurt am Main: Peter Lang International Publishing, 2015.
177. Kristeva J. New Maladies of the Soul. New York: Columbia University Press, 1995.
178. Kristeva J. Powers of Horror. New York: Columbia University Press, 1982.
179. Kristeva J. Revolution in Poetic Language. New York: Columbia University Press, 1984.
180. Lande B. Breathing like a soldier: culture incarnate // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects. Ed. by C. Shilling. Oxford: Blackwells, 2007.
181. Laqueur T. Making Sex: Body and Gender From the Greeks to Freud. Cambridge: Harvard University Press, 1990.
182. Lawson T. Gender and Social Change // <https://www.econ.cam.ac.uk/people-files/emeritus/tl27/PDFS/Gender%20and%20Social%20Change.pdf> (дата обращения: 20.03.2022).

183. Leroi-Gourhan A. *Gesture and Speech*. Cambridge: MIT Press, 1993.
184. Leroi-Gourhan A. *Prehistoric Man*. New York: Philosophical Library, 1957.
185. Lewis N. The climbing body, nature and the experience of modernity // *Body & Society*. 2000. Vol. 6.
186. Losh E. *Beyond Biometrics: Feminist Media Theory Looks at Selfie city* // http://d25rsf93iwlmggu.cloudfront.net/downloads/Liz_Losh_BeyondBiometrics.pdf (дата обращения: 03.08.2022).
187. Lupton D. *Data mattering and self-tracking: what can personal data do?* // *Continuum*. 2020. Vol. 34. No. 1.
188. Lupton D. *Data Selves: More-Than-Human Perspectives*. New York, 2019.
189. Lupton D. *Self-tracking cultures: Towards a sociology of personal informatics* // *Proceedings of the 26th Australian Computer-Human Interaction Conference on Designing Futures: The Future of Design*, 2014.
190. Lupton D. *The imperative of Health: Public Health and the Regulated Body*. London: Sage Publications, 1995.
191. Lupton D. *The Quantified Self: A Sociology of Self-tracking*. Maiden: Polity, 2016.
192. MacNevin A. Exercising options: Holistic health and technical beauty in gendered accounts of bodywork // *Sociological Quarterly*. 2003. Vol. 44. No. 3.
193. Mauss M. *Techniques and technology* // *Techniques, Technology and Civilization*. New York–Oxford, 2006.
194. McFall L. Personalizing solidarity? The role of self-tracking in health insurance pricing // *Economy and Society*. 2019. Vol. 48. No. 1.
195. Merton R., Reader G., Kendall P. *The Student Physician*. Cambridge–Harvard, 1957.
196. Metcalfe A.W. The hands of homo faber // *Body & Society*. 1995. Vol. 1.
197. *Millennials Selfies: Young Adults Will Take More Than 25,000 Pictures of Themselves During Their Lifetimes* // <https://www.ibtimes.com/millennials-selfies-young-adults-will-take-more-25000-pictures-themselves-during-2108417> (дата обращения: 13.07.2022).

198. Number of Connected Wearable Devices Worldwide from 2016 to 2022 // <https://www.statista.com/statistics/487291/global-connected-wearable-devices> (date accessed: 15.05.2022).
199. Olsen B. Material culture after text: Remembering things // *Norwegian Archaeological Review*. 2003. Vol. 36. No. 2.
200. Oudshoorn N. *Beyond the Natural Body: An Archaeology of Sex Hormones*. London: Routledge, 1994.
201. Parsons T. *The Social System*. New York, 1951.
202. Polhemus T. *Social Aspects of the Human Body*. Harmondsworth: Penguin, 1978.
203. Pronger B. *Body Fascism: Salvation in the Technology of Physical Fitness*. Toronto: University of Toronto Press, 2002.
204. Rettberg W.J. *Seeing Ourselves through Technology. How We Use Selfies, Blogs and Wearable Devices to See and Shape Ourselves* Ed. by H.G. Corneliusen. Bergen: Palgrave Macmillan, 2014.
205. Richardson S., Mackinnon D. Becoming your own device: Self-tracking challenges in the workplace // *Canadian Journal of Sociology*. 2018. Vol. 43. No. 3.
206. Roberts C. A matter of embodied fact: Sex hormones and the history of bodies // *Feminist Theory*. 2002. Vol. 3. No. 1.
207. Robillard A.B. Anger in the social order // *Body & Society*. 1996. Vol. 2.
208. Scott S. How to look good (nearly) naked: The performative regulation of the swimmer's body // *Body & Society*. 2010. Vol. 35.
209. Shilling C. *Sociology and the body: Classical traditions and new agendas // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects*. Ed. by C. Shilling. Oxford: Blackwell, 2007.
210. Simmel G. *Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Leipzig: Dunket und Humbolt, 1908.
211. Simmel G. *The Sociology of space* // Frisly D., Featherstone M. (eds.). *Simmel on Culture*. London: Sage Publication, 2000.

212. Smith Maguire J. *Fit for Consumption: Sociology and the Business of Fitness*. New York: Routledge, 2008.
213. Sprengnether M. *The Spectral Mother: Freud, Feminism and Psychoanalysis*, Ithaca: Cornell University Press, 1990.
214. Stocking G.W.Jr. Franz Boas and the culture concept in historical perspective // *American Anthropologist*. 1966. Vol. 68. No. 4.
215. Taleporos G., McCabe M.P. Body image and physical disability-personal perspectives // *Social Science and Medicine*. 2002. Vol. 54. No. 6.
216. Thomas H. Ballet and the anthropology of dance // *Body & Society*. 2001. Vol. 7.
217. Tylka T.L. Beyond “truly exceptional”: A tribute to Thomas F. Cash, an innovative leader in the body image field // *Body Image*. 2019. Vol. 31.
218. Ulseth A.-L., Seippe J. *Fitness, Class and Culture: Social Inequality in Fitness*. Oslo, 2011.
219. Witz A. Whose body matters? Feminist sociology and the corporeal turn in sociology and feminism // *Body and Society*. 2000. Vol. 6. No. 2.
220. Wolf N. *The Beauty Myth*. Toronto, Random House, 1990.
221. Yurieff K. TikTok is the Latest Social Network Sensation // <https://edition.cnn.com/2018/11/21/tech/tiktok-app/index.html> (дата обращения: 20.07.2022).

Рис. 1. Голландская плюс-сайз модель Джилл Кортлев на показе «Chanel»

Рис. 2. Британская плюс-сайз модель Алва Клэр, голландская плюс-сайз модель Джилл Кортлев и американская плюс-сайз модель Прешес Ли на показе «Versace» весна-лето 2021

Рис. 3. Исследование количества пользователей смартфонов

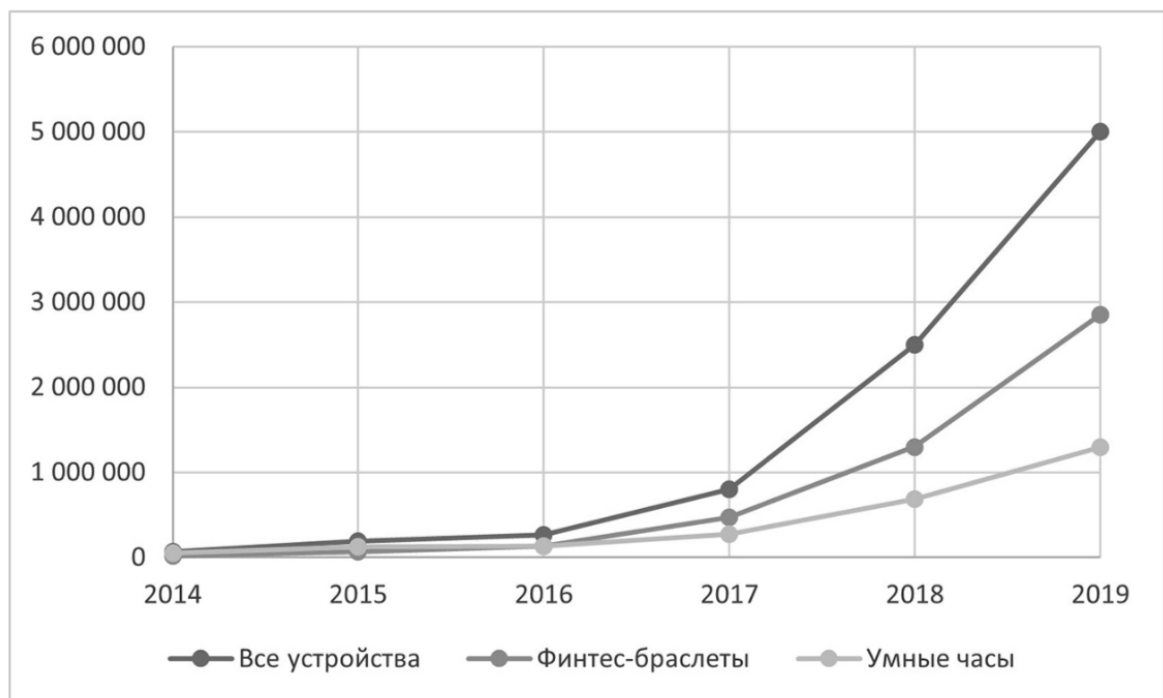

Рис. 4. Прогноз мировых продаж трекинг-устройств (2016–2022)

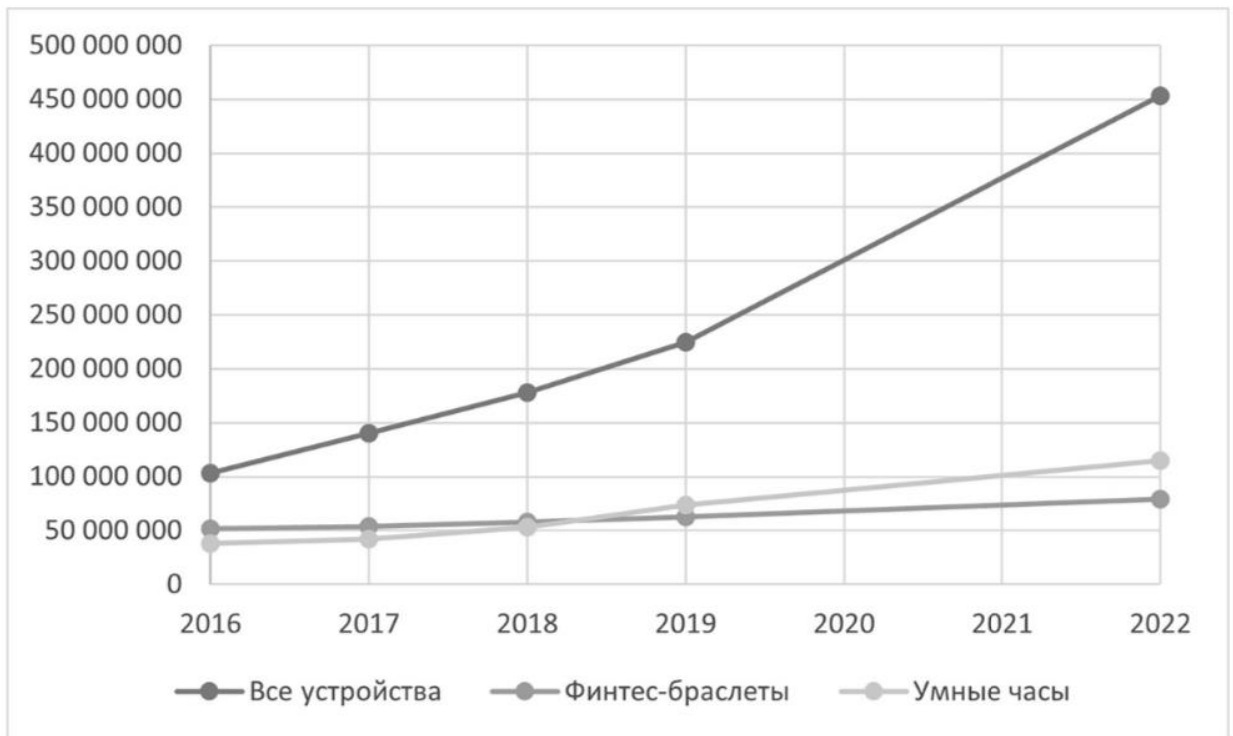

Рис. 5. Количество трекинг-устройств в России (2016–2022)

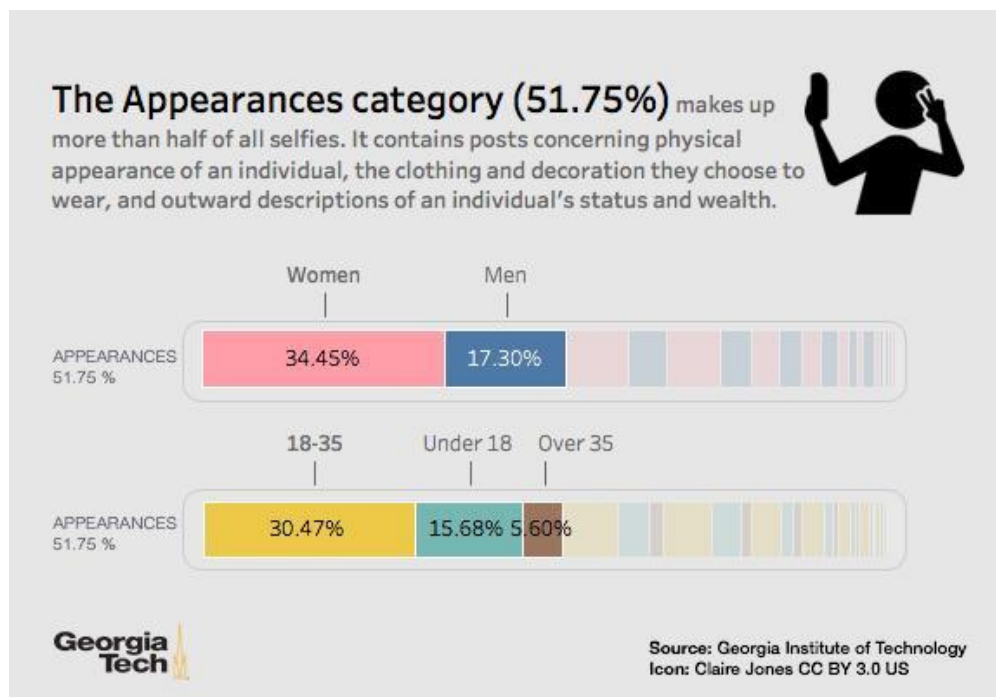

Рис.6. Демография самых популярных селфи, Georgia Tech

Рис. 7. Рекламное селфи супермодели Ирины Шейк для бренда уходовой продукции для волос «Loreal»

Рис. 8. Танцы-тренды. Источник видео и права: @aidushkajr

Рис. 9. Демонстрация «луков»
Источник видео и права: @kaspanova

Рис. 10. Видео-туториал
Источник и права: @beautybomb.rus

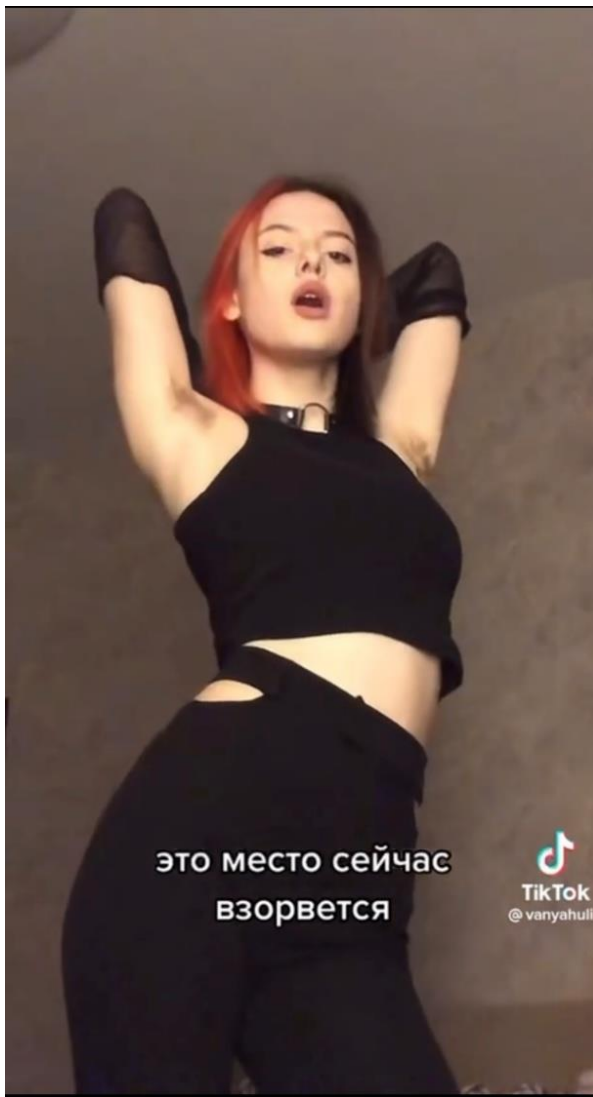

Рис. 11. Бодипозитив
Источник видео и права: @vanyahuli

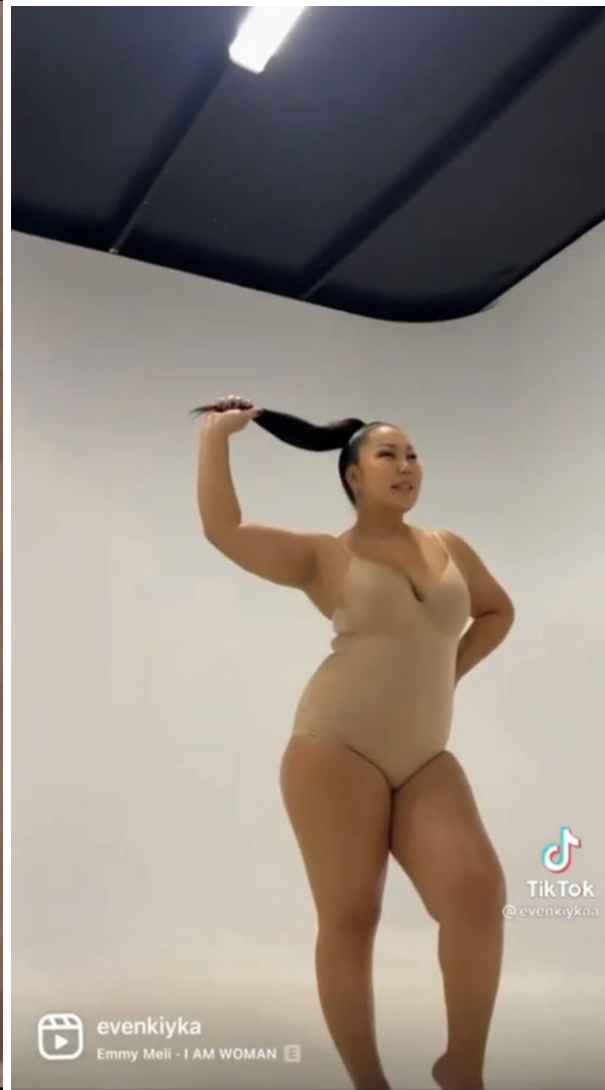

Рис. 12. Бодипозитив
Источник видео и права: @evenkiykaa

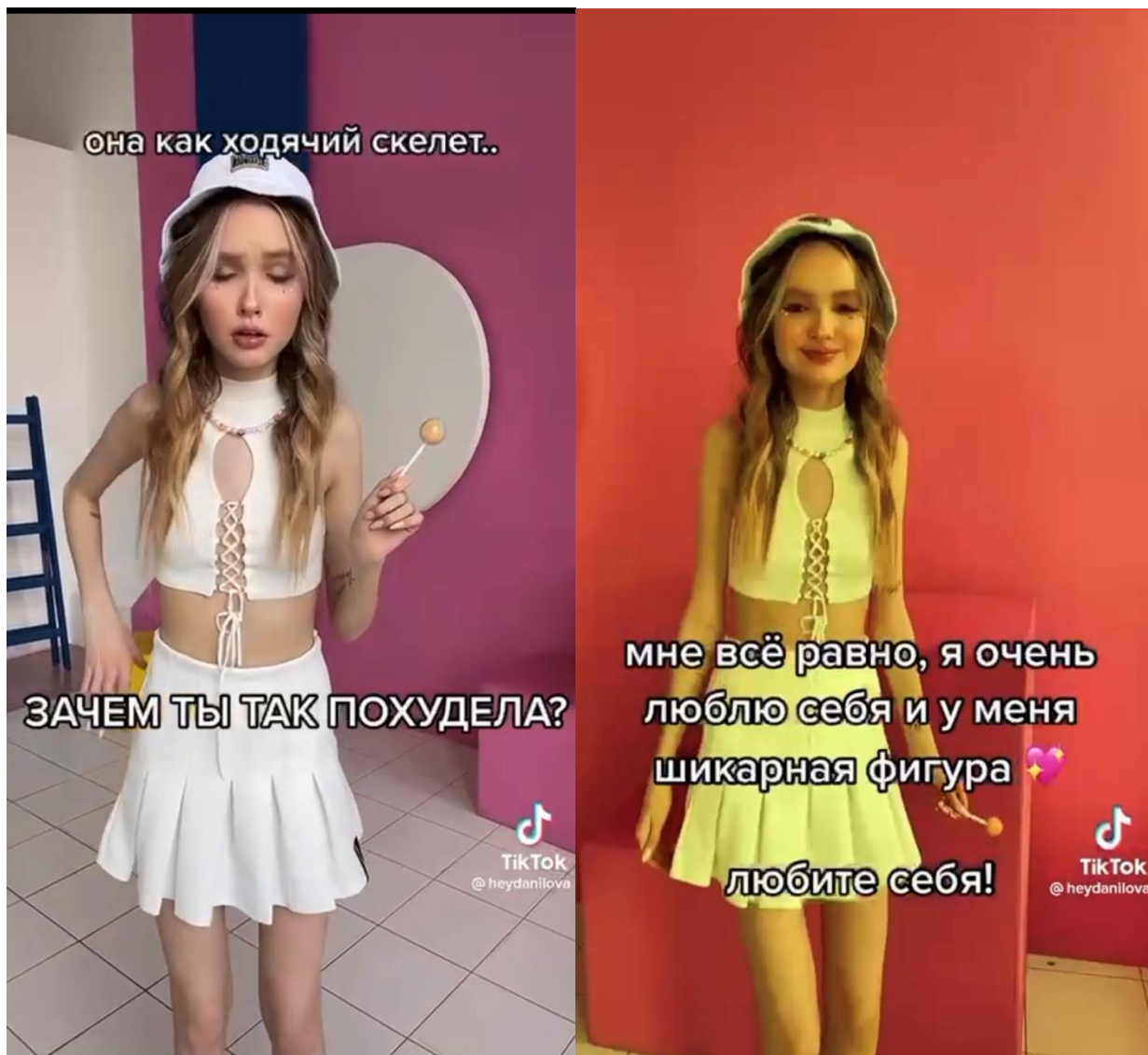

Рис. 13. Бодипозитив
Источник видео и права: @heydanilova